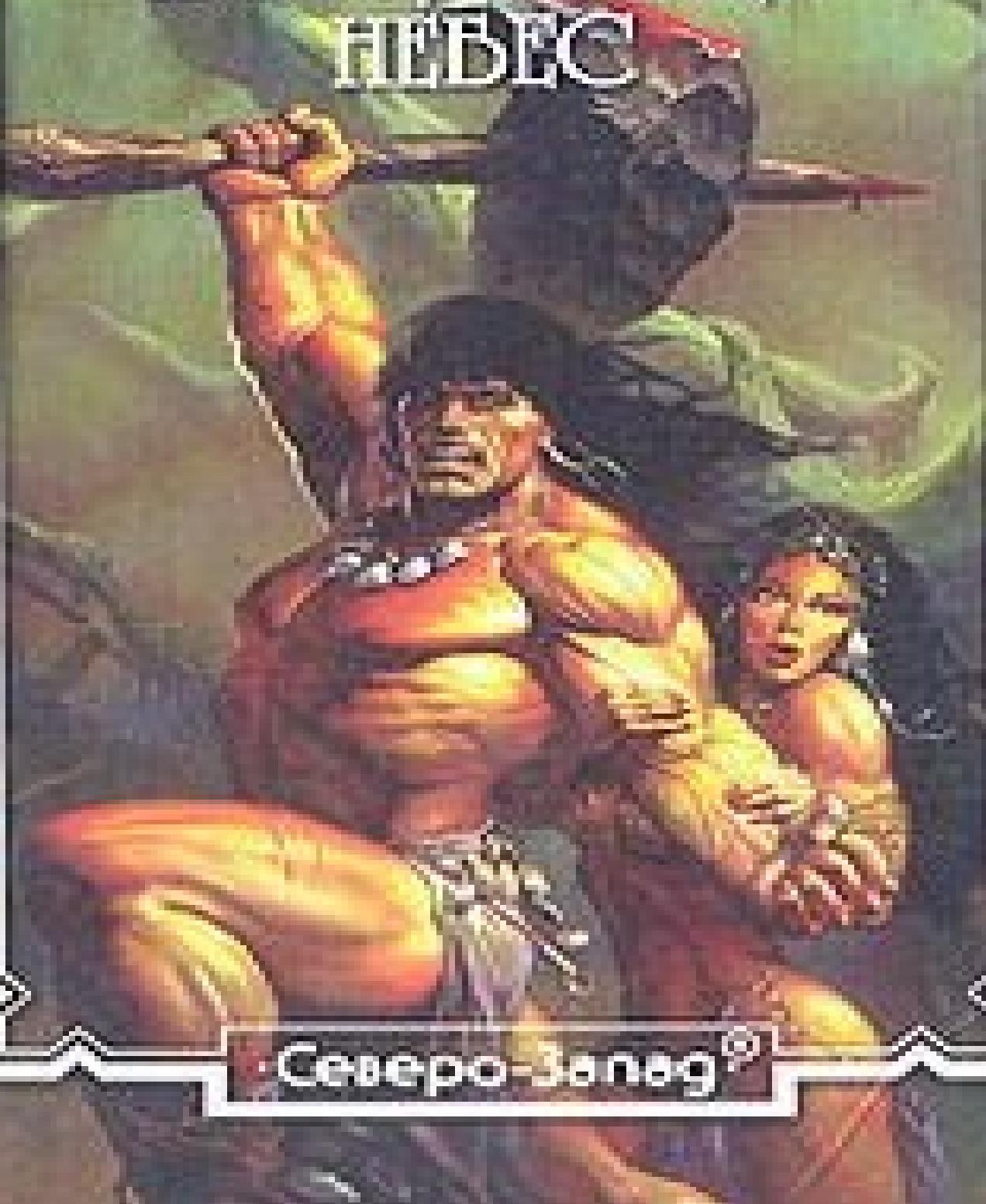

Романтическая
романтическая

КОНАН И ВЛАДИМИРА НЕВЕС

Северо-Запад

Annotation

Коварный маг принуждает короля Конана добыть шесть частей магического талисмана, нужные чародею, чтобы выбраться на свободу. Терзаемый опасениями за жизнь любимой Зенобии, Конан принимает вызов...

- [Тим Доннел](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
-

Тим Доннел

Шесть дверей страха

(Сага о Конане – 41)

Глава первая

В этот день смузная тревога с самого утра не покидала Конана, могущественного короля Аквилонии. Тщетно он искал ее причины – и не находил. После славных побед над врагами жизнь в королевстве, которым он правил мудро и строго, текла мирно и спокойно, не давая оснований для тревоги. Но что-то все-таки томило и мучило его весь день. Под вечер, покончив с государственными делами, киммериец направился в покой королевы Зенобии, надеясь рядом с ней избавиться от душевной тяжести. Он стремительно шел по коридорам дворца, не обращая внимания на почтительно склонявшихся слуг. Черные волосы непокорной гривой рассыпались по плечам, синие глаза мрачно глядели из-под насупленных бровей. Но, услышав за дверью, ведущей в покой Зенобии, знакомый смех, он невольно улыбнулся, и нахмуренный лоб разгладился. Так, с улыбкой, он и вошел к королеве, сначала не заметившей его появления. Она со своими приближенными дамами стояла у окна и кормила ручных голубей, живущих высоко под крышами дворцовых башен. Голуби, напуганные появлением черноволосого гиганта, с шумом вспорхнули с подоконника, и Зенобия обернулась, уже угадав, кто стоит у нее за спиной. Она взглянула возлюбленному в глаза, и от нее не укрылась тревога, томившая царственного супруга.

Мановением руки, отпустив дам, она спросила:

– Что-нибудь случилось, милый? Ты улыбаешься, но на душе у тебя тревожно, я же вижу!

– Я и сам не знаю, что меня беспокоит. В королевстве все спокойно, гонцы не принесли никаких тревожных вестей. А все-таки что-то не так... Ты ничего не чувствуешь?

– Нет, милый, ничего. Только мне сегодня все время хочется спать. Я велела дамам петь, мы даже потанцевали немного, потом кормили голубей...

Конан только сейчас заметил, какая она бледная, какие у нее усталые глаза.

– Я сам отнесу тебя в опочивальню, а завтра ты проснешься свежая, как цветок, и веселая, как птичка, – сказал он и легко, как ребенка, подхватил ее на руки.

В опочивальне он велел служанкам поторопиться, помогая госпоже переодеться на ночь, поцеловал ее, совсем засыпающую, и тихо ушел к

себе.

Сон затягивал Зенобию, как омут, кружил в черных вязких водоворотах, опутывал руки и ноги клубками трепещущих нитей, глушил судорожно рвущийся из горла крик. Она уже целую вечность пыталась вырваться из этого кошмара, крошечным ясным кусочком сознания понимая, что это сон. И в то же время это была явь, страшная, завораживающая, колдовская, где чья-то темная воля играла ею, как буря играет сухим листком.

Перед ее широко раскрытыми от ужаса глазами мелькали смутные тени, то принимавшие какие-то очертания, то вновь разлетающиеся бесформенными яркими пятнами, сплетениями разноцветных полос, россыпями сверкающих во тьме точек. Разум ее изнемогал в этой бессмысленной борьбе с непостижимым. Казалось, еще немного – и она сама распадется на искры и полосы, а потом и совсем растает во мраке. И тогда она почувствовала, что тьма пристально смотрит в глаза невидимым оком и шепчет голосом, звучащим прямо у нее в мозгу:

– Рагон Сатх... Рагон Сатх... Рагон Сатх...

Она опять забилась, пытаясь избавиться от муки, но горло вдруг сжал острый железный обруч, и все утонуло в ее собственном крике и багровом сиянии...

Потом наступила тишина. Сероватый полумрак мягко покачивался перед глазами, где-то вдалеке смутно слышались тихие шорохи, которые, приближаясь, становились все громче. Она пыталась понять хоть слово, и в этот момент пелена прорвалась, и свет хлынул в ее раскрывшиеся глаза. Голоса на мгновение смолкли и тут же зазвучали вновь.

– Она очнулась! Королева открыла глаза! – радостно защебетал юный голосок.

– Растирай руки, Имма, не останавливайся! – властно приказал суровый мужской голос, и она увидела склонившееся над ней смутно знакомое лицо.

Когда-то давно, целую вечность назад, она его знала... Кто это? Ее губы шевельнулись, спрашивая. Человек понял, наклонился и негромко сказал:

– Это я, Дамунк, о, королева! Лекарь Дамунк! Еще немного, и тебе станет лучше! – С этими словами он поднес к ее лицу флакон с ароматическим снадобьем.

Резкий запах сразу прогнал туман, окутавший сознание. Краски, звуки, воспоминания потоком хлынули на нее, и только что мучивший ее кошмар вдруг отодвинулся куда-то далеко, уступив место знакомой жизни.

Вконец обессиленная, королева Зенобия лежала, разметавшись на ложе. Казалось, она всю ночь оборонялась от десятка врагов – даже тяжелый полог был сдернут и бесформенной кучей валялся на полу. Ночное одеяние тоже было изорвано в клочья – так страшно билась и металась королева в плenу своего сна.

Встревоженные служанки испуганной стайкой жались в стороне – они почти всю ночь пытались разбудить королеву, но кошмар не выпускал ее из своих цепких объятий. И лишь когда из своих покоеv прибежал встревоженный король Конан, он, силой своих могучих рук, смог удержать прекрасную Зенобию, бившуюся и стонавшую в тягостном сне.

Только утром, когда взошло солнце, придворный лекарь Дамунк и его маленькая проворная помощница смогли разбудить королеву. Конан удерживал ее трепещущее тело, а ласковые сильные руки Иммы крепко натирали ладони и маленькие ступни Зенобии целебными мазями. Лекарь то и дело подносил к ее ноздрям флакон с ароматическим зельем, и, когда, наконец, она с трудом приоткрыла глаза, затуманенным взором глядя куда-то вверх, он склонил над ней седую голову, пытаясь поймать ее взгляд и вызволить из кошмара.

– Я – Дамунк, о, королева! Лекарь Дамунк!

Глаза Зенобии прояснились, она смотрела вокруг, узнавая и вспоминая. Еще одно лицо склонилось над ней: встревоженные синие глаза, непокорная грива густых черных волос, жестко очерченные губы. Это лицо, каждую черточку и каждый шрам которого она так хорошо знала, страшное в гневе и открытое в радости, теперь исказила гримаса тревоги и страдания. Пересохшие губы разжалась, и она прошептала, с трудом узнавая свой голос:

– Конан! Конан, спаси меня!

Руки мужа нежно сжали хрупкие плечи королевы, приподняли ее голову, откинули спутанные пряди волос. За его спиной вдруг приглушенно вскрикнул лекарь:

– О Боги! Что это?!

Белую шею Зенобии охватывал узкий багровый рубец, похожий на след от ошейника. Конан осторожно прикоснулся к нему кончиками пальцев, и королева откинула голову, застонав от пронзительной боли, мгновенно вызвавшей из глубин памяти грозное имя – страх и муку ее ночных видений:

– Рагон Сатх... Рагон Сатх... – со стоном прошептала она.

Дамунк эхом повторил:

– Рагон Сатх... Рагон Сатх... Я встречал это имя в древних колдовских

книгах... Это страшный маг, убивающий во сне. Ему что-то надо от людей, и люди погибают, выполняя его волю...

– Клянусь Кромом, королеву я ему не отдаю! Не бойся, я здесь, с тобой! – Конан ласково гладил лоб, волосы, руки прекрасной Зенобии, пока она наконец не уснула спокойным сном.

Служанки и маленькая Имма остались около нее, готовые в любой момент вырвать королеву из когтей ужаса, а Дамунк повел Конана в свое хранилище, где на полках стояли древние колдовские книги, а на столах грудами лежали свитки с рецептами снадобий и заклинаниями. Здесь, в полутемной комнате, пропахшей пылью и травами, отгоняющими мышей, среди трактатов, таивших в себе смерть и исцеление, король Конан сел напротив лекаря, и Дамунк, сняв с полки тяжелую толстую книгу в кожаном переплете с серебряными застежками, стал листать пожелтевшие страницы. Король долго ждал и, в конце концов, потеряв терпение, спросил:

– Ну, ты нашел что-нибудь про это отродье Нергала?! Что скажешь об этом Рагоне Сатхе?!

– Имя Рагон Сатх на древнем стигийском наречии означает «Плененный Вечностью». Здесь, в этой старой книге, написано, что он своими злодеяниями прогневил и богов, и демонов.

– Так что же, боги и демоны не могли его просто уничтожить?! Почему он еще жив и продолжает творить зло?

– Нам, людям, не всегда дано понять, чего хотят боги... Возможно, смерть была бы ему слишком легкой карой.

– Слишком легкой! Что может быть хуже смерти?!

– А ты, король, что бы выбрал – смерть или нескончаемую пытку одиночеством? Заточение, когда ты наедине с собой – сто, тысячу, две тысячи лет, и убежать невозможно?

Король помолчал, представив себя на месте мага, и нехотя ответил:

– Ты прав, Дамунк, я бы выбрал смерть... Но что ему надо от людей?!

– Ему было обещано освобождение, если смертный сделает для него то, что может свершить лишь колдун. Сомнительная надежда. Вот он и терзает людей, посылая их на смерть.

– И что же, теперь он хочет этого от Зенобии? От слабой женщины?

– Мы не знаем, что ему надо. Может, и женщине это под силу, а может, тут кроется что-то другое. В книге ничего больше не написано, кроме того, что Рагон Сатх властен над людьми, только ночью, во сне...

Королева... Конан сжал кулаки, приходя в ярость от невозможности оградить ее от чуждой воли. Древние книги, которые просматривал

Дамунк, не содержали никаких заклинаний или снадобий, способных помочь в данном случае и отогнать колдовство. Кресло, на котором сидел король, полетело в сторону, на пол посыпались потревоженные свитки, раздался грохот захлопнувшейся двери, и Дамунк остался один, подбирая с пола свои сокровища.

К тому времени, как Конан вернулся в спальню Зенобии, она уже проснулась и, приподнявшись на смятых подушках, с изумлением оглядывалась по сторонам. Конан вошел, кивком головы отоспал служанок, велел Имме принести вина и сел рядом с королевой.

Ярко-красный рубец на шее, который утром так испугал Дамунка, сейчас побледнел и еле заметной розовой полосой выделялся на белой коже.

– Конан, что случилось?! Кто посмел устроить здесь такой разгром? Мой любимый полог, смотри, он разорван! О Боги, что это?! – Королева вдруг заметила, что ее тело едва прикрыто обрывками легкой ткани, еще вчера бывшими прелестным ночным одеянием.

Зенобия испуганно вскочила с истерзанного ложа, длинные спутанные волосы рассыпались по обнаженным плечам, глаза метали гневные молнии.

– Конан, милый, я ничего не понимаю! Объясни мне, что случилось! Вечером, когда ты ушел от меня, все было как обычно. И вот сейчас, утром, вдруг такое! А мои волосы! Что с ними? Теперь мне целый день придется просидеть, пока служанки их расчешут! – она гневно топнула ногой, пытаясь распутать длинную прядь.

– Так ты ничего не помнишь? Не помнишь, что тебе снилось?

– Мне ничего не снилось! Ты ушел, я крепко уснула, сейчас проснулась – и вдруг такое! А что я должна помнить?! Ведь не я же все это устроила! Или ты хочешь сказать, что я?.. – Она вдруг притихла, испуганно глядя на измученное тревогой лицо Конана.

Он молча кивнул, наклонившись, обнял ее за плечи и стал нежно гладить спутанные волосы. Взглянув на окно, королева заметила, что солнце уже склоняется к горизонту и вечерние тени ложатся под деревьями. Она резко отстранилась и вскрикнула:

– Смотри, уже вечер! Я так долго спала? Конан, не мучай меня, расскажи, что случилось?

Пока она пила вино, настоящее на целебных травах, и ела принесенные Иммой кушанья, Конан поведал о событиях минувшей ночи. Королева с удивлением выслушала его, еще раз осмотрелась и велела служанкам привести все в порядок. Пока одни служанки хлопотали,

приводя спальню в прежний вид, а другие осторожно расчесывали спутанные волосы Зенобии, она сидела напротив зеркала, не сводя глаз с бледно-розовой полосы на шее.

В спальню, бесшумно ступая по толстому ковру, вошел Дамунк и остановился около короля. Конан прошептал, не отводя глаз от Зенобии:

– Она ничего не помнит и не очень верит тому, что я рассказывал. Приближается ночь, что нам делать? Я не отойду от нее ни на шаг, и ты останешься здесь со своими снаряжениями. Сейчас я пойду, отдам кое-какие распоряжения – гонцы ждут с самого утра, а ты будь тут и глаз с нее не спускай!

Конан вышел, а королева все смотрела на свое отражение, пытаясь что-то вспомнить, водя пальцем по розовой полосе. Когда служанки, наконец, расчесали волосы и заплели их в тугие косы, солнце уже скрылось за деревьями, и только алые облака сияли на небесах, тоже готовые вот-вот погаснуть.

Конан вернулся к Зенобии, готовый провести около нее всю ночь, и невольно залюбовался своей королевой – так она была хороша в новом платье из легкой струящейся материи, с гордо поднятой головой и решительно скатыми губами. Стоя около своего роскошного ложа, задумчиво прикасаясь к расшитому пологу, она сказала:

– Я не буду спать этой ночью! Конан, будь рядом со мной, не давай мне уснуть! То, что ты рассказал, было так страшно... Я боюсь, вдруг я умру, как те, других, которых колдун убил во сне!

– Я здесь, с тобой, и никуда не уйду! И Дамунк будет тут, и Имма. Мы будем разговаривать всю ночь, а утром ты спокойно уснешь! Имма, распорядись, чтобы сюда принесли кости – они наверняка найдутся у кого-нибудь из стражи. Я вас сейчас научу этой разбойничьей игре, вы и не вспомните, что ночь создана для сна – ночь создана, чтобы играть и рассказывать всякие небылицы. Дамунк, ты человек ученый, тебе и начинать. Только не вздумай говорить о серьезных вещах, лучше вспомни, как ты был молодым и бегал за девчонками! – Король подтолкнул локтем смущившегося лекаря и с радостью заметил лукавую улыбку на губах Зенобии.

Вернулась Имма, неся поднос с освежающим питьем и сладостями для королевы, а идущий следом слуга робко поставил на стол стаканчик с костями. Когда он вышел, все четверо уселись на ковер, и почтенный Дамунк начал плести такую историю, что Конан поневоле стал вспоминать, не встречались ли они в давние времена на улицах Шадизара, этого гнезда воров и разбойников.

Зенобия хотела, а маленькая Имма бросала сердитые взгляды на своего учителя, недоверчиво встряхивая кудрявой головкой. Лекарь с видимым облегчением закончил свой рассказ, и настала очередь короля научить свою королеву играть в кости, как вдруг он почувствовал, что рука, лежавшая на его плече, вдруг соскользнула вниз, и Зенобия мягко повалилась на ковер. Она крепко спала.

Конан попробовал ее разбудить, но она нахмурилась во сне, как капризный ребенок, и уютно свернулась калачиком. Он подхватил ее на руки и бережно уложил на постель, не сводя глаз со спокойного лица.

Казалось, ничто не нарушит безмятежность этого сна. Время тянулось медленно, ночная тишина убаюкивала. Имма дремала в кресле, положив голову на подлокотник. Дамунк боролся со сном, расхаживая из угла в угол и разглядывая давно знакомое убранство королевской спальни.

Затейливая резьба деревянных панелей, украшавших стены, такая забавная днем, теперь, в мерцающем свете одинокого светильника, казалось, таила в себе угрозу. Маленькие крылатые дракончики гонялись друг за другом, прячась среди цветов и листьев. Неверный отблеск пламени оживлял крохотных чудовищ, и они, как настоящие, извиваясь, трепетали перепончатыми крыльями, а цветы, жалобно вздыхая, шевелили лепестками. Лекарь зажмурился, потряс головой, отгоняя наваждение, и отвернулся.

Зенобия безмятежно спала. Конан уже начал надеяться, что кошмар не повторится, как вдруг губы ее страдальчески дрогнули, и раздался тихий жалобный стон. Голова судорожно откинулась назад, а руки потянулись к шее, словно пытаясь освободиться от чего-то невидимого. И снова королева забилась, как пойманная птица, а Конан вновь старался удержать ее на ложе, сжимая в крепких объятиях. Маленькие руки отбивались от него с нечеловеческой силой, тело трепетало и извивалось, вырываясь из неведомого плена, а на шее опять тускло блестел узкий железный ошейник.

Лекарь попытался подойти к Зенобии со своими снадобьями, но был тут же отброшен в сторону. Только могучие руки Конана могли удержать королеву. Вмиг пробудившееся звериное чутье варвара подсказывало киммерийцу, что борется он со злобной враждебной силой. Прижимая к себе всегда столь желанное тело Зенобии, он понимал, что избавиться от чужой воли несчастная королева могла, лишь убив себя.

Когда Дамунк и Имма снова подошли к ложу, пытаясь поднести к ее ноздрям фланконы, Конан, не разжимая железных объятий, прорычал сквозь стиснутые зубы:

– Не подходите! Теперь ждите до утра! Отойдите дальше!

Еще долго продолжалась эта схватка с вселившейся в прекрасное женское тело колдовской мощью, но, наконец, краем глаза Конан увидел, что звезды погасли, и небо начало светлеть. Что принесет королеве это утро? Неужели она больше не увидит солнца, не посмотрит на него своими ясными глазами, не засмеется озорным смехом? Где она сейчас, какие мучения испытывает ее душа во власти этого демона?!

– Кр-р-ром! Я не отдам тебя! Ты вернешься! Ты вернешься! – хрипло шептал Конан, не выпуская из объятий бьющуюся королеву.

Внезапно все стихло. Она лежала вытянувшись на ложе, неподвижная, как статуя. Конан, тяжело дыша, отпустил плечи жены и взгляделся в застывшее лицо.

Нет, это было не ее лицо! У нее никогда не было такого выражения, никогда губы не изгибались так надменно и повелительно! Глаза были закрыты, но Конану казалось, что они смотрят на него сквозь сомкнутые веки.

– Пусть они уйдут! – вдруг произнесли эти губы чужим властным голосом, от которого повеяло смертью. – Пусть они уйдут, а ты останься! Скорее!

Дамунк хотел что-то сказать, но Конан быстро подтолкнул его и испуганную девушку к двери, закрыл засов и вернулся к Зенобии.

Она медленно села, как села бы ожившая мраморная статуя. Тяжелые веки поднялись, и на Конана глянули огромные глаза, сверкавшие блеском огня и снега. Губы послушно зашевелились, произнося чужие слова:

– Королева в моей власти! Она может умереть, а может и остаться жить! Я каждую ночь буду приходить к ней, если ты не займешь ее место! Мне нужен ты, варвар, только ты!

Сердце Конана разрывалось от боли и ярости. Перед ним – страшный враг, которого нельзя убить, которому придется покориться! Выбора не было.

– Отпусти ее, я согласен! – Его голос дрожал от гнева, ногти до крови впились в ладони.

– Я знал, что ты согласишься, люди все одинаковы! Завтра ночью ты закроешься в своей спальне и будешь ждать! Я, Рагон Сатх, хочу видеть тебя! Прощай!

Тело королевы внезапно обмякло, и она обессилено повалилась на подушки. Раздался тихий звон, и на пол покатился лопнувший железный обруч, сжимавший ее шею. Бросившись к двери, Конан, срывая засов, рывком распахнул ее, и в спальню вбежали лекарь и его ученица. Они

захлопотали вокруг Зенобии, приводя ее в чувство, а Конан поднял с пола железный обруч и подошел к окну, чтобы получше его рассмотреть. Металл, похожий на полированное железо, своим ледяным холодом обжигал пальцы, его хотелось отбросить, как ядовитую змею, но он все всматривался в таинственные знаки, черной вязью украшавшие обруч. Он хотел позвать Дамунка, чтобы показать ему колдовские письмена, но тут на обруч упал первый луч солнца и проклятый ошейник растаял дымной струйкой, только пальцы Конана продолжали гореть, как от ожога.

Зенобия лежала, глядя в потолок невидящими глазами. Лицо за эту ночь совсем осунулось, волосы потускнели, бескровные губы пересохли и потрескались. Конан приподнял безвольное тело жены, и лекарю удалось влить в скорбно сжатый рот несколько капель вина. Она закрыла глаза, и ее бережно уложили обратно на подушки. Спокойный сон прогнал страдальческое выражение с побледневшего лица и дал отдых измученному телу.

За дверью спальни ожидали встревоженные дамы, все в королевском дворце замерло в предчувствии несчастья. Конан вышел от Зенобии, плотно прикрыв дверь. Жизнь продолжается, и дела королевства не менее важны, чем жизнь королевы. Он объявил, что королеву мучили дурные сны и теперь она отдыхает. Услуги придворных ей пока не нужны, лекарь и служанки справляются сами.

День прошел своим чередом. Дела король вершил быстро и решительно, и к вечеру тревога во дворце совсем улеглась. Отпустив последнего гонца, Конан, наконец, поспешил к Зенобии. Глядя на его спокойное лицо, никто не догадался бы, какие мучительные мысли роятся в голове киммерийца. Как там его королева? От лекаря никто не приходил, значит, ничего страшного.

Приближается ночь... Что она принесет? Что будет завтра? И будет ли это завтра? Он тряхнул головой, прогоняя сомнение. Все будет, и завтра, и вся долгая жизнь! Настала пора встретиться еще с одним магом, а сколько их было! Конан усмехнулся, по опыту зная, какими порой слабыми и беспомощными бывают все эти волшебники, встретившихся с его, не знающей сомнений, волей, и, все еще улыбаясь, вошел в спальню Зенобии.

Она, как и вчера, сидела у зеркала, одетая в парадное платье, с высоко уложенными волосами. Крепкий сон вернул краски и свежесть ее лицу, зажег глаза прежним блеском. Она повернула голову и улыбнулась в ответ на его улыбку. Его глаза искали след от колдовского ошейника, но стройная шея, поддерживавшая гордую голову, сияла безупречной белизной.

– Что со мной, Конан? Я стала так поздно просыпаться! Уже скоро

вечер, а я только что поднялась. Но зато как мне хорошо! Я хочу пойти в сад. Вели приготовить все для ужина в саду, мы будем допоздна веселиться! Пусть музыканты играют, мне сейчас хочется танцевать!

— Я очень рад, что ты проснулась такой веселой. Сейчас в саду накроют столы, и ты будешь хозяйкой ночного праздника. Пусть музыка играет погромче, чтобы и я ее слышал. Мне придется на всю ночь уединиться с Дамунком — поверь, это очень важно! А утром мы встретимся, и ты мне все расскажешь. Смотри только, не слишком улыбайся юному Готнару — иначе мне придется послать его в дальний гарнизон кормить змей и лягушек! Прости, мне уже пора, повеселись за двоих, дорогая!

Дамы окружили королеву, и она, не успев рассердиться на Конана, тут же снова улыбнулась. Вечером в саду было, в самом деле, чудесно. На деревьях зажгли маленькие фонарики, привезенные из заморских стран, негромко заиграли музыканты, спрятавшиеся в заросшей плющом беседке.

Королева приколола к волосам душистый ночной цветок, села во главе длинного стола и решила, что обязательно вскружит сегодня голову молодому Готнару — а завтра пусть он отправляется в самый дальний гарнизон, к пиктам и лягушкам! Подумаешь, важные дела с этим лекарем! Ну, Конан, смотри не пожалей!

Музыка заиграла громче, зазвенели кубки, слуги как угорелые летали из сада в дворцовую кухню и обратно, сгибаясь под тяжестью блюд и серебряных кувшинов с вином.

Королева изредка, нахмурившись, поглядывала на пустое кресло, предназначенное для Конана. Но тут же лукавая улыбка снова появлялась на алых губах, и она, склонив голову и опустив длинные ресницы, слушала, что нашептывает ей Готнар, молодой повеса из свиты короля. Он всегда ухитрялся оказаться рядом с ней, когда Конана не было поблизости, и без устали превозносил ее красоту. Когда же ему приходилось сопровождать короля, он всегда искал ее пламенным взором, и часто она даже спиной чувствовала, как он пожирает ее глазами. Конан от души забавлялся этой игрой, и вечерами они оба, бывало, хохотали над этой рыбкой, бьющейся на крючке любви.

Сейчас, досадуя на Конана, она чувствовала, что позволяет себе лишнее, но вечная женская жажда поклонения толкала ее продолжать опасную игру.

Тем временем на небольшую лужайку, ярко освещенную разноцветными фонариками, чинно вышла крохотная пара — два карлика, купленные королем, каждый за слиток золота. Их привезли издалека, специально на потеху блестящего аквилонского двора. Не больше

половины обычного человеческого роста, стройные, с красивыми гладкими лициками, доверчивыми карими глазами и выющими каштановыми волосами, они казались вечными детьми, братом и сестрой. Но это были взрослые люди, хотя никто не знал, сколько им лет. Голоса их, тонкие и пронзительные, как у птиц, всегда вызывали у Зенобии улыбку, а когда они пели любовные песни, она не могла удержаться от смеха.

Теперь же они были одеты в наряды, в точности повторявшие наряды короля и королевы. Их головы венчали золотые обручи с сияющими зубцами, на поясе у карлика болтался огромный меч, цепляясь за ноги и вызывая взрывы хохота.

Они танцевали медленно, важно, то с поклонами расходясь, то вновь сходясь, чтобы степенно покружиться, взявшись за руки. Меч путался в траве, задевал за юбку крошечной королевы, но они невозмутимо кружились, величественно кланялись и изящно взмахивали руками.

Зенобия, изнемогая от смеха, с трудом сняла с руки драгоценный браслет и бросила его крошке-королю. Тот ловко поймал его на лету, благодарно улыбнулся и важно надел поверх рукава своего одеяния. Другие придворные тоже стали бросать шутам драгоценности, и малютка-королева не спеша собирала их в подол, словно спелые яблоки. Это вызвало новый взрыв хохота, музыка загремела громче, и на смену карликам на полянку стали выходить новые танцующие пары. Кавалеры и дамы кружились в танце, наслаждаясь ночной прохладой. Королева танцевала с Готнаром, ее загадочная улыбка дразнила и обнадеживала.

Шум праздника слабыми отголосками долетал до спальни короля, где он отдавал последние приказания лекарю и двум стражникам. Это были надежные молодцы из его личной охраны, они знали многое и не болтали лишнего. Вот и теперь им предстояло нести ночной караул у дверей королевской спальни, а утром быть здесь же, под рукой, чтобы привести Конана в чувство, если колдовская сила не отпустит его сама. Имма, маленькая помощница лекаря, стояла тут же, умоляюще глядя на Конана — она словно чувствовала, что ее собираются отослать. Славная девочка, истинные чувства которой давно уже не были секретом для короля. Когда она натирала целебными мазями его ноги, уставшие от многодневной охоты, или массировала тело, возвращая затвердевшим буграм мышц мягкость и легкость, в трепете ее сильных рук безошибочно чувствовалось нечто большее, чем старание служанки. Это были любящие прикосновения, и они выдавали ее так же, как полузакрытые глаза и вздрагивающие от скрытой нежности губы.

Где-то глубоко в душе Конан чувствовал ответный отклик на этот

робкий призыв и знал, что когда-нибудь сожмет в объятиях это стройное смуглое тело, зароется лицом в непокорные завитки черных волос, глубоко заглянет в ее глаза. А какого они цвета, эти глаза? Золотистые? Зеленые? Он так и не смог рассмотреть. Все равно приятно было сознавать, что все это будет...

Но не сейчас... Когда-нибудь потом... Поэтому он и хотел отослать ее, чтобы она не видела его в час бессилия, а может, и смерти. Но ее глаза смотрели так требовательно, и в то же время умоляюще, что он сдался:

— Ладно, Имма, ты тоже останься, и приготовь вино — твое знаменитое, на травах, что и мертвого поднимет, и растирай меня покрепче, уж я-то знаю, какие у тебя сильные руки, мальшка!

Она расцвела, услышав его похвалу, и, повинувшись кивку Дамунка, побежала готовить снадобья. Конан, перед тем как запереться в спальне, велел лекарю запомнить все, что он будет говорить утром.

Дверь захлопнулась, звякнул засов, и Дамунк приготовился ждать всю ночь, не смыкая глаз. Стражники, словно бронзовые изваяния, замерли по обе стороны дверей, опершись на алебарды, готовые скорее умереть, чем допустить кого-либо к королю.

Конан прошелся по спальне, вслушиваясь в отдаленные звуки музыки и всплески веселого смеха, постоял у окна, вдыхая пьянящий аромат цветущего сада, потом решительно закрыл окно и подошел к ложу. Глядя на него в этот момент, можно было подумать, что где-то неподалеку ждет оседланный конь, а сам он собрался в опасный путь. Как раньше, во времена, когда необузданный варвар мотался по свету, добывая удачу мечом и секирой, на нем была надета простая свободная туника, широкий кожаный пояс с кинжалом, на ногах — прочные дорожные сандалии. После некоторых колебаний он пристегнул к поясу меч из чудесной стали, способный разрубать камни. Это был прежний Конан — воин, пират, искатель приключений. На голове, вместо золотого обруча с огромным искрящимся камнем — символом королевской власти, был обычный кожаный ремешок, стягивающий непокорные черные волосы.

Конан присел на ложе, в ожидании неведомой опасности, но вместо этого почувствовал приятное покачивание — ему показалось, что он снова маленький мальчик, усталый и невыспавшийся. И вот оно перед ним, мягкое ложе и пышные подушки, такие желанные и соблазнительные! Мгновение — и вот киммериец уже удобно устроился на этих подушках, подложив под щеку могучую руку. Счастливая улыбка мелькнула на строгих губах, и он уснул, безмятежно, как в детстве.

Глава вторая

Он несся со страшной быстротой через темные спирали сновидения, неясные фигуры смутными пятнами пролетали мимо и таяли далеко позади. Казалось, этот полет может продолжаться вечно без мыслей, без осознания себя, но вот мелькание неясных пятен приостановилось, и Конан беспомощно забарахтался в пустоте, мысленно ругаясь и поминая всех демонов, каких только знал. Нащупав меч, он рывком выхватил клинок из ножен и размахнулся, пытаясь перерубить невидимую паутину, не дававшую ему привычно встать на ноги. Но перерубать было нечего, и стоять было не на чем: эти клочья тумана висели в пустоте так же, как и он сам – могучий король Конан.

Яростные ругательства потоком прорвались наружу, но предательский туман глушил их, как подушка, прижатая к лицу.

Внезапно раздался звук, от которого заломило уши, и серые клочья, затрепетав, стали разлетаться в стороны. Это был хохот, от которого мог лопнуть мозг и глаза готовы были вылезти из орбит. Почти теряя сознание, но крепко сжимая немеющей рукой оружие, Конан полетел со страшной высоты куда-то вниз. Он упал на что-то мягкое и тут же упруго вскочил, слегка согнув сильные ноги и сжав меч, готовый отразить любую атаку. И снова раздался этот жуткий хохот, выворачивающий внутренности и заставляющий дрожать колени. Неимоверным усилием воли Конан подавил предательскую дрожь, глаза от ярости налились кровью, и он резко обернулся, ища врага.

Да, враг был здесь, его присутствие Конан чувствовал каждой частицей своего тела, но глаза видели лишь странную комнату, в которой он оказался, и стоявший на золотом возвышении прозрачный сверкающий трон.

Не выпуская меча, все так же напружинив ноги, готовый к стремительному прыжку, как разъяренный барс, варвар огляделся по сторонам. Его ноги по щиколотку утопали то ли в мягком красноватом ковре, то ли в шкурах неведомых зверей, искусно сшитых и покрывавших весь пол. Только золотое возвышение с троном сияло посреди пушистого ворса. Сама комната была похожа на огромный шестигранный купол. Шесть стен из красновато-золотистого металла, похожего на медь, сходились над головой, и из точки, где все они смыкались, свисал на тонкой нити сияющий белый шар. Его свет причудливо преломлялся в

многочисленных гранях прозрачного трона, играя крошечными радугами и бликами.

Конан отвел глаза от этого пронзительного сияния и снова стал рассматривать стены, готовый лицом к лицу встретить опасность. Посреди каждой из шести граней висел большой кусок материи с вытканными загадочными символами. За этими тканями, похоже, были двери или окна, потому что полотнища колыхались и трепетали, как от легких порывов ветра. Конан хотел уже откинуть мечом одно из этих полотнищ, но его остановил властный голос, загремевший за спиной:

– Остановись, безумец! Еще не время! Обернись!

Он резко обернулся, выставив вперед меч, и увидел сидящего на троне хозяина этой пустой и странной комнаты, хозяина его сна. Сразу стало ясно, что любой меч бессилен что-либо сделать с этим существом, глядящим на него с высоты своего трона. Величественная фигура то обретала почти осозаемую плоть, то становилась зыбкой и расплывчатой. Лицо с пронзительными, леденящими душу глазами тоже все время менялось – суровый старик превратился в юношу с надменным жестким лицом, через мгновение ставшим почти совсем непохожим на человеческое, с кривыми, торчащими книзу клыками.

Конан стоял, опустив бесполезный меч на мягкую шерсть ковра, и смотрел на бесконечную череду превращений того, кто отныне был властен над его жизнью и смертью. Но он все время играл в эту игру и теперь без страха ждал, что будет дальше. Что-то ему нужно, этому демону, в чем-то маг, как и все они, слабее человека, и именно у простого смертного часто ищут чародеи поддержки своей колдовской силе.

Наконец тот, кто сидел на троне, перестал менять свои обличья, и на киммерийца теперь глядело существо, вполне похожее на человека, с таким же мощным, как у Конана, телом. Слегка седоватые волосы были коротко подстрижены, отчего лицо казалось высеченным из темного камня. Оно было бы даже величественным, если бы не этот взгляд, пронзающий насеквозд обжигающим холодом и в то же время полный смертельной тоски, и не горькая складка поджатых губ, прячущих муку в глумливой надменности.

– Ты мне нравишься, варвар! Давно я не встречал такого, как ты... Вижу, в твоей душе нет страха, ты разозлен, разгневан, но не боишься... Это хорошо, значит, тебя хватит на три, а то и на четыре двери. Ты подаришь мне три или четыре восхитительные ночи надежды! А потом – конец, как и у всех. Я не лукавлю перед тобой, ты не выйдешь отсюда живым, как и я не выйду отсюда вовеки... Мы с тобой – оба пленники, ты –

мой, а я – Пленник Вечности. Твоя участь даже лучше моей, ты хоть можешь умереть!

Конан смотрел на это лицо, слушал бесстрастно произносимые слова, отзывающиеся в его сердце неожиданной волной понимания и сочувствия. Сила, заточенная в этой медной коробке, еще более неукротимая, чем его собственная, веками бьется и ищет выхода, а впереди – века и тысячелетия мрачного плены...

Он оперся руками на крестовину своего меча, прямо глядя в глаза могущественного пленника, и сказал:

– Так это ты – Рагон Сатх, «Плененный Вечностью», и тебе от меня что-то нужно, как и от тех, что умерли во сне, проклиная твое имя? Но зачем ты мучил Зенобию, слабую женщину, ведь она все равно ничем не могла тебе помочь? Для того, чтобы скоротать твою вечность?! – Синие глаза снова запылали яростью, когда он вспомнил безжизненное лицо и запрокинутую голову измученной королевы.

Снова раздался смех, болью пронзивший все тело Конана.

– Вечность – не так уж мало, чтобы изучить вас, людей, мошек, живущих одно мгновение. Все вы одинаковы, хоть и воображаете себя разными. Вы так же похожи друг на друга, как трава на полях, как рыбы в реках, как птицы в стаях... И если больно вашим близким, то каждый готов отдать себя кому угодно, лишь бы унять эту боль. Ну, например, мне! Разве не так?..

– Ты прав, колдун, я никогда не боялся за себя, а за нее – боюсь. Ты нашел слабое место в моем сердце, и вот я здесь, перед тобой. Ну, я жду, что скажешь?

– Варвар, ты мне нравишься все больше! Поверь, мне будет жаль, когда ты погибнешь! Я буду часто вспоминать тебя, пока не появится кто-то еще лучше. Но таких мало, очень мало... Не стану тебе рассказывать, как я очутился в этой башне, – ты все равно не поймешь, да и я не хочу вспоминать минувшее... Тысячи лет слегка притушили огонь ненависти, но он будет жечь меня вечно... если я не выйду отсюда. Ах, с какой легкостью я бы сделал все сам и покинул эту клетку! Но нет, я должен ждать, когда ничтожный смертный пройдет по пути богов и откроет мне шесть дверей Вечности! Несбыточная надежда!

– Что я должен сделать для тебя, чтобы ты обрел свою свободу? И что я получу взамен, если сделаю то, что ты захочешь?

– Что ты получишь?! То же, что и я, – свободу, свою маленькую человеческую свободу, вернее, то, что вы, люди, называете свободой, ибо, что о ней может знать смертный! Подойди ко мне, ближе, еще ближе,

еще!.. – Его вытянутая рука слегка коснулась шеи Конана, и король почувствовал, как сомкнулся ошейник, покалывая кожу тысячами ледяных иголок.

Он попытался сорвать холодный обруч, но это причинило ему новую боль. Киммериец поднял гневные глаза и встретился с пронзительным властным взглядом Рагон Сатха. Слегка наклонившись вперед, он смотрел на Конана, усмиряя его гнев, а на его могучей шее тускло блестел такой же ошейник.

– Я тебе уже говорил, что мы оба пленники. А теперь ты откроешь одну из дверей и добудешь за ней то, что тебе покажется самым важным. Я буду следить за тобой и кое в чем помогу. Но это – если ты сам поймешь и услышишь... Иди! – Он показал рукой на одно из полотниц, оно взметнулось вверх, как от порыва сильного ветра, и Конан, убрав в ножны меч, решительно шагнул в клубящуюся тьму.

На этот раз падение не было долгим. В глаза ударили ослепительный свет, и в то же мгновение он камнем упал в воду. Конан тут же начал грести руками, быстро поднимаясь на поверхность сквозь бледно-зеленую толщу. Сколько раз ему приходилось выпутываться из всяких передряг! Спасаться из морских глубин – тоже. Еще один, последний рывок – и вот уже голова поднялась над водой, мокрые волосы залепили глаза, рот отлевывает от горько-соленой воды. Откинув со лба налипшие волосы, он осмотрелся. Вокруг – бескрайнее море, довольно спокойное, и нигде никакого намека на сушу. Ослепительно-белое солнце нестерпимо сияет в белесом небе, припекая мокре тело.

Конан еще несколько раз покрутился в воде, оглядываясь по сторонам и высматривая хотя бы смутную полоску земли. Ничего, только сероватая дымка. Но вот неподалеку в волнах мелькнул темный предмет, пропал, снова мелькнул. Конан, мощно взмахивая руками, поплыл к этому предмету, в глубине души уверенный в удаче. Конечно, так и есть! Осклизлый кусок корабельного бруса, который волны уже давно мотают на своих спинах. Он уцепился за него, переводя дух. Последние несколько гребков в теплой воде дались ему нелегко. Намокшие сандалии и тяжелый меч тянули ко дну, а солнце, жарящее сверху, отнимало, казалось, последние силы.

Сколько времени он барахтался в этой омерзительно теплой, горько-соленой воде, определить было невозможно – солнце, как привязанное, по-прежнему сияло над головой, не думая опускаться к горизонту.

Во рту все горело от жажды, и чувствовалось, как натянулась кожа на лице. Прикосновение воды не освежало, а только обжигало воспаленную

кожу. Перед глазами плыли черные круги, сквозь которые смутно виднелась бескрайняя гладь моря. Голова бессильно поникла, щека прижалась к бревну, но руки, послушные несгибаемой воле, продолжали крепко держаться за кусок спасительной древесины.

Горячая неподвижность воздуха вскоре сменилась порывами обжигающего ветра, волны становились круче, и потоки воды все чаще обдавали склонившуюся на брус голову. Конан, на миг, очнувшись, поднимал лицо, яростно отплевываясь, не открывая распухших век, судорожно вдыхал горячий воздух и снова терял сознание. Волны мотали его все сильнее и сильнее, но вдруг что-то внутри его встрепенулось и напряглось. Ноги!

Ноги за что-то задели, потом волна потащила его назад, потом снова ноги проволоклись по дну. В уши ворвался шум прибоя. Волны уже безжалостно били его тело о прибрежные камни. Конан с неимоверным трудом разлепил полуослепшие глаза и различил смутные очертания берега – деревья, кусты и светлую полосу песка.

Не выпуская из рук бревна, он рывком бросился вперед, уходя от волны, норовившей утащить его обратно в море. Следующая волна мощным толчком поддала его вперед, и, наполовину захлебнувшись, сжимая позеленевшую деревяшку, он оказался вне досягаемости бушующего моря.

Бросив, наконец, бревно, он, как червяк, со стоном пополз вперед, обдирая руки об острые осколки ракушек. Глядя одним глазом из-под распухших век на белое солнце, по-прежнему неподвижно стоящее над головой, он увидел, что по бокам светила сияют еще два таких же солнца, окруженные переливчатым ореолом. Конан тут же забыл об этом, поглощенный лишь одним желанием – доползти до дерева, бросавшего на песок спасительную тень. Добравшись до островка тени, он услышал над головой шелест листьев и погрузился в беспамятство.

Из забытья его вывели чьи-то легкие прикосновения и негромкие посвистывающие голоса, похожие на щебет птиц. Он с трудом открыл глаза, но не увидел ничего, кроме белого песка и пучков острой травы.

Песок прилип к щекам, ресницам, хрустел на зубах. Губы превратились в сплошную запекшуюся корку. Он со стоном поднялся на четвереньки, обхватил руками ствол дерева, подарившего ему живительную тень, и медленно, шатаясь, поднялся на ноги. Жажда саднила горло, глаза застипало красноватое марево, но сквозь него Конан видел вокруг чудные, нелепые фигуры. Они взволнованно переговаривались на своем свистящем языке и то и дело прикасались к нему чем-то щекочуще-мягким.

С трудом шевеля губами, Конан прошелестел:

– Пить... О, Кром, где здесь вода?..

Странные существа на мгновение притихли, потом дружно зашебетали, и одно из них подошло к дереву, у которого стоял Конан. Существо отцепило от пояса предмет, напоминающий огромный звериный коготь, и стало проскребать в рыхлой коре глубокую бороздку.

Конан следил за ним непонимающими глазами, стараясь не упасть. Вдруг он почувствовал, что множество рук поддерживают его со всех сторон и мягко подталкивают поближе к дереву.

Киммериец обхватил руками толстый ствол, чтобы, покачнувшись, не удариться головой, и его губы оказались рядом с процарапанной бороздой. Что-то прохладное брызнуло ему прямо в лицо, свежей струйкой потекло по губам, и язык ощущил дивный вкус свежей воды, пахнущей молодой травой и цветами.

Вода была упругой струйкой из тела дерева, возвращая ясность сознанию, а телу – бодрость и силу. С каждым глотком жизнь снова вливалась в него, и он все пил, пил и не мог напиться. Когда же почувствовал, что больше не может сделать ни глотка, он стал ловить ладонями эту чудесную влагу и плескать на обожженное солнцем лицо, на шею и плечи. Вода стекала по груди и спине холодными ручейками, а киммериец, постанывая от удовольствия, теперь полными горстями плескал ее на ноги.

Но вот живительный ручеек стал тоньше, в конце концов, из борозды сочились лишь редкие капли чудесной жидкости. Конан с сожалением слизнул их и, чувствуя себя вновь полным сил, оглянулся, желая посмотреть, что за существа ему привиделись в знойном бреду.

Похоже, что бред, несмотря ни на что, продолжался. Хорошо, что у него тогда не было возможности рассмотреть их получше – сейчас, когда сознание прояснилось, и перед глазами перестали мелькать радужные пятна. Конан решил, что этот Рагон Сатх – великий мастер насытить кошмары.

Он стоял напротив десятка существ, про которых не знал, что и подумать. Люди? Нет, не люди. Звери? Нет, хотя и похожи. Покрытые короткой мягкой шерстью, с тонкими, гибкими телами, грацией движений напоминающие кошек, они стояли твердо и прямо, как люди, и ростом были чуть пониже Конана. Руки и ноги, похожие на человеческие, заканчивались одинаково длинными пальцами с блестящими черными коготками, а когда они, жестикулируя, размахивали руками, то между пальцами были видны кожистые перепонки.

Такими одеждами и украшениями, как у них, Конана было не удивить

— он повидал на своем веку немало диких людей, одетых в юбки, плетенные из сухой мягкой травы, и увешанных бусами из рыбьих костей, но лица... Или морды? Нет, все-таки лица, хотя и покрытые шерстью.

Крупные головы с торчащими в стороны большими ушами были велики для их маленьких лиц. Черные блестящие носы и крохотные синевато-коричневые губки совершенно терялись на этих головах с огромными, в пол-лица, глазами. Воспаленные покрасневшие глаза странных существ наполовину прикрывались тяжелыми серыми веками, отчего все они казались очень старыми и усталыми.

Обитатели странного мира, не выказывая никакой враждебности, продолжали пересвистываться, и Конан вдруг с изумлением почувствовал, что смутно понимает, о чем они толкуют. Чем больше он прислушивался к высокому щебету своих спасителей, тем яснее становилась ему их речь.

— Смотрите, он уже может идти! Надо отвести его к Рийпе и поскорее устроить праздник! Наконец-то море сжалось над лемнирами, детьми Ночи! Наконец-то погаснут эти проклятые солнца! Наконец-то настанет для нас час любви, и родятся новые дети!

— А захочет ли он пойти с нами? Смотрите, какой он огромный, и на поясе у него висит острый кусок металла. Если он разозлится, мы все погибнем! Море еще не выбрасывало такого могучего тирна!

— Он сейчас поймет, что ему будет с нами хорошо, очень хорошо, и каким бы могучим он ни был, он всего лишь тирн, и море его нам подарило! Начинайте петь Песню Гостеприимства!

Конан схватился за меч, готовый отогнать подальше этих лемниров, но они сами попятались, взялись за руки и, стоя на безопасном расстоянии, принялись раскачиваться и протяжно свистеть. Мелодичный свист сложился в чарующую мелодию, напряженные мускулы Конана обмякли. Он, не задумываясь, вложил меч обратно в ножны и сделал шаг к ним навстречу. Они пели, не сводя с него загадочных круглых глаз, а он подходил все ближе и ближе. Наконец, лемниры плотным кольцом обступили Конана и стали слегка поглаживать его тело мягкими ладошками. Эти прикосновения показались ему более приятными, чем ласка женщины, он даже застонал от удовольствия.

Мягкие лапки поглаживали, подталкивали, похлопывая его по спине, груди, рукам, влекли куда-то по вязкому песку, потом по жесткой траве и, наконец, вывели на выложенную плоскими камнями дорогу. Свистящее, убюкивающее пение не прекращалось, покрытые шерстью ладошки без устали ласкали тело варвара, который изнемогал от наслаждения. Он уже давно забыл, зачем волны выбросили его на этот берег, и замедлял шаги

лишь затем, чтобы острее ощутить эти сводящие с ума толчки и похлопывания. Его мозг словно угас, хотя он и понимал все, что щебетали лемниры, – ему было уже все равно.

– Обыкновенный тирн, хоть и очень большой. Смотри, как он жмуится от удовольствия! Черный Оффа обнимет его, и Ночь выйдет на свободу! Долгая темная Ночь!

– Смотри, Рийпа выслала нам навстречу детей прошлой Ночи! Как они прекрасны, юные дети мрака!

– Во мне все дрожит от желания поскорее погрузиться в темноту, широко открыть глаза и вновь увидеть настоящие краски Ночи! Этот бесцветный жгучий день невыносим!

– Сейчас, сейчас, сейчас!

Крошечные создания, точная копия больших лемниров, с усилием глядя из-под полуопущенных век, посыпали дорогу перед киммерийцем густо-красными лепестками цветов. Конану казалось, что он шагает по лужицам крови, но это его даже забавляло. Он подставлял плечи, руки, шею мягким лапкам и готов был позволить вести себя куда угодно, хоть к Нергалу в пасть.

Его привели на большую площадку, с одной стороны выходившую к лесу, а с трех других окруженнную редкими острыми камнями, торчащими, как зубы исполинского чудовища.

В центре площадки неподвижно сидела, зарыв толстые ноги в песок, огромная черная птица. Вокруг нее был выложен большой круг из нежно-розовых, отливающих перламутром раковин. Лемниры, стараясь держаться подальше от этого круга, повлекли Конана к зеленой стене шелестящего леса.

От высоких деревьев веяло прохладой, из продырявленных стволов сочилась та живительная влага, которая вернула его к жизни, стекая в большие высушенные скорлупы неизвестных плодов. Два дерева росли почти на самой площадке, и с гибких ветвей свешивались витые веревки, искусно сплетенные из множества тонких волокон. На них покачивалось широкое гнездо, украшенное связками бус из осколков раковин, рыбьих позвонков и засушенных ягод. В гнезде восседало существо с ослепительно-белой шерстью и ярко-красными глазами. Видно было, как существо мучительно морщит маленькое лицико, с отвращением взглядывая на небеса с тремя пылающими солнцами.

Почтительная толпа лемниров большими жесткими листьями навевала прохладу на свою властительницу и легонько покачивала ее гнездо. Увидев приближающегося Конана, Рийпа, как называли лемниры

свою госпожу, радостно приподнялась и протянула ему навстречу руки в извечном женском призывае.

Конан ускорил шаги, стремясь поскорее ощутить прикосновение маленьких, покрытых белой шерстью ладоней. Лемниры усадили его на циновку, лежавшую на земле рядом с гнездом, и Рийпа, закрыв глаза и тихонько посвистывая, запустила тоненькие пальчики в густые волосы киммерийца.

Последние остатки воли покинули тело разомлевшего гиганта. Теперь он принадлежал ей, только ей одной, он был ее вещью, она могла делать с ним все, что хотела.

Рийпа повернула голову и пронзительно защебетала:

– Скорее готовьте пир! Несите плоды иросы, тонги и побольше питья! Тирн, сильный и счастливый, готовится прийти в объятия Черного Оффы! Дети прошлой Ночи, пойте песни Умирающего Света!

Маленькие лемниры встали вокруг неподвижной черной птицы, повернувшись к ней спиной, и, взявшись за руки, стали раскачиваться из стороны в сторону. Время от времени кто-нибудь из них издавал резкий протяжный свист, а остальные вторили тихим лепечущим щебетанием.

Тем временем почти вся площадка была устлана травяными циновками, и взрослые лемниры, выбегая из леса с плодами и сосудами, полными душистой влаги, группами садились неподалеку от гнезда властительницы.

Около Конана, в плетеной травяной корзине, оказались огромные желтые и светло-зеленые плоды размером с добрую тыкву. Было заметно, что тонкая кожица едва выдерживает напор мягкой и сочной плоти. Сосуды с янтарной жидкостью манили прохладой и ароматом.

Маленькие лемниры все пели свою однообразную песню, закрыв глаза и качаясь, а большие с жадностью пили древесный сок и, припав крошечными ротиками к огромным плодам, высасывали мякоть, оставляя лишь сморщенную шкурку.

Конан тоже попытался присосаться к тяжелому сочному плоду, но его усилие вызвало щебечущий смех. Рийпа, глядя на облитую сладким соком широкую грудь и перемазанное лицо, откинулась на руки своих прислужниц, звонко чирикая от удовольствия. Конан и сам рассмеялся, достал из-за пояса кинжал и стал есть сочный плод, нарезая его большими ломтями. Он чувствовал себя как никогда сильным и счастливым. Маленькие лемниры пели песню об уходящем Свете, и забывшему печали киммерийцу тоже хотелось, чтобы сияние горячих солнц поскорее погасло, и наступила блаженная прохладная ночь, а его шею обвили прекрасные

пушистые руки Рийпы. Госпожа лемниров с высоты своего гнезда пытливо заглянула в глаза Конана:

– Я слышу – он призывает Ночь! Он хочет Ночь и меня! Ведите его к Черному Оффе! Ночь приближается! Скорее! Скорее!

Конан, отодвинув в сторону пустые корзины и скорлупы, начал подниматься, готовый с радостью идти туда, куда посыпала его Рийпа, но вдруг железный ошейник непереносимо сдавил горло, день померк сам собой, и он с хриплым стоном повалился на циновки к ногам испуганных лемниров.

Когда слегка отпустило, варвар встал на колени, судорожно вдыхая горячий воздух, обжигающий легкие, но странным образом проясняющий сознание. Все, что было прежде, в мгновение ока клубком размоталось перед ним, и глаза Рагон Сатха требовательно и властно заглянули в душу.

– Найди и принеси то, что покажется самым важным! Найди и принеси!

Теперь его тело не жаждало мягких прикосновений и щекочущих объятий, разум и хитрость вновь вернулись к нему. Он видел себя как бы со стороны и понимал, что предназначен стать жертвой какому-то Черному Оффе. Маленькие лемниры разомкнули свой круг и выстроились живым коридором, по-прежнему ласково свистя и покачиваясь.

Конан подошел к границе, отделявшей Черного Оффу от поляны веселившихся лемниров. Множество рук толкало его в спину, побуждая переступить линию, выложенную розовыми ракушками, но он стоял, такой же неподвижный, как и черная фигура впереди.

Да, это был камень, черный ноздреватый камень, искусно обтесанный в форме готовой взлететь птицы. Два отверстия по бокам головы были заполнены застывшей красноватой массой, но эти символические глаза смотрели почему-то зловеще и живо.

«Самое главное! Самое главное! Самое главное!» Вот оно, самое главное, в этом Конан уже не сомневался.

Ошейник слабо сдавил и отпустил горло, как бы подтверждая его догадку. Серповидно изогнутый, матово-золотой клюв торчал из каменной головы. Любой ремесленник-камнетес укрепил бы его аккуратнее, но Конан чувствовал безошибочно – это был настоящий клюв живой птицы.

Уже не думая, что нужно от него Черному Оффе, а зная лишь, что ему самому нужно от зловещего идола, Конан, не задумываясь, шагнул вперед и подошел ближе, держась за рукоятку меча.

Позади раздался многоголосый вздох, а из чрева каменной птицы донесся тихий клекот, становясь все громче и громче. Уже ничего не было

слышно, кроме этого торжествующего звука, крылья медленно приподнялись, и ноги стали медленно выдираться из песка...

Не раздумывая больше и не разглядывая ожившее чудовище, Конан молниеносно обнажил клинок и изо всех сил ударил по крылу. Меч рассек пористый камень, и черные осколки брызнули во все стороны.

Страшный крик нечеловеческой боли и ярости сотряс все вокруг, но Конан уже рубил, рубил и рубил. Крошево из стонущих, вопящих камней заполнило весь обложененный ракушками круг, а меч все сверкал, отражая белые блики солнца.

От головы, только что угрожающей наклонившейся к нему, чтобы проткнуть острым клювом, осталась черная бесформенная груда, в которой смутно поблескивал острый золотой серп. Разбросав ногами осколки, Конан взял его в руки и краем туники обтер черную пыль. Ладонь неожиданно ощущала живое приятное тепло, как будто этот серп, только что бывший смертоносным клювом, благодарила его за освобождение.

Внезапно Конан заметил, что ослепительный свет горячего дня померк, сменившись сероватыми сумерками. Камни, разбросанные под ногами, с тихим шипением растворялись в воздухе, и наступала ночь, та самая Ночь, которой так ждали лемниры.

* * *

Конан стоял уже в полной темноте, сжимая в руках теплый предмет, и не знал, что делать дальше, – кругом было тихо, ни шороха, ни звука, и так темно, как бывает, наверное, только в могиле.

Где-то бесконечно далеко от него вдруг засветилась крошечная точка, она быстро росла, приближаясь и превращаясь в шар неяркого света. Конан почувствовал, что его затягивает в искрящуюся сферу, взмахнул руками, теряя опору, и неожиданно оказался на мягком ковре в знакомой башне. Все было так же, как и раньше, только вместо двери, за которой побывал Конан, красновато поблескивала сплошная глухая стена, да на полу бесформенной грудой лежал узорчатый полог.

Голос Рагон Сатха раздался неожиданно и как будто сразу со всех сторон:

– Дай мне его! Скорее дай мне к нему прикоснуться! – Страстный шепот трепетал, как живая птица, и Конан в удивлении оглянулся, не зная,

кому отдать желанную добычу.

Две вздрагивающие смуглые руки возникли прямо перед ним, и Конан положил серп в протянутые ладони. Вздох, похожий на стон любви, пронесся по комнате, и золотое пламя заплясало в чаще сомкнутых рук, на глазах меняя форму того, что в них лежало. Острый клюв превращался в чистый блестящий треугольник со странными выступами по краям, а в самом центре чернел один-единственный знак, похожий на незнакомую руну.

Когда превращение закончилось, и Конан поднял глаза, перед ним на троне сидел Рагон Сатх, с играющей на губах загадочной улыбкой.

– Ты, варвар, не обманул моих надежд! Ты силен и умеешь слышать и видеть! Возвращайся в свой дворец, у тебя есть целый день жизни! И прими мой совет – никогда не забывай, что жизнь коротка, не откладывай на потом то, что хочешь сделать сейчас! – Он раскатисто, совсем по-человечески расхохотался и кивнул в сторону завесы, еще вчера прикрывавшей дверь:

– А это возьми в подарок своей королеве, взамен порванного полога. Возьми, не пожалеешь! – Громкий смех перешел в рев урагана, полотнище взметнулось от ветра, замотало Конана, и он, отбиваясь от липнущей ткани, споткнулся и упал на что-то мягкое и смутно знакомое.

Он раздраженно сбросил с себя ткань и увидел, что лежит на смятом ложе в своей собственной спальне. Кругом – тишина, а за окном едва брезжит рассвет.

Прошла всего одна ночь, но сколько всего она вместила! Кажется, вчерашний вечер был так давно, даже спальня виделась какой-то незнакомой, или в ней что-то было не так, или он сам в чем-то изменился. В задумчивости Конан остановился у зеркала и ничуть не удивился, увидев на шее, тускло блеснувший ошейник. Усмехнулся и подумал: «Мы все – пленники Вечности...»

Глава третья

Заря за окном разгоралась все ярче, и король вспомнил, что приказал стражникам ломать дверь, если утром не откроет ее сам. Снова прошелся по спальню, заново привыкая к знакомой обстановке. Потянулся, предвкушая долгий день жизни, отодвинул засов и распахнул дверь. Стражники не шелохнулись, по-прежнему неподвижные, как изваяния.

Дамунк поднялся с кресла и шагнул ему навстречу. Видно было, что он не спал всю ночь, усталость и беспокойство окружили черными тенями его глаза, руки взъерошенно вздрагивали. Зато Имма безмятежно спала, свернувшись на подушках, как котенок. Конан улыбнулся, глядя на нее и вспоминая последние слова Рагон Сатха. «Ах ты, старая бестия! Как ты хорошо нас знаешь! Зато тебе это не дано жить собственной жизнью. Но советом твоим я воспользуюсь, клянусь Кромом! Хороший сегодня будет день!»

Он отпустил усталых стражников, и они ушли, гремя доспехами. Дамунк, увидев ошейник на могучей шее короля, всплеснул руками и горестно запричитал:

– О, мой король! Теперь этот колдун замучает тебя до смерти! Что он делал с тобой этой ночью? В какие бездны ужаса забросила тебя его злоба?

– Все совсем не так, добрейший Дамунк! Это могучий маг, но движет им не злоба, а отчаяние. Ну, ладно, больше я тебе пока ничего не скажу, потом, если все кончится хорошо, я буду долго рассказывать, а ты сядешь и все запишешь – получится большая толстая книга, не хуже тех, что стоят у тебя на полках. А сейчас распорядись, пусть подают завтрак – я умираю от голода.

Дамунк вышел, а Конан остановился около крепко спавшей девушки, бережно поднял ее на руки и поцеловал сначала сонные глаза, потом полуоткрытый рот.

Она, не просыпаясь, обвила его шею, но прикосновение к холодному металлу ошейника мгновенно разбудило ее. Их глаза встретились – голубые, жадно-требовательные, и золотистые, радостные и испуганные. Она хотела что-то сказать, но властный поцелуй опередил слова.

Конан унес ее в спальню, опустил на ложе и, прошептав: «Сиди тихо, я сейчас вернусь!» – быстро вышел из опочивальни, плотно прикрыв за собой дверь. Вскоре слуги внесли обильный завтрак, а следом поспешно вошел Дамунк, ожидая дальнейших приказаний.

— Можешь идти отдохать, вечером ты мне снова понадобишься. Имма тоже ушла, я ее отпустил. Я позавтракаю у себя и выйду чуть позже. Ночь была действительно трудная, и мне тоже хочется отдохнуть. — Он притворно зевнул и прикрыл глаза, пряча вспыхнувший огонь страсти под полуопущенными веками.

Дамунк, почтительно поклонившись, отправился к себе, мысленно поражаясь стойкости короля, так небрежно говорившего о встрече со страшным магом, веками наводившим ужас на смертных.

Имма сидела на королевском ложе, притихшая и счастливая. Она не смела поверить, что король все-таки заметил ее любовь, в конце концов, понял, что она тоже женщина. Но губы еще хранили жар его поцелуя, а тело до сих пор чувствовало нежное объятие могучих рук. Прикрыв глаза, девушка пыталась удержать это ощущение и не услышала, как вошел король.

Конан запер дверь и неслышными шагами приблизился к зажмурившейся девушке. Как она была хороша сейчас, с высоко поднятыми удивленными бровями, маленьким полуоткрытым ртом, слегка запрокинутой кудрявой головкой! Он тихо засмеялся и ласково провел рукой по смуглому плечу, сдвигая легкую ткань платья. Имма, глядя на него сияющими глазами, нетерпеливо повела другим плечом, сбрасывая лиф, и притянула к груди его голову. Ее тело, как натянутая струна, трепетно отзывалось на каждый его поцелуй, на каждое прикосновение. Время или остановилось, или понеслось вскачь, или вообще перестало существовать — вихрь любви подхватил их, закружил и понес, ни на мгновение, не давая опомниться, снова и снова заставляя с жадностью, искать друг друга.

Девушка, всегда казавшаяся Конану такой маленькой и хрупкой, здесь, на ложе любви, напоминала ему, то резвящуюся пантеру, то породистую чуткую лошадь...

Солнце стояло уже высоко, когда они смогли, наконец, разомкнуть объятия. Имма быстро надела платье и легкой тенью выскользнула из спальни, подарив королю на прощание нежную улыбку и благодарный взгляд.

Конан лежал, ни о чем не думая, и чувствовал себя освеженным и помолодевшим, как будто искупался в ледяной горной речке. А впереди был почти целый день! Целый день жизни! Он вспомнил, что его уже давно дожидается завтрак, засмеялся, вскочил на ноги и упруго прошелся по комнате. Каждая частица сильного тела радовалась жизни, кровь играла, как молодое вино, солнце за окном манило на простор, и он уже было шагнул к двери, но тут взгляд его упал на кусок ткани, лежавший на полу.

Тот самый кусок, который там, в медной башне, закрывал таинственную дверь и казался таким мрачным, теперь сиял переливами шелков и радовал глаз причудливым переплетением узоров. Конан подхватил ткань, перебросил через плечо и вышел из спальни.

Он шел по галерее и чувствовал, что самые разные желания переполняют его и рвутся наружу. И меньше всего его волновали сейчас государственные дела. Вельможи и нарядные дамы, ожидавшие его выхода на галерее, так как он распорядился не допускать их сегодня во внутренние покой, почтительно склонялись перед ним в поклонах. От их глаз, привыкших замечать любую мелочь, не укрылось радостное настроение короля, задорный блеск голубых глаз, легкая, как будто летящая походка.

Паллантид, доверенный советник короля, командир отборной гвардии Черных Драконов, сделал шаг навстречу, желая что-то сказать. Конан, усмехнувшись, увлек его за собой и, обернувшись через плечо, сказал притихшим придворным:

– Сегодня – игры в Приречной Роще! Маркос, распорядись, чтобы как можно скорее все было готово! Надеюсь, после веселой ночи бароны смогут удержаться в седле? – И он ушел, громко смеясь и похлопывая по плечу Паллантида, который, как и многие, явно перебрал этой ночью.

Но, как бы ни затягивались королевские пиры, этот суровый воин, умевший храбро сражаться на поле битвы и самозабвенно веселиться за пиршественным столом, всегда сохранял ясный ум и был для Конана неоценимой опорой в нелегком деле правления.

Маркос, главный распорядитель королевских увеселений, тут же засуетился, спеша выполнять приказание. Его атласный голубой камзол и рубиново-красная шапочка с щегольским золотистым пером мелькали, то около конюшен, где суетились конюхи, седлая и выводя лошадей для короля и свиты, то около хозяйственных построек, где слуги поспешили нагружали повозки и везли к Роще все необходимое для рыцарской потехи, то еголастный голос раздавался в кухне, приводя в трепет важных поваров и многочисленных поварят. Не успел отгреметь ночной праздник, как наступило время для очередной забавы.

Давно король Конан не был таким веселым! Обленившимся слугам пришлось побегать этим утром! Но желание короля – закон, и вереница повозок уже потянулись в Приречную Рощу, чтобы на огромной поляне, которую Конан особенно любил за широкий вид, открывавшийся на могучие воды Хорота, соорудить легкие трибуны для короля и придворных, а на самой поляне установить невысокую ограду для рыцарских игр.

Дамы пестрыми бабочками упорхнули в свои покои, спеша

переодеться в наряды, подходящие для рыцарского праздника, а князья и бароны велели своим оруженосцам готовить доспехи.

Жизнь во дворце закружилась и забурлила в праздничном водовороте, а сам король Конан, отдав несколько распоряжений верному Паллантиду, поспешил к королеве, которую не видел со вчерашнего вечера.

Она проснулась совсем недавно и сейчас сидела у окна, любуясь цветущим тюльпановым деревом, бледно-зеленые цветки которого были похожи на бокалы для небесного вина. Служанка, прибежавшая с галереи, рассказала ей о желании короля, и, когда Конан вошел в ее опочивальню, Зенобия встретила его радостной улыбкой и сияющими глазами:

– Конан, милый! Как ты хорошо придумал! Игры в Приречной Роще! Как я люблю видеть тебя в боевых доспехах, верхом на славном Дрионе! – Зенобия пошла навстречу королю, легкие руки легли на могучие плечи, но тут она увидела стальной обруч, охвативший его шею. Она вскрикнула, как раненая птица:

– О Боги! Конан, что это?! Кто посмел надеть на тебя рабский ошейник?! Как ты позволил? – Ее пальцы на миг прикоснулись к ледяному металлу и тут же испуганно отдернулись. – Какой он холодный! Скажи мне, что это значит?!

– Не спрашивай сейчас, дорогая, я все равно не смогу тебе ответить! – Конан на мгновение нахмурился, вспомнив Рагон Сатха и предстоящее испытание, потом, тряхнув головой, улыбнулся, отгоняя мрачные мысли. – Пока этот ошейник должен быть на моей шее, а потом я избавлюсь от него, и мы навсегда о нем забудем. Ты мне веришь, дорогая? – И он жадно прильнул к ее губам, отгоняя тревогу от ее сердца.

Наконец, вздохнув, она положила голову на мускулистую грудь супруга, и тут ее взгляд упал на узорчатую ткань, переброшенную через его плечо.

– О, какая прелесть! Конан, откуда это? Какая дивная ткань! Как раз для нового полога над моим ложем!

– Да, для нового полога над твоим ложем! Пусть она охраняет твой сон и навевает чудесные видения. Я велю сегодня же повесить ее в твоем изголовье, а ты пока одевайся. Хочу погарцевать перед тобой на верном Дрионе, а то он, наверное, уже застоялся в конюшне и забыл, что такое битва!

Струящаяся ткань соскользнула с плеча на пол, король поцеловал черные улыбающиеся глаза прекрасной Зенобии, нежно провел рукой по волнистым волосам и вышел из опочивальни. Королева, проводив его любящим взглядом, села перед зеркалом, велев служанкам уложить волосы

низким, ложащимся на шею узлом. Она знала, что эта прическа подчеркивает природную грацию ее гибкой шеи и лучше всего подойдет к новому наряду. Зенобия радовалась случаю надеть парадное платье, как будто специально сшитое для такого случая.

Служанки надели на нее обновку из переливающегося изумрудно-зеленого шелка. Узкий лиф из малинового бархата с золотыми застежками и глубоким вырезом, надетый поверх шелкового платья, делал ее похожей на отважную всадницу, ожидавшую, когда к ней подведут горячего коня. Малиновая шапочка с пушистым зеленым пером диковинной птицы, кокетливо надвинутая на лоб, и искрящиеся зелеными лучами изумрудные серьги, довершали наряд королевы.

Улыбнувшись своему отражению и представив себе восхищение короля, она отошла от зеркала, с удовольствием поглядывая на мелькающие из-под зеленого платья малиновые носки изящных туфель. Все было так благородно и просто в этом наряде, и так хороша была в нем молодая королева, что даже служанки не смогли удержаться от восхищенных возгласов.

Разрумянившаяся в ожидании праздника, Зенобия в сопровождении нарядных придворных дам вышла на галерею, опоясывающую огромный двор, вымощенный древними базальтовыми плитами. Сбоку, у стены, конюхи держали под уздцы горячих, бьющих копытами и пританцовывающих от нетерпения лошадей. Зенобия сразу увидела свою любимую верховую лошадь, резвую шалунью Файрис. Кобыла нетерпеливо перебирала тонкими ногами, капризно изгибалась, потряхивая шелковистой гривой с вплетенными в нее разноцветными кисточками, и была чем-то неуловимо похожа на свою хозяйку.

Король в сопровождении свиты, облаченный в сверкающие позолотой парадные доспехи, поджидал дам на нижних ступенях широкой лестницы. Увидев королеву и уже не сводя с нее восхищенного взгляда, он легкими шагами взбежал по ступеням, подал ей руку и торжественно повел вниз. Конюхи подвели лошадей, и вскоре блестящая кавалькада прекрасных дам и воинов в доспехах, сопровождаемых многочисленными оруженосцами, конюхами и слугами, поскакала к Приречной Роще.

Жители Тарантии, прослышиав о королевской забаве, выссыпали на улицы и радостными криками приветствовали своего короля. Многие спешили в сторону Приречной Рощи, желая полюбоваться на королевские игры. Зная щедрую натуру короля, они предвкушали не только замечательное зрелище, но и богатое угощение.

Рыцари гарцевали по поляне, а с высоких скамей, покрытых коврами,

на них взирали прекрасные дамы. Король и королева сидели в просторной ложе с шелковым навесом, защищавшим их от солнца. Герольды обошли вокруг поляны, трубя в трубы и возвещая начало праздника. Рыцарям предстояло проехать в боевом вооружении мимо королевской ложи и показать свое искусство управлять конем. Потом, после жеребьевки, рыцари будут сражаться друг с другом, а в завершение, король выберет среди победивших соперника для себя.

На королевских играх воины должны были показать ловкость и умение владеть боевым оружием, и часто победа доставалась не самым сильным, а самым проворным.

Толпы простолюдинов облепили ограду, громко высказывая свое суждение о каждом из бойцов:

– Смотри, Хамс, сколько их собралось и как сверкают доспехи! Интересно, кто в этот раз сразится с королем?

– Я ставлю на тощего Ройлунда! Гляди, какой у него конь! Так и пляшет, так и пляшет, как будто на нем сидит не рыцарь в тяжелых доспехах, а какой-нибудь мальчишка-конюх! Только, скажу тебе, Ройлунд совсем не мальчишка, и дерется он знатно!

– Ну, ты и скажешь! Тощий Ройлунд! Где уж ему против Бонифина! Я тебе точно говорю – король выберет Бонифина!

Тем временем рыцари по одному выезжали на середину поляны и, искусно правя лошадьми, заставляли их, то вышагивать чинной поступью, то резко останавливаться. Породистые горячие кони, повинуясьластной руке своих хозяев, гарцевали перед королевской ложей, вызывая одобрительные крики толпы и восхищенные возгласы придворных.

Потом, после жеребьевки, рыцари попарно выезжали для поединка. Вызываемый имел право выбрать оружие – копье, булаву, боевой топор. Но многие предпочитали меч, излюбленное оружие короля. По старинным правилам на турнире воины должны были показать все свое искусство, поэтому бой был похож скорее на изящный танец, чем на настоящее сражение.

Рыцарь считался проигравшим, даже если допускал такую оплошность, как потерянное стремя. Конан, сидя в ложе рядом с королевой, в легких сверкающих доспехах, всей душой рвался туда, на поляну, где перед ним сражались рыцари. И часто, когда он видел удачный выпад или молодецкий удар, его зычный голос разносился над поляной, подбадривая ловкого бойца.

Королева Зенобия, видя, с каким нетерпением он стремится в бой, не могла удержаться от улыбки. Королю уже за сорок, невозможно сосчитать,

сколько сражений он выиграл за свою жизнь, в скольких стычках участвовал, и все равно ржание коня и звон мечей снова и снова будят в нем этот воинственный дух, зажигают огонь в глазах, заставляют руки тянуться к оружию. Как она его любила в такие мгновения, как радовалась, что ей, именно ей выпало счастье стать его женой, его королевой! Победители полукругом выстроились напротив ложи, трубачи и барабанщики оглушительными звуками возвестили начало королевского поединка.

Конан повернул голову и встретился с сияющими глазами Зенобии.

– С кем ты сегодня будешь сражаться, милый? Кто сегодня заслужил эту честь?

– И барон Боффин, и герцог Карино, и даже этот повеса, барон Готнар, что не сводит с тебя влюбленных глаз, дрались неплохо, но я, пожалуй, сегодня выберу графа Ринци.

– А почему именно его, Конан? Мне показалось, что барон Боффин сражался лучше всех, а каким ударом он выбил меч у графа Ройлунда!

– Ты права, он действительно прекрасный боец, но я не могу этого объяснить... Просто я так хочу!

Королева давно уже знала, что для Конана это был самый главный довод, и понимающе улыбнулась.

Король подозвал глашатая и объявил о своем выборе. Рыцари разъехались по своим шатрам, разбитым на краю поляны, а граф Ринци пересел на свежего коня и стал ждать поединка. Сегодняшняя победа досталось ему легко. Конь его противника, молодой и горячий, испугался звона мечей и, шарахнувшись в сторону, порвал подпругу. Граф Ринци, жизнерадостный толстяк, любитель пиров и охоты, неожиданно для себя был выбран королем, чтобы участвовать в главном поединке. Он стоял на краю поляны, важно подбоченясь и, поглядывая в сторону скамей, где сидели придворные дамы. Сегодня он стал героем, и, хотя знал, что король всегда выходит победителем из поединка, ему хотелось показать, на что он способен.

А король в это время обезжал поляну на Дрионе, великолепном мощном вороном жеребце, который легко нес своего закованного в сталь господина. Он повиновался малейшему движению руки всадника, легко и послушно выполняя повороты, вставая на дыбы и переходя в галоп.

Но вот снова взревели трубы, и всадники разъехались на противоположные концы поляны.

Конану не хотелось сражаться всерьез, поэтому он и выбрал противником графа Ринци. Но добродушный толстяк, за королевским

столом евший и пивший за пятерых и часто отпускавший такие шуточки, что нежные дамы пунцово краснели, здесь вдруг преобразился. Раньше Конан не принимал его как воина всерьез, но теперь почувствовал, что поединок будет нешуточным.

Они кружились друг против друга, не нападая, один – могучий, широкий в плечах, в сверкающих золотом доспехах, другой – огромный, с грузным животом, обтянутым кольчугой, в черных с бирюзой латах и в шлеме с высоким гребнем. Мощные кони, фыркая и грызя удила, нетерпеливо рвались в бой, и наконец, Конан ринулся в атаку. Меч скользнул по ловко подставленному щиту, всадники разъехались и вновь помчались навстречу друг другу.

Никогда еще поединок не длился так долго. Граф Ринци, казалось, позабыв, что сражается с самим королем, не хотел уступать и все яростнее атаковал Конана.

Наконец, они сшиблись с такой силой, что щит графа разлетелся вдребезги, а Конан невольно покачнулся в седле. Поединок был окончен. Дамы восторженными возгласами приветствовали победу короля, а он, объехав на разгоряченном коне вокруг поляны, снял шлем, бросил его оруженосцу и остановился напротив ложи, где сидела королева. Приняв от слуги посланный ею кубок вина, он велел наполнить еще один и протянул его графу Ринци. Тот тоже снял шлем и, довольный собой, осушил кубок одним глотком.

Слуги подвели к нему могучего рыжего коня, к седлу которого были приторочены большие кожаные кошель с золотом. Сняв с руки щит с изображением Аквилонского льва, Конан положил его сверху на седло. Такая награда сулила графу в дальнейшем милости, и народ, собравшийся вокруг поляны, разразился восторженными воплями.

Пока рыцари, удалившись, снимали доспехи, слуги торопливо расставляли пиршественные столы для господ и выкатывали бочки с вином для простонародья.

Солнце уже клонилось к горизонту, когда Конан, весь день отгонявший от себя мысль о предстоящей ночи, велел седлать лошадей. Пир на поляне еще продолжался, а король и королева с небольшой свитой поскакали обратно во дворец.

У широкой лестницы всадники спешились, конюхи бросились выводить разгоряченных лошадей, прикрывая попонами, а Конан поднялся на галерею.

– Милый, ты был сегодня просто великолепен! А этот толстяк, граф Ринци, как он сражался! Я и не думала, что он так крепко держится в

седле! Мне казалось, что он полетит на траву после первого же удара!

– Мне тоже так казалось... Но, как видишь, он не только за столом, но и в бою хоть куда! Надо подумать о подходящем деле для графа, а то скоро его конь не сможет таскать такое брюхо! – Конан улыбнулся, но Зенобия видела, что он думал о своем.

– Ты придешь ко мне сегодня? Я буду ждать! – Она погладила нежными пальчиками его нахмуренный лоб, пытаясь прогнать мрачные мысли.

– Нет, я не приду. И еще несколько ночей мы пробудем в разлуке. Поверь, мне ничего так не хочется, как остаться с тобой, но я не могу... Не спрашивай сейчас ни о чем, потом я все тебе расскажу... – Он жадно поцеловал ее и, не оглядываясь, пошел в свои покои, а Зенобия еще долго смотрела ему вслед, огорченная и встревоженная.

Дамунк уже ждал его у дверей опочивальни, и, когда король вошел, он встретил его словами:

– О, государь! Я целый день размышлял над твоими словами и сейчас осмелюсь тебе возразить!

– Да? С чем ты не согласен, мудрейший Дамунк? Я уже не помню, что сказал тебе утром!

– Ты сказал, что Рагон Сатхом движет не злоба, а отчаяние! Но ведь именно за свою злость он и заточен в этой башне, а отчаяние... Отчаяние делает злодея лишь более изощренным и опасным! Не верь ему, будь осторожен, колдун может тебя страшно обмануть! Сейчас ты ему нужен, а потом... Я еще не встречал злобного мага, который выполнял бы обещания! – Голос старика звенел от волнения, он готов был снова и снова предостерегать короля против коварства колдунов, но в этот момент вошли Имма и две служанки с вином и фруктами.

Имма встала рядом с лекарем, не сводя с Конана золотистых глаз. Она хотела что-то сказать, но не решалась. Наконец Дамунк спросил:

– Что с тобой, девочка? Ты хочешь что-то сказать королю?

– Да, учитель, если мой король разрешит!

Конан улыбнулся и погладил ее по щеке:

– Ну, что ты хочешь сказать, маленькая ученица великого лекаря? Говори, не бойся, я тебя слушаю! – Он сел в кресло и с удовольствием смотрел, как разрумянившаяся девушка разливает в кубки вино.

Она поднесла Конану его любимый огромный кубок, подошла к лекарю и сказала, поглядывая то на него, то на короля:

– Я – всего лишь твоя ученица, Дамунк, но все же и я кое-что знаю. Пусть король смело закрывает глаза и погружается в сон – сегодняшняя

ночь будет трудной, но не последней. Так говорит мое сердце. Дамунк, скажи, ошибается ли оно?

– Нет, девочка, если ты говоришь, значит, так оно и будет. Твое сердце видит дальше, чем моя мудрость. Я рад, что король выйдет живым из этой передряги. А сейчас, наверное, уже пора, мой господин?

Конан боролся со сном, допивая последние глотки вина. Он устало поднялся, кивнув Дамунку и Имме, вошел в опочивальню и задвинул засов. Тряся головой, чтобы отогнать сон, он быстро переоделся в заранее приготовленную простую одежду, пристегнул к поясу меч и как подкошенный рухнул на ложе.

Глава четвертая

Темный вихрь тут же подхватил его, немного покачал, убаюкивая, а потом со свистом и завыванием понес куда-то вверх. Конан летел, как камень, выпущенный из пращи, и вся вселенная в бешеном потоке кружилась вокруг него. Потом вихрь, словно наигравшись своей игрушкой, с размаху швырнул его вниз, и Конану показалось, что он сейчас рухнет в бездонную пропасть. Но вместо этого он плавно опустился на пол знакомой башни.

Колдун ждал его, сидя на своем троне и потягивая вино из такого же огромного, как и у Конана, кубка.

– Ну что, варвар, ощутил всю прелесть жизни? Хорошо повеселился перед трудной работой?

Конан молча стоял перед ним, широко расставив крепкие ноги, положив могучие руки на кожаный пояс. Трудно было понять, кто здесь хозяин – тот, кто сидит на троне и, прищурившись, попивает вино, или тот, кто стоит напротив, спокойный и сильный. Колдун почувствовал это и, желая уязвить Конана, со смехом продолжил:

– Ты правильно сделал, что прислушался к моим словам, киммериец! Какая славная девочка эта помощница лекаря! А какое у нее гибкое, сильное тело! Я до сих пор трепещу, вспоминая ее объятия! Теперь – очередь за королевой!

– Как! Ты, змеиное отродье, и днем не оставил меня в покое?! Ты посмел...

– Да, смертный, посмел! Не забывай, что у тебя на шее мой ошейник, и ты принадлежишь мне и днем, и ночью! Все, что чувствуешь ты, чувствую я. Это – моя отрада, мое развлечения... Турнир тоже был хорош, но я бы предпочел еще одну женщину... Запомни это, варвар!

Спокойствие покинуло Конана, его рука, как всегда в мгновение гнева, потянулась к мечу, глаза загорелись зловещим огнем.

– Ты еще пожалеешь о своих развлечениях, колдун! Пока я служу тебе, но потом... потом мы поквитаемся!

– Ты, ничтожный, смеешь мне грозить! – Колдун встал, отбросив кубок. – Мне, повелителю снов, хозяину жизней! Боюсь, придется раздавить тебя, как вошь, и поискать кого-нибудь другого! Или иди – или я тебя уничтожу!

Несколько мгновений они сверлили друг друга испепеляющими

взорами, потом Конан, переполненный яростью, перевел взгляд на стены. Одно из полотнищ чуть заметно колыхалось, словно за ним кто-то прятался. Чувствуя спиной тяжелый взгляд колдуна, Конан, не задумываясь ни на мгновение, схватил колеблющийся полог и мощным рывком сорвал его с золотых колец. Ткань затрещала, разрываясь, а перед ним открылся бесконечный мерцающий коридор. Он, как живой, вздрагивал под ногами, но Конан шел, не оглядываясь, кипя от гнева, вспоминая последние слова колдуна. Прав был Дамунк, этим существам нельзя доверять, какими бы мирными они ни казались сначала. Пусть Рагон Сатх думает, что запугал короля Конана, маг еще узнает тяжесть руки варвара и острье его клинка! Никакие заклинания и волшебные талисманы не спасут это гнусное отродье!

Вполголоса понося коварного колдуна последними словами, Конан все шел и шел по светящемуся коридору, и не было видно конца тягостного пути.

Вдруг он заметил, что сияние стен как бы поблекло, стало заметно темнее, и вскоре король уже шагал в полной темноте, вытянув вперед руки и ощупывая ногой путь впереди себя, чтобы не провалиться в какой-нибудь колодец. Сделав несколько осторожных шагов, он уперся в сырую шершавую стену, а нога задела за какой-то предмет, гулко загремевший от толчка. Конан выругался, уже не сдерживаясь, в полный голос, и эхо неожиданно громко отозвалось его же проклятиями. Он присел и стал шарить под ногами, пытаясь найти предмет, о который только что споткнулся. Его рука наткнулась на что-то круглое, пустое внутри, напоминающее боевой шлем. На ощупь он был почти такой же, как и его собственный, который король надевал, когда участвовал в турнирах, но только спереди нависал какой-то странный щиток.

«Как раз перед глазами, – подумал Конан, – если его надеть, так ничего не будет видно. Какая-то дурацкая штуковина!»

Он уже хотел было отбросить шлем в сторону, чтобы не путался под ногами, но вдруг ему страшно захотелось надеть странное сооружение на голову. Он даже засмеялся от нелепости такого желания: кругом темень, хоть глаз выколи, а тут еще эта штука, в которой и днем-то ничего не увидишь. Все еще смеясь над собой, но не в силах противиться мальчишескому любопытству, он осторожно надел шлем на голову и невольно вскрикнул: все вдруг неожиданно осветилось неярким сиреневатым светом, в котором были отчетливо видны стены, пол, потолок большой пещеры и многочисленные, уходящие вдаль коридоры. Да, это была именно пещера, вырубленная в центре какой-нибудь горы или

прорытая глубоко под землей. Конан снял шлем, желая получше оглядеться, и тут же снова оказался в полнейшей темноте.

Так вот что это за шлем! И вот для чего нужна эта штука перед глазами! Здесь, за всеми этими колдовскими дверьми, ничего просто так не бывает, надо внимательно смотреть, обо что ты спотыкаешься, что падает на голову, а главное, чувствовать, что тебе хочется сделать, – это и есть помощь и подсказка проклятого мага. Конан снова надел на голову шлем, подумав при этом:

«Хорошо, хоть не тесный!»

Пещера в то же мгновение озарилась лиловым светом, и Конан увидел, что стоит почти на самом краю глубокой ямы. Еще шаг-другой вперед – и он бы покатился вниз. Его путь лежал не туда, киммериец твердо это знал. Он все же наклонился над ямой, пытаясь высмотреть, что там внизу, и почти сразу же отпрянул от края, с омерзением отплевываясь, – от густого смрада гниющей падали захватывало дух, а в глубине беззвучно колыхалась похожая на густое тесто зеленоватая масса, сверкая красноватымиискрами. Все еще отплевываясь и шепотом проклиная Рагон Сатха, забросившего его в эту вонючую дыру, Конан, прижимаясь к краю мокрой стены, осторожно обошел яму и уверенно двинулся к одному из боковых коридоров. Почему ему надо было идти именно туда – он не знал и не задумывался над этим.

Туда – и все, никаких сомнений и колебаний.

Темнота словно таяла при его приближении, сменяясь мягким сиреневым светом. Грубо вырубленный в каменной толще коридор покато уходил куда-то вниз, и вода, с журчанием стекавшая со стен, ручейками струилась по неглубоким желобам.

Конан все шел и шел, и не было видно конца этому бесконечному спуску. Ему казалось, что он бредет уже целую вечность по неровным каменным плитам и всю оставшуюся жизнь обречен идти, идти, идти куда-то вниз.

Вдруг он услышал резкий короткий писк, и что-то с размаху врезалось ему спину, подобно брошенному камню. В то же мгновение киммериец почувствовал острую боль в плече и резко обернулся, выхватив меч. Пронзительный писк раздался снова, и прямо в шлем врезалось какое-то небольшое крылатое существо с омерзительным голым длинным хвостом. Конан успел на лету схватить эту тварь и изо всех сил сжал кулак. Хрустнули кости, раздался предсмертный визг, и тельце, потрепыхавшись, обмякло. Конан с изумлением рассматривал отвратительные останки, а над его головой, изредка взвизгивая, носилась целая стая крошечных бестий,

не решаясь, напасть на пришельца.

Конан никогда не видел такого зверя. В его руке лежало существо немного меньше крысы, с большими перепончатыми крыльями и сильными когтистыми лапами. Голова, увенчанная жестким костяным гребнем, была сильно вытянута вперед и, казалось, состояла из одной лишь зубастой пасти. Острые, загнутые назад зубы могли вырвать из тела большой кусок мяса. Сзади у этой твари болтался длинноющий тонкий хвост, на конце которого имелся большой раздвоенный шип. Да, если нападет вся стая этих прожорливых тварей разом, от него в считанные мгновения останется только груда голых костей!

Сзади, там, где его укусила летучая тварь, по спине текла струйка горячей крови. Хорошо еще, что на нем надет плащ! Ранка наверняка небольшая, а за этой стаей нужен глаз да глаз!

Он вытащил из ножен меч и, прислонившись спиной к стене, стал ждать. Твари, носясь высоко под сводом коридора, иногда начинали пронзительно верещать, и тогда несколько самых отчаянных пикировали на Конана, но тут же взмывали вверх, не решаясь, напасть. Наверное, им был знаком меч, уж очень они напоминали стаю потревоженных ворон.

Вдруг они все разом загадели, сделали круг над его головой и полетели по коридору вперед, туда, куда вели его, Конана, путь. Переждав, пока затихнет пронзительный писк, он двинулся дальше, еще внимательней оглядываясь по сторонам и не забывая посматривать на высокий свод, откуда тоже могла свалиться какая-нибудь нечисть.

Вскоре король услышал уже знакомые визгливые крики и хлопанье множества крыльев. Коридор расширился, спуск стал более пологим, впереди замаячили яркие голубые сполохи. Он вышел в огромную пещеру, дальние стены которой с трудом просматривались во мраке. Всю середину пещеры занимало светящееся голубым светом озеро, в которое вливались ручейки из многочисленных ходов, расположенных вокруг. Все они были неотличимы друг от друга, и Конан сразу подумал, что надо бы сделать заметку, по какому ходу возвращаться назад, если колдун не позаботится сам вызволить его отсюда.

На узкой полоске суши, окружавшей идеально круглое озеро, валялось множество камней, крупных, поменьше и совсем мелких. Они казались на вид очень тяжелыми, но, когда Конан поднял довольно большой камень, почувствовал, что ему совсем не тяжело.

«Тьфу ты, даже камни здесь не такие, как надо!» – подумал киммериец.

Все в этом мире его раздражало, вызывало отвращение и желание

поскорее убраться отсюда. Но сейчас надо было отметить коридор, по которому, возможно, придется уносить ноги. Он довольно быстро сложил из камней невысокую пирамиду и воткнул в ее вершину одну из валявшихся вокруг костей. Как видно, сюда забредали не только люди, но и какие-то крупные звери – кость была огромная, доиста обглоданная и довольно заметно выделялась на черном фоне стены.

Покончив с этим делом, Конан сел, привалившись спиной к подножию своей пирамиды, напился воды из ручья, бежавшего к озеру, и стал думать, что делать дальше. Беспокойные твари сновали где-то немыслимо высоко над головой, под темным, пропадающим из глаз сводом пещеры, и, слушая их пронзительные вопли, поглядывая на мерцающие голубоватым светом неподвижные воды озера, Конан незаметно задремал.

Глава пятая

Тем временем, в королевском дворце Тарантии, прекрасная королева Зенобия никак не могла унять тревогу. Она допоздна гуляла по темному саду, пытаясь развеять грусть, но лунный свет, стрекот цикад и аромат цветов только усиливали беспокойство. Она чувствовала, что в молчании короля, в его ночном уединении скрыта какая-то мрачная тайна, и, как всякая женщина, была уверена, что только ее любовь может отвести беду и спасти любимого от смерти. В том, что королю в это мгновение угрожает смерть, она не сомневалась. Но Конан не сказал ей ничего, велел только дождаться утра, и она, поднявшись на галерею, с тоской смотрела на темные окна его опочивальни.

Придворные дамы, не понимая причины грусти своей королевы, напрасно пытались целый вечер ее развеселить. Ее не трогала ни нежная музыка, ни забавное пение крошек-щеглов, она как будто ничего не видела и не слышала. В конце концов, она отослала всех, кроме двух служанок, и отправилась в свои покои. Поглощенная печалью, Зенобия не замечала молчаливой тени, следившей за ней весь день и весь вечер.

Готнар по-своему истолковал настроение королевы. Он был уверен, что между ней и королем произошла размолвка, и решил, что его час настал. Он был готов на все, чтобы завоевать любовь прекрасной дамы, хоть на миг, хоть на час, а там – что угодно, пусть даже смерть! Какой-то лукавый голос нашептывал ему, что он молод, красив, его нежная кожа не покрыта рубцами и шрамами, а о своей любви может говорить бесконечно, не то, что неотесанный варвар! А какими глазами королева смотрела на него вчера! Глаза эти звали, манили, обещали...

Король сейчас у себя в спальне, и королева не сводит глаз с его окон. Наверняка ее сердце полно обиды и гнева, а в такие мгновения женщины совершенно беззащитны. Уж он-то знает, какими словами разжечь если не пожар любви, то пламя мести!

Вот придворные дамы удалились, и Зенобия пошла к себе со своими служанками. Какая удача! Та, рыженькая, за приличное вознаграждение всегда сообщала ему, в каком настроении проснулась королева, каких желает развлечений, и сейчас молодой Готнар, очень рассчитывал на помочь рыжей служанки.

Зенобия задумчиво сидела перед зеркалом, ожидая, пока девушки причешут ее на ночь. Она любила смотреть на себя при теплом золотом

свете факелов, когда ее кожа, казалось, тоже изучала золотистый свет и черные глаза глядели так маняще-загадочно. В это время обычно входил Конан и медленно приближался к ней, любуясь волной длинных волос и пытаясь встретиться взглядом с ее отражением. Но сейчас никто не заглядывал в ее глаза, никто не подходил неслышными шагами...

Вздохнув, Зенобия встала и, велев оставить один факел, подошла к ложу. Служанки упорхнули, тихо перешептываясь, а она еще посидела на ложе, ни о чем не думая. Наконец, грустно, покачав головой, опустилась на подушки, и крепкий сон тут же сомкнул ее усталые веки.

Рыжеволосая служанка с плутовскими глазками сначала испугалась, когда услышала, чего на этот раз хочет от нее сиятельный вельможа. Она долго притворялась, что не понимает, о чем речь, потом наотрез отказалась, боясь рисковать головой. Но увесистый кошелек и кольцо с изумрудом, в конце концов, развеяли все колебания. Служанка велела настырному придворному ждать на галерее. Когда путь в опочивальню госпожи будет свободен, она даст ему знать.

Готнар, сознавая все безумие своей затеи, уже не мог отступить. То молодому человеку казалось, что Зенобия в тиши своей опочивальни думает о нем, то чудились копья стражников, протыкающие его грудь, повинуясь гневному приказу королевы...

Но вот он услышал тихое покашливание, и на галерею выглянула лукавая мордашка. Куда рыжая умудрилась спровадить стражников, было поистине загадкой, но путь оказался свободен, и Готнар, неслышно приоткрыв дверь, оказался в опочивальне королевы.

Раздвинув тяжелые занавеси, он заглянул в узкую щель. Тихо. Потрескивает и дымится ароматной смолой единственный факел. Узорный полог у изголовья ложа опущен, виднеется лишь край легкого, как пена, ночного одеяния...

С гулко бьющимся сердцем Готнар тихо подошел к ложу и прислушался к ровному дыханию спящей королевы. Он уже собрался откинуть полог, чтобы разбудить ее дерзким поцелуем, но тут узорная ткань колыхнулась, как будто за ней кто-то стоял, охраняя сон Зенобии.

Первая мысль молодого Готнара была о сопернике. Рука потянулась к кинжалу, он лихорадочно соображал, кто посмел перебежать ему дорогу. Но долго размышлять Готнару не пришлось – полог сорвался с колец и упал ему на голову, складками плотной ткани забив рот, не давая, ни вздохнуть, ни крикнуть. Молодой человек отчаянно боролся с невидимым противником, но все больше запутывался в тугих складках. Через несколько мгновений на полу лежал большой вздрагивающий кокон.

Все произошло быстро и беззвучно. Королева вздохнула и чему-то улыбнулась во сне. А тяжелый, отливающий шелком сверток поднялся в воздух и, как огромная ночная птица, вылетел в открытое окно. Несколько подвыпивших бродяг, с песнями возвращавшихся домой из харчевни, шарагнулись в сторону от чего-то огромного, со свистом и стонами пролетавшего над их головами. Немного поспорив, померещилось им это или не померещилось, они снова запели свою пьяную песню и, шатаясь, пошли дальше по улице.

А колдовской полог нес свою извивающуюся и мычащую ношу все дальше, на окраину города, к смрадным пустырям и свалкам. Над одной из канав, полной нечистот, пузырявшихся и блестящих в тусклом лунном свете, сверток остановился, и ткань начала раскручиваться. Встряхнув краями, как птица встряхивает могучими крыльями, кусок ткани взмыл к небесам, а скрюченное тело с воплем полетело вниз, в канаву.

Зловонная жижа сомкнулась, но через мгновение из потревоженных нечистот поднялась облепленная грязью фигура. Цепляясь за осклизлые края канавы, скользя и снова сползая в хлюпающую жижу, человек отчаянно старался выбраться, ругаясь и всхлипывая. Он несколько раз чуть не захлебнулся, погрузившись с головой, но отчаяние и ужас перед такой гнусной смертью придали ему сил. В конце концов, несчастный выполз из канавы и долго лежал, приходя в себя, среди черепков и прочего городского мусора. Потом поднялся на ноги и, шатаясь, как пьяный после тяжелой попойки, скрылся в темноте.

Глава шестая

Что-то неуловимо изменилось вокруг, и Конан, встрепенувшись, открыл глаза, огляделся и внимательно прислушался. Озеро по-прежнему сияло спокойным голубым светом, ручейки, стекавшие из галерей, тихо журчали, но гомона отвратительных тварей не было слышно. Что-то должно произойти: все вокруг притихло и насторожилось, даже стены, казалось, застыли в ожидании...

И вот на самой середине озера забурлила вода, к берегу побежали мелкие волны, становясь все крупнее и крупнее. Вода в центре голубой чаши уже пузырилась и клокотала, как в кипящем котле.

И вдруг все стихло. Но эта обманчивая тишина продолжалась совсем недолго. Из воды показался какой-то круглый предмет, он поднимался выше, выше, и вот над водой возникло нечто, похожее на огромный черный бутон. Толстый стебель поддерживал сомкнутые лепестки, а вода в глубинеискрилась ослепительными голубыми вспышками. Вдруг бутон вздрогнул, по пещере вздохом пронесся слабый порыв ветра, и острые лучи алого света брызнули из щели начавших раскрываться лепестков.

Ветерок с шорохом проносился по пещере, и лепестки, вздрагивая, раскрывались все шире и шире. Алый свет играл на овальном своде. Только сейчас Конан смог разглядеть, как высока была пещера, и какие чудовищные грозья сцепившихся крылатых тварей висели над головой, шевелясь и попискивая. Если им вздумается вдруг напасть, летучие бестии мгновенно покроют его толстым слоем визжащих зубастых тел, и от него тут же ничего не останется.

Киммериец содрогнулся, представив свой чисто обглоданный костяк в компании с грудами костей, валявшихся у него под ногами, и решил, что жизнь свою дешево не отдаст. Алое зарево нестерпимым светом залило всю пещеру, и Конан, чтобы не ослепнуть, снял с головы колдовской шлем. Вместо непроглядной темноты, он увидел пещеру, залитую мягким розовым светом, черные воды озера с пляшущими на волнах алыми бликами и раскрывшийся черный цветок с мерцающей огненно-красной сердцевиной.

Он сразу понял, что ему нужен именно этот сияющий сгусток, это трепещущее сердце черного цветка. Красное сияние неодолимо влекло киммерийца, и он устремился прямо в черные воды, ничего не видя, кроме желанной цели. Но, сделав несколько шагов и погрузившись в воду до

колен, он вскрикнул от ужасной боли. Казалось, сотни кинжалов вонзились в его икры и безжалостно проворачиваются в ранах, терзая живое тело. Он поспешил броситься на берег, упал на мелкие камни и взглянул на свои ноги. Вопль гнева и омерзения сотряс притихшие своды пещеры, и Конан яростно принял отрывать от ног клубки багровых присосавшихся червей. Они гроздьями висели на икрах, в щелях сандалий из толстой бычьей кожи и прямо на глазах раздувались от высосанной крови. Конан отрывал гроздь за гроздью и с проклятиями швырял их на острые камни. Омерзительные тела с хлюпаньем лопались и растекались, как густой багровый студень.

Оторвав последнего червя, Конан стал осматривать израненные ноги. Они все были покрыты кровоточащими ранками, кровь сочилась и медленно засыхала, образуя сплошную корку.

Вдруг теплый трепещущий свет стал тускнеть, и Конана пронзила мысль, что он далеко отбросил чудесный шлем. К счастью, он был здесь рядом, под рукой. Поспешно надев его, Конан увидел, что черный цветок медленно смыкает лепестки и погружается обратно в голубые воды. Вот бутон скрылся в глубине, озеро снова забурлило, и волны с плеском забились в берега. Скоро поверхность воды опять стала неподвижна, как зеркало. Крылатые твари вновь засновали над водой, визжа и сверкая красными глазками.

Конан сидел, прислонившись спиной к груде камней, и невесело размышлял. Может быть, ему стоило попытаться добраться вплавь до черного цветка с пылающей сердцевиной? Нет, это было невозможно, проклятые черви высосали бы его еще на полпути. А если чудесный цветок поднимется снова через год?! Да если даже через месяц – все равно: или он сам умрет здесь от голода, или его растерзают летучие твари. Но сидеть и размышлять, какой смертью ему суждено умереть, было не в привычках Конана. Еще не успела улетучиться последняя мысль о зубастых чудовищах, а мозг уже начал работать в другом направлении.

Куча камней, которую киммериец недавно сложил, чтобы не потерять выход из пещеры, подсказала ему, как можно достичнуть цели. Радуясь, что есть возможность что-то делать, он встал, снял сандалии, отрезал кинжалом кусок плаща и промыл раны на ногах. Когда же смыл запекшуюся кровь, оказалось, что ранки, хоть их и было огромное количество, больше не кровоточат, а посиневшие распухшие ноги почти не болят. Снова обуввшись и с отвращением посмотрев на пятно красной слизи, растекшееся по камням, он внимательно огляделся по сторонам. Разномастные валуны громоздились вокруг всего озера, и их с избытком

должно было хватить для того, чтобы выполнить задуманное.

Конан встал, поднял большой камень и положил его на кромку воды, затем еще один, еще и еще. Вскоре небольшая плотина из крупных камней, слегка выступая над поверхностью воды, на несколько шагов приблизила его к цели. Но озеро могло оказаться слишком глубоким, тогда вся затея была бы напрасной.

Конан обмотал руку полой плаща и мечом, как шестом, стал промерять глубину, прежде чем опустить очередной камень. Нет, это озеро явно не отличалось глубиной – рука нигде не уходила под воду больше чем по плечо.

Камни один за другим перекочевывали с берега на дно озера, а Конан неутомимо, как раб-каменщик, все таскал и таскал их, строя свою плотину.

Наконец даже его силам пришел конец. Он ополоснул лицо и руки холодной водой из ручья, напился и, тяжело дыша, сел около груды камней. Мучительно хотелось есть, но король гнал от себя воспоминания о дворцовых обедах. Да что там обеды, сюда бы сухих лепешек, только побольше! Но кругом валялись лишь мертвые камни, под которыми не водилось никакой живности, а крылатые зубастые твари не вызывали никаких чувств, кроме омерзения.

Однако Конан сумел сделать довольно много. Почти половина пути от берега до середины озера была преодолена, над водой чернела массивная плотина из каменных глыб.

«Надо будет засыпать щели мелкими камнями, а то еще застринет нога, и все пропало», – устало подумал киммериец и прикрыл глаза.

Он, видимо, задремал на какой-то миг, а может, спал долго – в этой черной дыре время как будто перестало существовать. Наглые твари с отвратительным визгом носились над водой, словно чайки перед бурей. Особенно смелые пролетали почти перед самым лицом, явно собираясь на следующем витке вцепиться в киммерийца голодными зубами.

Гвалт становился все громче, и вскоре туча беспорядочно летающих тварей закрыла от глаз Конана голубое сияние озера.

Он ждал этого момента с самого начала, а когда увидел чудовищные гроздья в алом свете распустившегося цветка, понял, что этого испытания ему не избежать. Но варвар не собирался оставлять в этой пещере свои кости и, проворно вскочив на ноги, с удивлением почувствовал себя отдохнувшим и полным сил. Голод отступил, мысли были ясные, рука, как всегда, крепко сжимала меч.

От первого же взмаха блеснувшего стального лезвия во все стороны полетели ошметки разрубленных тел.

Меч со свистом рассекал мельтешающую стаю, а с потолка летели все новые и новые полчища визжащих чудовищ. Вскоре все камни под его ногами покрылись крошевом изрубленных дергающихся тел, меч без устали свистел в воздухе, останавливая бешеный натиск, и Конану уже стало казаться, что эта бойня никогда не кончится, уж слишком многочисленны были мерзкие bestии...

Но вот мелькание хвостатых тел стало реже, снова засветились голубые воды неподвижного озера, и оставшиеся твари с воплями взмыли к потолку и опять сцепились в висящие гроздья. Снова все затихло, слышалось только шумное дыхание Конана и предсмертные взвизги подыхающих тварей.

Киммериец вытер меч, испачканный бурой кровью, куском плаща и с отвращением отбросил прочь грязный лоскут. Кровь маленьких чудовищ имела омерзительно кислый запах, от которого тошнота волной подкатывалась к горлу. Конан опять напился прохладной воды из подземного ручья и почувствовал освежающий прилив сил. Ему понравилось это неожиданное ощущение, он встал на колени и приник губами к быстрой струе. Даже вино, прекрасное вино из дворцовых подвалов, не пилось с таким наслаждением, как эта вода, неизвестно откуда просочившаяся в пещеру и питавшая колдовское озеро.

Поднимаясь с колен, Конан мельком взглянул на ноги, ожидая увидеть синие кровоподтеки и многочисленные раны.

— Кром! Ну и дела! — невольно вырвалось у него.

Даже при этом тусклом голубоватом свете было видно, что никаких ран на ногах нет и в помине. Сандалии, правда, местами уже начали рваться, но их «раны» не заживали под действием подземной воды.

Когда Конан поднял глаза от сандалий, середина озера уже бурлила, как и в прошлый раз. Кругами бежали волны, бились в берег, и, прыгая с камня на камень, он поспешил к краю своего сооружения. Встал на последний торчащий из воды камень, с жадностью вглядываясь в бурлящие воды и ожидая появления черного цветка. Отсюда, с края своей плотины, он совсем близко видел кипение сияющих вод и огромную, темную массу, медленно поднимавшуюся из глубины.

Голубые сполохи сияли, змеились вокруг бутона, а он неспешно выплыval из таинственного подводного мира, чтобы раскрыться здесь, в этой темной дыре, и озарить алыми лучами мерзких притихших тварей, стерегущих его покой. Может быть, столетия, а может, и тысячи лет поднимается цветок из глубин, не ведая о времени и свете солнца, но теперь или он, Конан, погибнет, или пещера уже никогда не будет сиять

алыми отблесками и зубастым чудовищам придется до скончания века висеть в призрачной темноте.

Сняв шлем, чтобы не ослепнуть от невыносимо яркого света, Конан заглядывал в самую сердцевину цветка. Его лепестки, поначалу казавшиеся ему черными, сейчас играли причудливым переплетением золотистых прожилок, а в центре, как в широкой чаше, лежал небольшой, трепещущий, как сердце, комок, то горевший ровным густым светом, то вспыхивавший, подобно молнии, огненно-красными сплохами.

Вспышки ослепительного света становились все реже, сердцевина цветка спокойно рдела, уже не освещая так ярко все закоулки пещеры. Лепестки, дрогнув, стали смыкаться, и цветок опять медленно погрузился в воду.

Чувствуя дрожь в руках от жгучего желания схватить этот комок света и ощущая ледяное покалывание колдовского ошейника, Конан вернулся на берег, чтобы продолжать свою работу.

Надо было перетаскать еще много камней, пока плотина достигнет середины озера и он сможет дотянуться до заветной цели.

Он собирал камни и складывал в кучу около плотины, намереваясь потом быстро уложить в воду. Краем глаза киммериец все время поглядывал наверх, ожидая нападения прожорливых чудовищ, но они шуршали и копошились над головой, резко попискивая и не пытаясь больше напасть.

Осторожно опуская в воду камень за камнем, и, раз за разом, промеряя глубину, Конан постепенно наращивал свою плотину. Дно оказалось довольно ровным, а глубина почти одинаковой. Но, опуская камни в сияющую голубую воду, Конан видел колыхавшиеся белесые клубки червей, поджидавших в глубине следующую жертву.

Когда король, как ему казалось, был почти у цели и в очередной раз опустил руку с мечом вниз, чтобы померить дно, она, не встречая сопротивления, резко ушла под воду, и пришлось уцепиться за камень, чтобы не соскользнуть в глубину. Все. Основная работа закончена. Он добрался до того места, из которого поднимается колдовской цветок. Осталось только ждать, вернее, не совсем ждать – ему предстояло еще заполнить зияющие провалы между валунами. Взглянув в синюю глубину, он, перепрыгивая с камня на камень, вернулся на берег и стал носить к плотине мелкие камни. Как же пригодился прочный двухслойный дорожный плащ! Он насыпал в него груды камней и нес их вперед по плотине. Там тщательно заделывал все ямы и провалы, чтобы нога не соскользнула, когда придется убегать с добычей.

Сколько времени продолжался этот бесконечный труд, здесь, в мерцающей глубине пещеры, определить было невозможно. Конан носил камни, отыхал у кучи валунов, подкреплял силы водой из ручья и снова носил камни...

Казалось, прошла целая вечность. Но вот, он высыпал в широкую щель последнюю груду камней, утрамбовал ногами в разорванных сандалиях, с сожалением посмотрел на то, что осталось от плаща, и присел отдохнуть на берегу, прямо около своей плотины. Вид голубого озера уже вызывал тоску, совершенно не хотелось видеть эти мертвенно-спокойные воды. Повернувшись спиной к голубому сиянию, он опустил голову на колени и закрыл глаза.

Спать... Спать... Долго-долго, а потом проснуться у себя во дворце, выпить молодого вина и съесть свежего хлеба... Увидеть небо над головой и золотой диск солнца... Почувствовать прикосновение тонких рук, нежно обвившихся вокруг шеи... Но пока его шею сжимает леденящий обруч, не следует предаваться пустым мечтаниям.

Конан встремнул головой, отгоняя видение, оглянулся и тут же вскочил на ноги. Вот он, решающий миг! Вот для чего было потрачено столько трудов! Глаза, не отрываясь, смотрели на пузыряющуюся середину озера, а ноги уже сами несли его вперед.

Не доходя нескольких шагов до края плотины, Конан остановился. Вода бурлила и клокотала у самых его ног, легкие брызги падали на камни. Темный бутон медленно поднимался из глубин.

Конан стоял, замерев, словно боялся спугнуть осторожного зверя. Вот верхушка бутона поднялась над водой, вот уже весь цветок медленно покачивается на толстом стебле. Лепестки замерли на мгновение, потом вздрогнули и разомкнулись. Лучи алого света резанули Конана по глазам, и он поспешно снял шлем.

Лепестки медленно отгибались, освобождая заключенный внутри ослепительный свет. Чаша раскрылась, и вот в нескольких шагах от Конана, на уровне его груди, сияет это нечто, которое ему нужно добыть. Не раздумывая, Конан метнулся вперед, оперся на твердый, как камень, лепесток и вскочил на круглый венчик. Если лепестки сейчас захлопнутся, то он, как муха, станет добычей цветка – эта мысль мелькнула в сознании и тут же погасла. Раздумывать было некогда. Еще один шаг – и Конан склонился над красным пульсирующим источником света. Руки осторожно приблизились к нему, словно боясь обжечься. Но нет, жара не чувствовалось, только слабое тепло согрело его ладони.

Он схватил это нечто, это алое сердце, сияющий теплый камень, и

одним прыжком соскочил на свою каменную дорогу. За его спиной раздался скрежещущий звук, как будто лязгнули огромные челюсти, и плотина ходуном заходила под ногами. Камни, как живые, расползались в разные стороны, шлем, гремя, покатился и исчез под водой, а Конан огромными прыжками понесся к берегу, сжимая в руках полыхающую ярким светом добычу. На ощупь это был камень, теплый, едва помещавшийся в руках. Красные блики метались по пещере, гроздья летучих тварей с визгом обрушивались вниз и, поднимая тучи брызг, бились в воде. Сзади, почти настигая его, щелкали чьи-то огромные челюсти... или каменные лепестки...

Сжимая в руках свое сокровище, Конан, перепрыгивая с камня на камень, мчался к спасительному коридору. Не обращая внимания на крутой подъем, он несся вперед, прислушиваясь к зловещим звукам за спиной.

Вдруг пол под ногами задрожал, сзади послышался страшный грохот, с потолка посыпались мелкие камни. Конан бежал, не оглядываясь, надеясь только на силу своих ног. Красные блики, как отблески огня, метались по стенам галереи, и то, что он вдруг увидел впереди, заставило его резко остановиться.

– Проклятие! Кром, этого не может быть! Отродье Нергала, ты послал меня в западню! – Конан в бессильной ярости смотрел на глухую стену, сочащуюся ручейками воды.

Грохот падающих камней за спиной заставил его обернуться. То, что он увидел позади себя, исторгло у него новый взрыв проклятий. Скрипя зубами от бешенства, он прижал одной рукой к груди теплый и как будто вздрагивающий камень, а другой рукой выхватил меч. Пути назад тоже не было. Обвалившиеся камни завалили коридор, и теперь Конан был отрезан от всего мира. Крохотная пещерка длиной в несколько шагов – вот все, что ему осталось. Но он был не один. Камни, завалившие коридор, вздрагивали и откатывались в стороны, как будто сквозь них кто-то пробивался.

Сжимая меч и напрягшись для последнего прыжка, он встремхнул головой, отбрасывая с лица слипшиеся волосы. То неведомое, что пробивалось сквозь толщу обвала, наконец, отбросило последние глыбы. Из бесформенной норы на Конана выползл огромный бутон, подталкиваемый сзади мощным хвостом, который киммериец принимал за стебель. Лепестки резко раскрылись, сверкнув бесчисленными рядами загнутых острых зубов. В середине, там, где раньше лежал трепещущий альй камень, виднелась черная глотка, окруженная желтыми дрожащими щупальцами. Лепестки со скрежетом сомкнулись, чтобы в следующее мгновение раскрыться еще шире.

Конан в последнем отчаянном порыве взмахнул мечом и изо всех сил ударили поперек чудовищной пасти. Меч отскочил от нее, высекая искры, а Конан невольно сделал шаг назад и уперся спиной в мокрую стену. Он не успел занести руку для следующего, пусть бесполезного, удара, как вдруг все вокруг опрокинулось, завертелось, меч выпал из разжавшихся пальцев, и Конан, кувыркаясь, полетел куда-то, крепко прижимая к груди сияющую добычу.

* * *

Он не сразу понял, что вот уже несколько мгновений стоит босыми ногами на мягкому ковре. Открыв глаза и оглядывая медную башню, кажущуюся спокойной и безопасной по сравнению с пещерой, Конан перевел дух. Вот уже и со второй стены исчезла таинственная дверь, и снова колдун протягивает руку за своим талисманом.

Глаза Рагон Сатха возбужденно горели, как будто он сам сражался с подземными тварями. Рука властно тянулась к Конану, но киммериец отступил на шаг, не выпуская из рук трепещущий камень.

— Ты отчаянно храбр, смертный, и очень силен! Я начинаю думать, что и пять дверей тебе по плечу! Дай же мне поскорей талисман, я хочу ощутить его живое тепло! — Рука колдуна маячила уже совсем близко, и Конан устало протянул ему ярко вспыхнувший камень.

И вот, Рагон Сатх держит два золотых треугольника и, с торжествующим видом, прикладывает один к другому. Раздался негромкий треск, и обе части талисмана как будто срослись между собой. Колдун жадно прижал их к груди, как только что Конан прижимал сияющий теплый камень, и сказал:

— Хоть ты и не считаешь могущество магов и осмеливаешься сотрясать проклятиями мою темницу, все же ты — мой раб, и тебя ждут эти четыре двери, — он махнул рукой в сторону затрепетавших полотнищ, — а теперь возвращайся в свой дворец и повеселись хорошенько, день ведь такой же длинный, как ночь!

Конан, который слушал мага, едва сдерживая бессильную ярость, хотел было снова разразиться бранью и проклятиями, но вихрь уже закружил его, понес, небрежно кидая, то вверх, то вниз, и с размаху опустил на мягкое ложе, забросав сверху подушками.

Конан сразу вскочил на ноги, хватаясь за пояс, забыв, что оружие осталось в гнусной пещере, и с облегчением увидел, что находится у себя в опочивальне. Рядом на ковре валялся его меч, на ногах были совершенно целые сандалии, и плащ, накинутый на плечи, был как новенький.

Глава седьмая

За дверью послышались тяжелые шаги, звон доспехов – это менялся караул у дверей спальни.

Конан поднял меч, вложил клинок в ножны, снял плащ и открыл дверь. На этот раз уснул старый лекарь, а Имма сидела в кресле, перебирая камешки своего ожерелья. Увидев короля, она радостно вскрикнула, сорвалась с кресла и побежала ему на встречу:

– Я знала! Я знала, что все кончится благополучно! Учитель, учитель, проснись!

Дамунк поднял усталую голову, но, увидев короля, сразу сбросил остатки дремы и тоже поднялся с кресла:

– Вот и вторая ночь миновала, хвала пресветлому Митре! Сколько еще ночей мой король будет служить проклятому колдуна?

– Еще четыре... Кром, какой мерзкой работой мне в этот раз пришлось заниматься... Нет, не спрашивай, все равно рассказывать не буду. Потом, когда все кончится – или никогда... А сейчас я чувствую себя отвратительно грязным. Эй, слуги!

На его зов прибежали два мальчика-пажа. Они дежурили поблизости, чтобы сразу выполнить любое желание короля.

– Быстро бегите и велите приготовить купальню с горячей водой! Я все утро буду отмываться, чтобы забыть эту пакость... Да, и принесите сюда еще вина и побольше свежего хлеба! – Конан вспомнил, о чем он мечтал в темной смрадной пещере, и улыбнулся.

Имма робко подошла к нему и спросила, опустив глаза:

– Повелитель тяжко трудился этой ночью. Мне будет позволено растереть целебным бальзамом усталое тело? После купания бальзам впитается в кожу, и силы вновь вернутся к тебе!

– Бальзам – это хорошо! – Конан, вспомнив похотливую улыбку Рагон Сатха, скрипнул зубами. – Это очень хорошо, но растирать мое тело придется Дамунку, силы у него еще есть!

Он увидел, как задрожали ее губы, и ласково сказал:

– Этот проклятый колдун... Он теперь все время со мной – и днем, и ночью, – и прикоснулся к ошейнику.

Имма грустно кивнула головой и отошла к столу, чтобы налить ему вина.

После купания, свежий и отдохнувший Конан вызвал к себе

Паллантида, и они долго обсуждали государственные дела. Король не торопился, и советник был доволен, что может высказать свое мнение о сборщиках податей, которые, как он считал, в Тарантии отвратительно выполняли свои обязанности.

– В провинции, государь, подати собираются более-менее исправно, а здесь, в столице, в богатом городе, просто из рук вон плохо. Эти купцы и зажиточные ремесленники наверняка подкупают сборщиков, и в казну почти ничего не поступает. Только бедняки исправно платят подати, но не может же на эти гроши существовать государство!

– Да, ты прав, Паллантид, надо что-то предпринять... Через несколько дней мы вернемся к этому разговору, а пока я тебя оставлю...

Конан вышел в сад и направился в его дальний уголок, где любила отдыхать Зенобия. Он не ошибся – королева сидела под огромным деревом, в тени которого легко дышалось даже в самые жаркие дни. Вокруг нее, на коврах, размещенных на траве, расположилась свита, а напротив королевы сидел опрятный старик и что-то рассказывал.

Конан подошел ближе, дамы поднялись для поклона, рассказчик тоже встал и хотел, было, уйти, но Зенобия велела ему остаться. Конан сел рядом с женой, поцеловал ее и спросил:

– Душа моя, кто это? И почему у вас так тихо – ни музыки, ни песен?

– Милый, этого старика встретила в городе одна из служанок, а на другой день челядь только о нем и говорила. Мне стало интересно, и я велела привести его сюда. Как хорошо, что ты пришел! Он знает столько старинных преданий и так занятно рассказывает – ты только послушай!

Старик действительно повествовал столь занятно, что даже Конан, не особенно любивший слушать этих уличных рассказчиков, веселящих простой народ, сидел, забыв обо всем. Лишь когда голод напомнил ему, что настало время обеда, он поднялся и бросил старику золотой, велев накормить его на королевской кухне, и проводить к Дамунку.

– Он тебя так просто не отпустит, старики! Наш лекарь будет слушать тебя до самого вечера, а потом запишет все, что услышал. – И, подав руку королеве, повел ее во дворец.

Чтобы скоротать день и не доставить колдуну удовольствия, Конан после обеда велел оседлать Дриона, и, надев простую тунику и плащ, выехал из города и поскакал вдоль берега Хорота.

Во дворец он вернулся, когда солнце уже садилось, бросил конюху поводья и быстрыми шагами направился в опочивальню.

Дамунк с тревогой поглядывал в окно, на алеющие облака, и беспокойно ходил из угла в угол. Услышав быстрые шаги, он облегченно

вздохнул и сказал:

– Наконец-то! Я уже начал беспокоиться, что сон настигнет моего короля где-нибудь в поле или прямо на улице!

– Я немного спал у реки и чуть не опоздал. Слушай, лекарь, а как тебе понравился этот старый болтун? Я их много встречал, но этот знает больше всех, вот я и послал его к тебе.

– Я оставил его ночевать, и завтра весь день он будет рассказывать мне свои сказки. Даже я многого не слышал, а уж Имма – и подавно.

– А где она? Я ее весь день не видел.

– Готовит к утру целебный настой, говорит, он тебе понадобится.

– Ну, раз понадобится, значит, буду жив! До завтра, Дамунк, уже пора!

Дверь за королем закрылась, Дамунк сел в кресло и стал вспоминать рассказанное стариком, чтобы скоротать долгую ночь.

* * *

В это время Конан уже стоял в медной башне перед Рагон Сатхом и слушал его издевательский смех.

– Да, неплохо ты провел день, король, неплохо! Но стоит ли быть королем, чтобы так отчаянно скучать?! Жалко стало, что я почувствую в своем теле немного горячей жизни? Ну, раз ты не захотел развлечь меня – я тебя развлеку! Иди в эту дверь! – Колдун протянул руку к одному из полотнищ, и Конан двинулся туда, повинуясь невидимой силе, толкавшей его в спину. Он шагнул в темноту и сразу остановился.

... Ничего не было видно, только слышались какие-то звуки. Они постепенно приближались, становились громче, отчетливей, и что-то до того знакомое было в этом разноголосом гаме, что Конан невольно выругался:

– Нергал меня забери, уж не в Шадизар ли я попал по милости проклятого колдуна?! Этого мне только не хватало!

Он напряженно вслушивался в пронзительную перебранку, призывные выкрики, звон бубенчиков и скрип телег и чувствовал, что находится посреди огромного базара, но ключья тумана, который так любил напускать Рагон Сатх, не давали ничего разглядеть. Наконец, ему надоело стоять и вслушиваться в этот гомон. Он сел на землю, прислонился спиной к чему-то твердому, что оказалось позади, и стал ждать. В конце концов, он сюда

попал не для того, чтобы вслепую блуждать в клубах тумана, и если колдуна торопиться некуда, то и он подождет.

Как будто подслушав его мысли, туман начал редеть, и перед глазами стали появляться неясные контуры. Мимо него проплывали едва различимые силуэты верблюдов, звеня многочисленными бубенчиками. Погонщики орали пронзительными голосами, разгоняя медлительных прохожих. Водоносы сновали со своими кувшинами, чуть ли не спотыкаясь о вытянутые ноги Конана. Нет, это был не Шадизар и не один из других городов, где ему пришлось побывать!

Туман уже превратился в легкую знойную дымку, и Конан с жадностью разглядывал диковинное место. Наверное, это главный город всех колдунов и демонов, скрытый от человеческих глаз, куда можно попасть разве что в кошмарном сне! Кто, кроме чародеев, мог бы построить такие дворцы, высоченными башнями взмывающие в небо и соперничающие с солнцем сиянием золота и драгоценных камней! В каком другом городе мостовые могли быть выложены драгоценной мозаикой, то зеленой с желтыми узорами, то лазурной, как море, с белыми завитками пены!

А что за диковинные торговцы сидели в изукрашенных лавках! Крылатые существа с серебристыми блестящими лицами певучими голосами предлагали какие-то невиданные плоды, а рядом, сидя на толстом узорном ковре, коричневый сморщеный старец со свиными ушами и золотым кольцом в носу скрипуче расхваливал сандалии, летучие сандалии, которые так и рвались в небо, едва сдерживаемые веревкой, привязанной к руке странного торговца...

Конан зажмурился и потряс головой, пытаясь привести мысли в порядок. Открыл глаза – все то же самое, только теперь торговцев заслонил медленно бредущий караван маленьких слоников, не больше лошади, украшенных богатыми попонами с болтающимися шелковыми кистями. Рядом шли тощие полуголые люди с огромными тюрбанами на головах, их голоса сливались с ревом слонов, заглушая все остальные крики.

Оглядевшись, как следует, Конан обнаружил, что сидит в стороне от базарной площади под высоким раскидистым деревом. Листья его под порывами легкого ветра не шумели, а нежно постукивали друг о друга. Посмотрев внимательнее, Конан понял, что они каменные – тонкие зеленые пластинки на бурых черешках. И все же это было дерево, настоящее дерево!

– Кром, ну и mestечко! И где я в такой сутолоке найду то, что ему нужно?! Да я тут год проторчу, а ничего толком не пойму!

Он поднялся на ноги, отряхнул с себя пыль и медленно пошел вперед, разглядывая лавки. Торговцы, завидев его, с отчаянными воплями выбегали навстречу и пытались затащить внутрь лавок –казалось, киммериец был единственным покупателем в этом странном городе. Все кругом продавали, и никто ничего не покупал. Что-то здесь было не так, что-то настораживало и не давало задержаться возле переливчатых кип материй, связок ароматных плодов и дивной работы оружия. Он шел вперед, не обращая внимания на протянутые руки с манящим товаром, не слушая призывных голосов.

Вдруг кто-то дернул его сзади за плащ, потом потянул довольно настойчиво, и Конан гневно обернулся, готовый проучить нахального торговца. Но перед ним стоял оборванный старик без всяких выкрутасов, без трепещущих крыльев, чешуи на плечах и золотых волос на голове. Увидеть в этой демонической толпе нормальное человеческое лицо было для Конана большим облегчением. Но только он собрался задать старику вопрос, как тот покачал головой, прикоснулся к губам кончиками пальцев и кивком головы позвал его за собой.

Круто повернувшись, уверенно нырнул в толпу, и Конану пришлось поднажать, чтобы не потерять его из виду. Пестрые лохмотья старика вскоре замелькали далеко впереди, а киммериец едва успевал уворачиваться то от верблюдов, груженных какими-то сосудами, то от многочисленных бродячих торговцев со скрипучими тележками.

Наконец они выбрались на широкую улицу, сплошь застроенную высокими башнями-дворцами, острыми шпилями, взмывающими к небесам. Другая уочка, третья, и вот они очутились на пустыре, заросшем редкими колючками и невысокими деревцами с красновато-зелеными каменными листьями. Невдалеке виднелась городская стена с огромными тяжелыми воротами, которые охранял отряд вооруженных стражников верхом на единорогах.

Старик сел под кустом, выбрав место, чтобы их не было видно со стороны ворот, и предложил Конану сесть рядом. Он восхищенно смотрел на короля, на его могучие плечи, широкую грудь, и вздыхал, как бы что-то вспоминая. Наконец сказал:

– И я когда-то, клянусь Кромом, был молодцом хоть куда! Хотя ты, пожалуй, покрепче будешь! Этот проклятый демон, чтоб ему сдохнуть в его башне, посыпает на смерть самых лучших, самых сильных! Правда, если ты застрянем здесь, ты не умрешь, но это ничуть не лучше. Стареть тут, в пленау демонов, слетевшихся со всего света на свой проклятый базар! Тьфу, лучше бы я умер в колыбели!

– Ты что, тоже побывал у Рагон Сатха?! Откуда знаешь, что я его пленник?

– Проклятый обруч когда-то сжимал и мою шею, но здесь я освободился от одного демона, чтобы попасть в рабство к другому. По твоему виду я смело могу сказать, что ты родился в Киммерии, и для меня эта земля тоже когда-то была родиной. Мое имя – Калтус, может, ты что-нибудь слышал обо мне? Хотя вряд ли, ты еще слишком молод, а здесь, в этом окаянном городе, время идет как-то совсем по-другому...

– Нет, старина, я о тебе не слышал, хотя верю, что ты был славный воин – Киммерия всегда была матерью могучих сыновей! Но что, разрази меня гром, должен я найти в этом огромном городе? Ведь ты тоже что-то искал?

– Искал и не нашел. Здесь можно бродить всю жизнь и так и не узнать, что нужно этому негодяю. А найти это что-то надо до захода солнца, купить и успеть унести ноги за городские ворота. Тогда ты свободен. Здесь, в этом городе, который называется Шаисса, свои законы. Всякий смертный, который попадает сюда, желанный покупатель. Ему предлагают все, что он хочет, – дворец, слона, девушку, оружие. За любую вещь нужно заплатить всего одну монету – любую монету, даже самую мелкую! Но если ты купишь больше, чем одну вещь, или останешься здесь с покупкой дольше захода солнца, когда уже закроют городские ворота, ты навсегда становишься пленником этого города. Колдуны и маги используют таких бедолаг, как я, для самой грязной работы и за это кормят своими обедками. Мне до сих пор не смирился с такой участью! Ночью они загоняют нас в загон и запирают там, как скот, а сами предаются омерзительным забавам – не хочу даже говорить об этом!

– А зачем ты позвал меня сюда? Чтобы все это рассказать? Боюсь, что это мало чем поможет – ни ты, ни я не знаем, что нужно Рагон Сатху, а покупать, что попало, не имеет смысла!

– Для меня – имеет. Если бы у меня была, хоть одна монетка! Теперь, когда на мне нет этого проклятого колдовского ошейника, я мог бы выбраться отсюда! Может быть, и ты когда-нибудь унесешь отсюда ноги, если следующий, кого заловит Рагон Сатх, захочет тебе помочь! Если бы у меня была монетка, я бы что-нибудь купил и скорее побежал за ворота! И тогда я бы снова очутился дома, хоть и старый, и немощный, но дома, среди людей! Я был бы счастливейшим из нищих, я пел бы песни и плясал на свадьбах, эх, да что там... – и он отвернулся, смахивая непрошенную слезу.

Конан полез было в кошелек, висевший на поясе, чтобы дать старику

монету, но тот испуганно остановил его:

– Нет! Нет, не давай мне ее! Этот проклятый город! Если ты мне дашь монету, у тебя самого сразу все исчезнет, и ты останешься ни с чем!

– Но как же я тогда смогу тебе помочь?

– Придумай что-нибудь! Ты молод, силен, умен, а я уже старик! Попробуй спасти меня, может, и я смогу тебе помочь!

Конан немного подумал, потом улыбнулся, лукаво подмигнул старику и медленно направился в сторону базара. Пройдя немного, он вдруг остановился и, сняв с пояса кошелек, стал пересчитывать деньги. Старик стоял поодаль, с надеждой наблюдая за его действиями.

Вдруг мимо них проскакал лихой всадник на восьминогом коне, и Конан, заглядевшись на такое диво, уронил в пыль пару монет. Не заметив потери, он сунул деньги обратно в кошелек, привязал его к поясу и решительно направился к лавкам торговцев. Старик, тихо вскрикнув от радости, поспешил подобрать монеты и побежал следом за ним, стараясь держаться на почтительном расстоянии. Он шел за ним как тень, стараясь угадать, что купит его спаситель, и, ломая голову, чем бы ему помочь.

Конан заглянул в одну лавку, другую, третью и почувствовал, что у него голова пошла кругом. Всего три лавки, а каких только диковин ему не предлагали! И эликсир вечной молодости, и плащ, который делает человека невидимым, и венец мудреца, который помогает правителью всегда принимать верные решения, и еще столько всякой всячины, что и не упомнишь! Он глянул на небо. Солнце стояло высоко, времени еще было много, но и город был велик. А вдруг то, что он ищет, находится вовсе не на базаре, а где-нибудь во дворце?! Поди, угадай...

У Конана просто руки чесались от желания свернуть голову проклятому Рагон Сатху, даром, что тот колдун. У всех этих бестий, сидящих в лавках, такие хитрые рожи, если это можно назвать рожами. Даже для кошмарного сна слишком много зеленых ушей, одноглазых лиц и волосатых хоботов вместо носа.

Все эти колдуны – мастера принимать человеческий облик, но здесь, похоже, они предстали в своем истинном обличье, не таясь и не скрываясь. А уж глаза-то простому смертному им отвести ничего не стоит – так вот и пройдешь мимо талисмана, и ничего тебе не поможет, не подскажет... Не подскажет?! Ну, нет, проклятый колдун, где твоя обещанная помощь и подсказка?!

Конан, все еще кипя от злости, прислушался к себе, не подаст ли ему знака колдовской ошейник, но нет ни жара, ни холода не чувствовала могучая шея киммерийца. На душе у него стало совсем муторно, и он

пошел дальше, уже не заглядывая в лавки и не обращая внимания на разноголосые вопли продавцов и зазывал.

Вдруг его внимание привлек визгливый голос, обращавшийся явно не к нему:

– Смердящий раб, паршивейший из смертных, ты смеешь без дела шляться по улицам, вместо того чтобы чистить выгребные ямы! Сын шелудивой суки, ты дождешься, что тебя за ногу подвесят в Большой Колючке, на потеху детям Гимры! – И визгливое существо гнусно хохотнуло.

Конан оглянулся и увидел толстобрюхого верзилу в ярко-синих атласных шальварах и красных сапогах с загнутыми носками. Великолепный парчовый пояс в несколько рядов был намотан на голый волосатый живот, колыхавшийся от хохота. Конан поднял глаза и, увидев его голову, подумал, что лучше бы он смотрел на шальвары – они были гораздо красивей. Жирные коричневые щеки свисали, чуть ли не до плеч, круглая плешивая голова крутыми толстыми складками переходила прямо в мохнатую спину, глаза, как два крохотных уголька, зло смеялись из-под потных валиков бровей, а нос...

«Нергал меня побери, если это нос!» – подумал Конан, едва удерживаясь, чтобы не расхохотаться.

Стыдливый лоскут влажной кожи нависал над верхней губой, колыхаясь в такт шумному дыханию. Уперев в бока жирные руки, уродливое существо сверху вниз взирало на знакомого Конану старика, который теперь совершенно преобразился. Он выставил вперед ногу, заложил руки за спину и смело глядел на верзилу.

– Ну, ты, жижа навозная, подарочек небес, чего встал, как Гость?! Сказано тебе – будешь болтаться на Большой Колючке! – Толстяк уже начал злиться, и на его вопли стали собираться зеваки.

Конан подошел поближе, желая посмотреть, чем все кончится. Похоже, дело старика – дрянь, он явно не собирается бежать к выгребным ямам. Тем лучше! В таком поганом месте сам Кром велел поработать кулаками! Раздвинув в стороны любопытных чудовищ, Конан встал за спиной толстобрюхого, готовый уложить его в любой момент, но тут заговорил старик, и голос его звенел от ненависти и торжества:

– Это мы еще посмотрим, кто сегодня украсит Большую Колючку! Ты, трясущийся вонючий студень, непочтительно говоришь с Гостем! Эй, стража, сюда, здесь оскорбили Гостя! – Старик достал из пояса монеты и, подбросив их на руке, сделал шаг в сторону толстобрюхого.

Тот замер, соображая, жирный загривок наливался багровой кровью.

Тем временем, гремя латами и щитами, подбежали стражники в высоких островерхих шлемах. Стариk, уже не в силах сдержать радость, чуть ли не подпрыгивал на месте, показывая рукой на толстобрюхого и звения монетами:

– Он непочтительно обзвыал меня непотребными словами и угрожал Большой Колючкой! Мне, Гостю!

Окружившие их существа зашумели, закивали головами, некоторые даже стали плевать на толстобрюхого, который с воем повалился на колени. Стражники схватили его за руки и за ноги и быстро куда-то поволокли. Жирный зад волочился по земле, и Конан с удовольствием увидел, как лопнули на нем красивые шальвары.

Зазывалы в лавках опять стали наперебой расхваливать свои товары, дергали старика за пестрые лохмотья, пытались тянуть Конана за плащ. Но его грозный взгляд заставил их попятиться, и они на безопасном расстоянии, заглушая один другого, вопили о своих чудесах и диковинках.

Не обращая внимания на вопли торговцев, Конан подошел к старику и спросил:

– Ну, и что теперь? Ты-то купишь какую-нибудь диковинку и уберешься отсюда, а потом сможешь ее показывать на деревенских праздниках – глядишь, и не пропадешь с голоду, еще и вином напоят, а мне что делать?! Я эти лавки уже видеть не могу, а солнце скоро на закат пойдет! Ну и гнусное место!

– Слушай, король, не унывай, может, еще и повезет! А сейчас давай-ка сходим в одну лавку, там, на краю базара, и я куплю то, что присмотрел. А потом, если Митра поможет, глядишь, что-нибудь и придумаем!

– Ну ладно, веди в свою лавку, посмотрим, что ты прихватишь отсюда в Киммерию! – И Конан пошел за стариком.

Вскоре они подошли к большой, богато украшенной лавке. У входа стоял зазывала – толстый карлик с огромным кривым кинжалом у пояса – и от скуки ковырял в носу одним из своих многочисленных пальцев. Другая семи – или восьмипалая рука гордо покоялась на рукояти клинка.

Увидев сразу двух покупателей, карлик широко разинул рот, вытаращил круглые глаза, потом опомнился и завопил:

– Самые лучшие в Шаиссе кувшины с вином! Вино пьешь – а оно не кончается! Ни в одной лавке Гости не найдут Птицу, Говорящую Правду! Только у нас! Если Гости зайдут, хозяйка, прекрасная Зирина, покажет им такие диковинки, от которых помрачается ум и замирает сердце!

С удовольствием послушав пронзительные вопли маленького зазывала, и полюбовавшись, как он размахивает многопальми ручками,

киммерийцы вошли в лавку прекрасной Зирины.

У Конана глаза разбежались от сияния украшений, блеска оружия и доспехов, ярких красок ковров и тканей. Он даже не сразу заметил хозяйку, с усмешкой глядевшую на него.

Да, не зря толстый карлик назвал ее прекрасной Зириной! Она стояла у маленького столика, богато инкрустированного драгоценными камнями и перламутром, и смотрела на гостей темными бездонными глазами. Ее одежды, похожие на одеяние вендинских танцовщиц, не скрывали от жадных взглядов ни одной из прелестей. Гладкий упругий живот, полуоткрытая грудь, длинная смуглая шея с множеством ожерелий и красный смеющийся рот обещали счастливцу многое, очень многое...

Загадочно улыбаясь, она поставила на столик высокий серебряный кувшин и три кубка – два золотых, богато отделанных сияющими драгоценными камнями, и один простой, оловянный, такой, какие обычно ставят на столы в придорожных харчевнях. Налив вино в золотые кубки, хозяйка приветливо сказала:

– Выпей, король Конан, желанный Гость Шаиссы! Выпей и ты, старый Калтус, бывший раб, а теперь дорогой Гость! Ты часто заходил в мою лавку и, наверное, уже знаешь, что купить? А королю я покажу кое-что, от чего он, может быть, и не откажется! Скажи, король, я, по-твоему, красива? – И она прошлась перед ним, призывно покачивая бедрами.

Сердце в груди Конана бешено забилось, Зирина вдруг показалась самой желанной из всех женщин мира.

– Да, ты очень красива, наверное, только здесь, в Шаиссе, живут такие прекрасные женщины!

– А теперь посмотри сюда, король! – Хозяйка отдернула легкий полог, скрывавший что-то в глубине лавки, и Конан с Калтусом, подошедшим сзади, застыли, словно громом пораженные, – перед ними в небольшой нише, освещенная ярким светом масляной лампы, на ковре сидела девушка с золотыми волосами.

Когда отдернулся полог, она подняла опущенную голову, и на Конана глянуло лицо, которое могло присниться только в прекрасном сне...

Сапфировые глаза под тонкими, слегка нахмуренными бровями смотрели печально и покорно. На белых, как снег, щеках играл легкий румянец, крепко сжатые, похожие на крошечный бутон розы, губы были созданы для любви.

Встретившись глазами с Конаном, она вспыхнула, вскочила на ноги, губы приоткрылись, показав ослепительно-белые зубы. Она сделала шаг ему навстречу, и на ее ноге зазвенела тонкая стальная цепь.

– Это мой самый лучший товар! Ну, так как, кто из нас красивей? Я или она? – И хозяйка приподняла голову рыбини за подбородок.

Рядом с золотоволосой пленницей красота Зирины совершенно поблекла. Конан, не сводя с девушки завороженного взгляда, потянулся рукой к кошельку.

– Надо же, королю, такому молодому и полному сил, нравятся столетние старухи! – раздался сзади тоненький ехидный голосок. – Ты в Шаиссе, король, а здесь не все бывает тем, чем кажется! Квир-р-р! Квир-р-р!

Конан оглянулся и увидел в большой клетке голубую птичку с насмешливыми черными глазками. Она прыгала по жердочке и весело чирикала:

– Квир-р-р! Квир-р-р! Стар-р-руха! Посмотри на нее!

Не понимая, о какой старухе идет речь, Конан перевел глаза на девушку – и попятился. Перед ним стояла сморщенная, худая, как скелет, древняя беззубая старуха и с вожделением смотрела на короля белесыми, гноящимися глазами. На тощей коричневой ноге карги болталась стальная цепочка.

Хозяйка нахмурилась, задернула занавеску и подошла к клетке с птицей:

– Разговорилась, негодница! Уж тебя-то точно никто не купит! Кому ты нужна, Птица, Говорящая Правду! Правды никто не любит! Сиди и помалкивай! – И она накинула на клетку большой пестрый платок.

Птица обиженно пискнула, повозилась и затихла. Тем временем старый Калтус что-то высматривал в груде оружия, лежащего на полу. Наконец с торжествующим возгласом он вытащил большой меч с простой, ничем не украшенной рукояткой, в широких кожаных ножнах.

– Вот то, зачем я сюда пришел! Вот он, чудесный Меч – Сокрушитель Демонов! Хозяйка, держи монету и Меч мой! – Он бросил Зирине монетку, та на лету поймала и стала предлагать Калтусу чудесную кольчугу и волшебный щит.

– Нет, я все купил, что мне нужно! А теперь угости-ка нас своим вином, у тебя ведь все равно оно никогда не переведется!

Сделав приветливое лицо, Зирина поднесла им золотые кубки, а себе взяла оловянный. Но тут Калтус вдруг внимательно посмотрел на Конана, потом на кубок, потом опять на Конана.

– Нет, хозяйка, король не будет пить из этого кубка, возьми себе золотой, а ему дай оловянный!

– Как можно! Чтобы гость пил из простого кубка! Позор моему

гостеприимству! Да и сам король не захочет пить вино из такой дрянной посуды!

Но Калтус решительно отобрал у нее кубок и всунул в руку ничего не понимающего Конана. Потом подвел его к большому зеркалу, висевшему сбоку от двери:

— Смотри внимательно, король, и ты все поймешь!

Из зеркала на Конана глянуло смуглое лицо синеглазого юноши с растрепанными волосами, с первым пушком над верхней губой. Рядом с ним стоял очень похожий на него воин лет тридцати, могучий, широкий в плечах, с мощными буграми мышц на руках и груди.

— Что это за чудеса?! — сказал Конан, и юноша в зеркале повторил движения его губ.

— Просто — волшебное зеркало, которое показывает стариков — молодыми, а молодых — юными... Да ты не на лицо смотри, а на свою шею... И на кубок... Ну?

Конан всмотрелся и, наконец, понял: узор из магических знаков на колдовском ошейнике был точно такой же, как и узор, шедший вокруг кубка. Это было то, что он искал!

Выплеснув на пол вино, он поспешил достал монету и положил ее на столик. Хозяйка, с перекошенным от злобы лицом, потерявшим всю свою красоту, с ненавистью смотрела на него и шипела:

— Все равно ты не уйдешь отсюда! Все равно ты останешься здесь и украсишь Большую Колючку!

Красные губы расплывались, занимая половину лица, и на Конана уже смотрела отвратительная тварь с горящими глазами и жесткой щетиной волос. Груди коричневыми мешками свисали на живот, а толстые слоновые ноги гневно топали по полу, сотрясая всю лавку.

— Украли! Избили! Стража, сюда! Хватайте их! Скорее! А-а-а!

Конан, не дожидаясь, пока набегут гремящие железом чудовища, ринулся к двери, за ним, не отставая, резво бежал старый Калтус.

Солнце опустилось уже совсем низко, деревья, постукивая каменными листьями, отбрасывали длинную тень, и киммерийцы со всех ног помчались к городским воротам. Конан бежал, прижимая к груди кубок, а Калтус несся в обнимку со своим мечом. Позади, на базаре, стоял страшный шум и гам. Похоже, стражники сбились со следа и искали их во всех лавках.

Отдышавшись, Калтус сказал, вынимая из ножен меч:

— Ты, король, пока они перетряхивают торг и не наступают нам на пятки, должен мне помочь. Меч-то у меня в руках, да слушаться он меня не

будет. Быстренько прочитай, что тут написано на клинке!

Конан внимательно вгляделся в светлую сталь и разобрал полустертую надпись.

– Тут написано: «Махгран!» Слушай, а почему именно клинок ты захотел купить? А не Птицу, Говорящую Правду? – Ведьма-то была права, правду никто не любит, а меч... Такими мечами сражались боги и демоны!

– Смотри, как он нам сейчас поможет! – Старик взмахнул мечом над головой, и, показав Конану на толпу приближившихся стражников и прочей нечисти, валом валявшей из города следом за ними, воскликнул:

– Враги идут! Махгран!

Меч, как живой, вздрогнул в его руке, по лезвию, треща, пробежала тонкая, как змея, молния, и клинок превратился в узкий трепещущий пучок огня. Пальцы Калтуса невольно разжались, но меч не выпал из его рук, а взмыл вверх и, роняя искры, понесся навстречу воющей толпе.

Конан, обнажив свой верный клинок, ринулся следом, сунув кубок за пазуху и придерживая его левой рукой. Но то, что он увидел в следующее мгновение, заставило его в изумлении остановиться и опустить оружие. За его спиной, шумно дыша, встал Калтус и воскликнул:

– Кр-р-ром! Ну, теперь вы попляшете, отродья Нергала! Смотри, чуть не весь город понесся за твоей чашей! А я не зря приглядел этот клинок – как чувствовал, что без него отсюда ноги не унесем! Да ты посмотри, что делается! Дай им, дай им жару, Махгран! Махгран!

Конан не выдержал и тоже оглушительно взревел:

– Махран! Махран!

Огненный меч засиял еще ярче, словно отвечая на их призыв, и закружился над замершей на мгновение толпой чудовищ. Они пытались, было, разбежаться в стороны, почувяв смертельную опасность, но меч, гудя и треща искрами белого пламени, носился вокруг, сгоняя их в одну кучу, как стадо испуганных баранов.

Некоторые пытались подняться в воздух на своих нелепых крыльях, но меч поспевал и тут, и демоны, рассеченные острым пламенем, корчась, падали вниз, на головы остальных.

Старый Калтус просто обезумел от радости, видя своих врагов, мучивших его столько лет, отнявших силу и молодость, воющими и скулящими от ужаса перед сверкающей молнией, Мечом – Сокрушителем Демонов.

Вдруг у них за спиной раздались топот копыт и воинственные крики. Конан резко обернулся и поднял клинок. Калтус же не обращал внимания ни на что, кроме кишащей перед ним толпы и ослепительного меча,

летающего над нею, как бы играющего с демонами в последнюю кровавую игру.

От городских ворот прямо на них лавиной несся большой отряд черных воинов на белых, как снег, единорогах. Ощетинившаяся сверкающими копьями конница выглядела поистине устрашающе. Еще немного и они будут растоптаны могучими копытами, и десятки копий вонзятся в их тела...

Калтус, наконец, услышал крики за спиной, оглянулся и завопил, показывая рукой в сторону приближающегося отряда:

– Враги идут! Враги! Махгран!

Меч на мгновение остановился в воздухе, потом, сверкнув, опустился к земле и неуловимо быстрым движением прочертил по камням и песку круг, тут же вспыхнувший голубоватыми языками огня. Вся визжащая толпа демонов оказалась заключенной, как в клетку, в это трепещущее огненное кольцо. Те из них, кто пытался, поднявшись в воздух, выскользнуть из смертельного круга, тут же падали вниз, пылая, как смоляные факелы.

Меч со свистом пронесся над головами замершего с поднятым клинком в ожидании атаки Конана и старика, кричащего, размахивающего руками, – и устремился к новой добыче.

Всадники, скакавшие впереди, увидев летящую на них молнию, попытались повернуть назад, но, столкнувшись с задними рядами мчащихся во весь опор воинов, попадали со своих единорогов или напоролись на выставленные копья. Меч с торжествующим свистом врезался в гущу всадников, сея вокруг смерть, огонь и ужас.

Закованные в черные доспехи воины падали на землю, рассеченные надвое огненным клинком. Обезумевшие от смертельного ужаса единороги метались, пытаясь выбраться из свалки, в ярости протыкали друг друга острыми рогами. Кровь заливала им глаза, из распоротых животов вываливались внутренности, а всадники падали им под ноги, воплями и стонами заглушая ржание умирающих единорогов.

Вдруг, как будто решив, что с этой горсткой спятавших вояк не стоит больше возиться, меч взлетел высоко в воздух, и оттуда на всадников и единорогов посыпалась частые, как дождь, молнии.

Конан и Калтус, как завороженные, смотрели на эту чудовищную картину избиения демонов, но радость победы и избавления смешивалась в их сердцах с суеверным ужасом.

Вскоре вместо грозного отряда вооруженных до зубов воинов перед ними пыпал огромный костер, и дым поднимался до небес, заслоняя закатное солнце. Калтус первым вспомнил, что еще не все опасности

позади, и, с неожиданной силой толкнув Конана так, что тот даже пошатнулся, прокричал ему прямо в ухо, заглушая треск пламени:

– Бежим! Солнце заходит, и ворота скоро захлопнутся! Не успеем – значит, все это зря! Скорее!

Конан забросил свой меч в ножны и, придерживая кубок, перекатывавшийся под туникой, побежал к воротам, догоняя Калтуса.

Огненный клинок в это время обрушил град молний на завывающую толпу демонов, и вот уже второй столб пламени и дыма поднялся к небесам, отравляя воздух смрадом горящих тел.

Горстка всадников в шлемах с развевающимися алыми перьями попыталась преградить дорогу беглецам, но здесь уже Конан обошелся без чудесного меча. Наконец-то и он смог дать волю своей ярости, сокрушая, опрокидывая, сбрасывая с белых единорогов черных, гремящих латами чудовищ. Его клинок свистел, колол и рубил, не уступая огненному мечу Калтуса.

Вскоре лишь несколько единорогов, ослепительно-белых на фоне багрово-черного пламени, пожирающего демонов, в панике носились вдоль городской стены. Путь к воротам, казалось, был свободен, но тут вдруг Калтус что-то увидел впереди и закричал, показывая рукой:

– Смотри, один ушел, мерзавец! Что он делает, каналья, что делает!

Рядом с распахнутыми воротами последний уцелевший стражник что-то делал с черным камнем, вмуренным в белую кладку стены. Внезапно камень выскоцил из своего гнезда, и демон с криками исчез, превратившись в сизое облачко. А из черного отверстия стали выползать клубы тумана, похожего на тот, в котором оказался Конан, когда только что попал в Шаиссу. Еще несколько мгновений – и туман скроет от них все.

Конан рванулсya вперед, подталкивая кашляющего и задыхающегося старика. Он и сам почувствовал невыносимое жжение в горле, из глаз полились слезы, мешая видеть еле просвечивающие в клубах едкого тумана черные створки ворот. Они уже совсем расплывались перед глазами, ноги дрожали и подкашивались, но мысль, что они вот так, за здорово живешь, рухнут здесь, всего в нескольких шагах от спасения, породила в душе киммерийца новую горячую волну ярости. Слезы вскипели и высохли на глазах, ноги обрели былую упругость, и он, волоча под мышки скорчившегося от кашля Калтуса, в несколько прыжков достиг ворот. Створки, дрогнув, со скрипом стали медленно закрываться, грозя раздавить их, как заблудившихся лягушек. Еще один мощный прыжок – и Конан повалился на землю, прямо на Калтуса. Ворота с грохотом захлопнулись за спиной.

Воздух со свистом вырывался из обожженного горла, король попытался отползти от старика, чтобы дать ему отдохнуть, но сил уже не было.

Старик сам, кашляя и отплевываясь, с трудом вылез из-под уткнувшегося в песок Конана, шатаясь, встал на колени и, смахивая с обожженных глаз едкие слезы, прохрипел:

– Ко мне! Махгран! Ко мне!

Из-за белой стены густыми клубами валил черный дым вперемешку с сизыми хлопьями ядовитого тумана. Но вот дым прорезала ослепительная вспышка, и над городом, очертив кругую дугу, взмыла сияющая полоска белого огня. Покружила на месте, как бы танцуя победный танец, меч падающей звездой ринулся вниз и, рассыпая искры, ткнулся костяной рукояткой в ладонь старого Калтуса и замер.

Конан, сплевывая горькую слону, медленно встал и, с восхищением глядя на светящийся в руке Калтуса меч, сказал:

– Да, с таким оружием нигде не пропадешь! Смотри-ка, вернулся по первому зову, как верный пес! Слушай, старина, если мы выберемся отсюда живыми, уходи из Киммерии и иди ко мне на службу! С таким мечом можно не бояться за целое королевство!

– Ну, нет, король, со своим королевством управляемся сам, а я свою родину не покину! Разыщу родню, какая осталась, научуправляться с оружием смышеного парнишку из нашего рода и передам ему меч, чтобы он охранял наши края от врагов... Нет, король, я останусь в Киммерии!

– Знаешь, я и не ждал от тебя других слов, а предложил просто так, на всякий случай... Слушай, а эта проклятая Шаисса так и будет тут торчать веки вечные?! Моя бы воля –стер бы ее с лица земли!

– Будь моя воля – и я бы здесь камня на камне не оставил! Эй, эй, куда ты?! – Калтус попытался ухватиться за рукоять выскользнувшего меча.

Но огненная полоска, ярко засиявшая в наступающих сумерках, снова помчалась к городским стенам. Как выпущенная из гигантского лука стрела, пылающий меч носился вокруг стен Шаиссы, и молнии с треском срывались с его острия. Вскоре все стены вспыхнули призрачным голубым пламенем, взметнувшимся сплошным столбом прямо в небеса. Несколько мгновений пылало это невиданное пламя, от грома и треска заложило уши, потом пламя свилось в клубок и умчалось вверх, в чернеющее небо. Стало тихо. Где-то высоко-высоко, среди пропасти звезд, еще мелькала крошечная голубая точка. Но вот исчезла и она.

Там, где только что стоял город демонов, колдунов и оборотней, больше не было ничего. В тусклом свете уцербной луны кое-где виднелись

кучки камней и небольшие деревца с постукивающей на ветру листвой. И посреди этой дикой пустыни сиял до половины вонзившийся в землю чудесный Меч – Сокрушитель Демонов.

Бережно вытащив его из земли и полюбовавшись, как гаснут на холодном стальном клинке последние искры, Калтус вложил волшебное оружие в ножны, и устало сел под деревом.

Конан с удовольствием пристроился рядом и наконец-то задал вопрос, который не давал ему покоя:

– Слушай, что я хотел тебя спросить, пока мы еще здесь... Что это за штука такая – Большая Колючка, которую все так боялись?

Калтус вдруг расхохотался и долго не в силах был произнести ни слова. Конан, не понимая, смотрел на него, но вдруг песок рядом со стариком завертелся маленьkim смерчем, потом воронка стала расти, и вот уже его подхватил настоящий вихрь, не потревоживший ни песчинки у ног Конана. И сквозь вой ветра Конан услышал:

– Я и сам не знаю, что это такое! Я ее никогда не видел! А кто видел, те не возвращались! Эге-ге-гей! Проща-а-а-ай!

Теперь Конан сидел совершенно один в голой чужой пустыне, под немыслимым деревом с каменными листьями и ждал, что же будет дальше. Он не собирался никуда идти, справедливо полагая, что теперь, после таких трудов, колдун сам должен побеспокоиться и доставить его обратно.

Но кругом было тихо, беззвучно проплывали в вышине тонкие облака, временами набегая на тонкий серп луны. Конану вдруг захотелось разглядеть свою добычу, то, из-за чего на них ополчился весь город.

Ничего особенного, простой оловянный кубок. Но почему-то так не хочется выпускать его из рук... Выпить бы из него доброго вина!

Конан прикрыл глаза, представляя запах и вкус своего любимого красного вина, но тут налетел холодный ветер, пробирая его до костей, и вот уже его закружил вихрь, пронося над безжизненной землей...

* * *

Он не сразу понял, что вновь стоит в башне, так закрутил и заморозил его бешеный ледяной поток. Закоченевшие руки прижимали к груди теплый, почти горячий кубок, который и не позволил Конану окончательно замерзнуть. Живительное тепло из ладоней растекалось по всему телу, как

то самое вино, о котором он только что мечтал.

– Ну, король, ты, я вижу, хорошо развлекся? Я же тебе говорил, что скучать не придется! Это тебе не камни таскать и червей кормить, это – Шаисса! Жаль, что ее больше нет... Зато кубок здесь... Ну, что же ты стоишь как столб, давай его сюда! – Колдун протянул руку, и Конан, ругнувшись сквозь зубы, нехотя отдал оловянную чашу ему.

Глаза короля горели ненавистью, которую уже ничто не могло погасить, но маг, поглощенный своим талисманом, не обращал на своего пленника никакого внимания. В руках чародея мерцала тусклым золотом половина шестиугольного диска, и он нежно поглаживал ее жадными пальцами.

Потом, вспомнив про Конана, поднял темные глаза и глухо сказал:

– Все... Иди... День твой! Хочешь – веселись, хочешь – спи. Так и быть, я тебе мешать не буду. Мне почему-то кажется, что ты сможешь... – Он махнул рукой, и стены закружились в бешеном хороводе.

Снова перед глазами мелькнула орущая и галдящая Шаисса, и все пропало.

Глава восьмая

Громкий стук разбудил его. Открыв глаза, король увидел резной с позолотой потолок спальни, узорный полог у изголовья, солнечные блики на стене. И снова услышал громкий стук. Ну конечно, солнце давно встало, Дамунк встревожен, стража вот-вот начнет ломать дверь.

Вот уже три ночи у его дверей стоит караул, вот уже три ночи почти не спят Дамунк и Имма, готовые броситься ему на помощь. Проклятый колдун! Конан еще никогда не чувствовал себя таким униженным. Он, добившийся королевской власти, победивший столько врагов, в том числе и магов, сейчас, как купленный по дешевке раб, рискуя жизнью, добывает свободу этому исчадию бездны! Проклятие!

Весь день король не находил себе места от душившей его бессильной злобы. Он пойман, крепко пойман на крючок, и кто знает, что готовит ему гнусный колдун потом, когда он получит свой талисман?! Может быть, улизнув из своей башни, он оставит там его, Конана?! От колдунов меньше всего можно ожидать честного выполнения обещаний.

Нет, эти твари, расплодившиеся по всей Земле, должны быть уничтожены, а это значит, надо уничтожить гнездо, их породившее. Стигия – вот рассадник зла, таинственная страна, где маги обретают свою колдовскую силу, откуда потом расползаются по всему свету, чтобы мучить, терзать, использовать людей себе на потеху.

Стигия отныне станет целью его завоеваний. Он еще не стар, время у него есть. Есть ли? Быть может, эти три дня – все, что ему осталось? Нет, не три дня, а целая жизнь! Конан хоть и кипел от ярости, но ни на мгновение не сомневался в своей победе.

Ближе к вечеру, когда солнце уже опускалось к горизонту, чтобы назавтра снова озарить мир живительным светом, на короля вдруг снизошло удивительное спокойствие. Уверенность в победе стала несокрушимой, он еще не знал как, но чувствовал, что победа будет за ним. И, как всегда, незаметно подкрался сон, накинул на него свое серое покрывало: мысли спутались, исчезли, и опять понесли куда-то колдовские ветры и волны...

* * *

Колдун, как бы почувствовав произошедшую с варваром перемену, смотрел неподвижным, тяжелым взглядом, не говоря ни слова. Конан тоже, не мигая, глядел ему в глаза и молчал. Наконец Рагон Сатх поднял свой огромный кубок, отхлебнул слегка дымящийся напиток и криво усмехнулся:

– Ну, я вижу, ты полон решимости! Иди! За этой дверью доблесть и смелость будут тебе нужнее всего! – И он натянуто рассмеялся, махнув рукой с кубком в сторону ближайшей завесы.

Не желая дальше слушать его насмешки, Конан шагнул к другой двери, не к той, на которую указывал колдун. Отдернув полотнище, он мгновение помедлил, вглядываясь в зыбкие, меняющие очертания клубы тумана, сделал шаг вперед и упал на что-то мягкое.

… Его покачивало, потряхивало, а сам он ничком лежал на соломе. Конан приподнялся и посмотрел вокруг. Куда ни кинь взгляд, везде простиралась однообразная, серая, мокрая равнина, и повозка, в которой он лежал на сырой соломе, медленно ползла по жидкой чавкающей грязи.

Конан привстал, чтобы рассмотреть возницу, но, к своему удивлению, никого не увидел. Он был в повозке один, а впряженный тощий бык сам, без понукания, с трудом тащил ее, по колено, увязая в грязной жиже.

Все кругом казалось каким-то зыбким от мелкого дождя, которого Конан сначала даже не заметил. Но когда по лицу потекли холодные струйки, он откинул со лба волосы и почувствовал, что они совсем вымокли. Его рука привычным движением легла было на рукоять меча, но нашупала лишь насквозь промокшую ткань дорожных штанов. Кроме штанов и сандалий, на нем ничего не было – ни туники, ни плаща, ни, самое главное, пояса с мечом и кинжалом. Конан вскочил, увязая в мокрой соломе, и, рыча от гнева и ненависти, переполнявшей его так, что даже слов не находилось, погрозил небесам могучими кулаками. От его недавнего спокойствия не осталось и следа.

Бык, на мгновение, остановившись, коротко замычал, как бы присоединяя свой голос к яростным воплям киммерийца, и снова с трудом поволок повозку одному ему ведомым путем. Она медленно катилась, поскрипывая и кренясь на скрытых в грязи ухабах. Бык брел медленно и равнодушно, тяжело переставляя худые ноги. Во все стороны до самого горизонта – ни холма, ни камня, ни дерева, одна раскисшая от дождя грязь. Конана даже передернуло от отвращения – такой унылой картины он в жизни не видел. Тряхнул головой, сбрасывая надоевшие капли дождя.

Вдруг раздался скрежет, повозка дернулась, резко остановилась, и он

ткнулся лицом в прелую солому.

– Тыфу, что там еще, к Нергалу в задницу, за дела! Ну, ты, ходячие кости, что встал?! Везешь, так вези!

Бык изо всех сил дергал повозку, но она, видимо, наскочила на камень, и колесо уже угрожающе трещало, грозя слететь с оси. Бык скосил на Конана полный тоски лиловый глаз и жалобно замычал, как бы прося о помощи.

– Эх, ты, дохлая скотина, тебя что, совсем не кормят? Но пешком по такому месиву я все равно не пойду, уж придется тебе довезти меня до места. А сейчас все же, Нергал меня побери, надо лезть в грязь!

Конан нехотя спустил с повозки ноги и осторожно погрузился в жижу, провалившись почти до колен. Внизу было полно мелких острых камней, и он в душе порадовался, что проклятый колдун не забросил его в это море грязи в одних штанах, а все-таки оставил на ногах крепкие сандалии.

Подойдя к колесу, он действительно нашупал ногой большой камень. Еще чудо, что ветхая повозка не развалилась на куски, налетев на такой валун. Недолго думая, Конан сунул руки в грязь и принял раскачивать камень, пытаясь сдвинуть его с места. Пальцы скользили, не находя опоры. Наконец ему удалось крепко ухватить проклятый валун, от напряжения на спине и руках вздулись бугры мышц, и медленно, будто нехотя, камень, наконец, дрогнул и откатился в сторону, чуть не придавив киммерийцу ноги. Теперь повозка могла двигаться дальше, но Конан не торопился в нее залезать. Он налег на нее плечом и зычно крикнул:

– Гей, пошел! Вперед, заморыш!

Бык дернулся, повозка вздрогнула и покатилась. Некоторое время Конан шел рядом, разглядывая свои до плеч измазанные руки. Да что там руки! Грязь была на груди, на животе, на штанах. Он взял клок соломы и кое-как начал оттирать ее с рук. Бык, потихоньку волоча пустую повозку, внимательно посматривал на человека блестящим глазом. Когда Конан в сердцах хотел, было, швырнуть размазавшую грязь солому в чавкающую жижу, бык остановился и жалобно замычал. Конан, не понимая, глядел на животное, пока до него, наконец, не дошло.

– Тыфу ты, пропасть! Да ты же, бедняга, такой голодный, что и солому слопать готов! На, ешь, а то еще ноги протянешь, что тогда делать...

Он доставал из повозки слежавшуюся мокрую солому и, с усилием переставляя ноги ввязкой жиже, подносил ее к быку. Тот с жадностью пожирал ее так, как будто это была молодая весенняя травка. Вскоре на дне повозки не осталось ни клочка соломы, и Конану пришлось усесться прямо на голые доски.

Зато бык заметно повеселел и, гораздо увереннее переставляя ноги, зашлепал по грязи вперед, к пока еще неведомой цели.

Повозка еще долго тряслась по бескрайнему морю вязкой жижи. Дождь, то утихая, то усиливаясь, кое-как смыв грязь с тела Конана, а конца пути все не было видно. Бык шел, не останавливаясь, только грязь равномерно чавкала под его ногами да скрипели старые колеса повозки. Конан уже начал терять терпение, ему казалось, что он промок насеквоздь, до самого сердца, и даже гнев, пылавший в нем, потух, уступив место мрачному отвращению.

Наконец, когда дождь утих настолько, что можно было видеть бескрайнюю равнину далеко вперед, стал заметен крохотный бугорок посреди ровного места. Поначалу Конан решил, что это ему только кажется. Но бык шел именно туда, к этой темной точке, то появлявшейся, то исчезавшей за пеленой дождя.

Когда дождь почти прекратился, сеясь из низких туч мелкой пылью, Конан смог разглядеть очертания большого холма и какую-то постройку на его вершине.

Они медленно приближались к холму, и киммериец, привстав в повозке, пытался разглядеть, что за постройка темнела на его макушке. Но дождь, припустивший с новой силой, скрыл с глаз и загадочное сооружение, и сам холм, только бык уверенно шел вперед знакомой дорогой.

Постепенно грязь становилась мельче, бык с надсадой тянул повозку в гору, едва перебирая разъезжающимися ногами. Конан спрыгнул на землю, с удовольствием почувствовав, что ноги больше не проваливаются в отвратительную жижу, и пошел рядом, жалея замученную скотину. Бык посмотрел на него с почти человечьей благодарностью и потянул вверх громыхающую на камнях пустую повозку.

Дождь кончился внезапно, словно повинуясь чьему-то приказу, и Конан, шагавший рядом с телегой, держась рукой за ее край, невольно остановился. Они были уже совсем рядом с невысокой, не выше человеческого роста, каменной стеной, огораживавшей огромный дом, стоявший на вершине холма. Когда-то крепкие ворота, сделанные из добротных брусьев, сейчас представляли собой жалкое зрелище.

Бык медленно подошел к воротам и сильно ткнул рогами приоткрытую створку. На землю посыпалась щепки и мокрая труха. Створка как будто нехотя отворилась, и бык затащил повозку во двор.

Они стояли посреди большого двора, кое-как замощенного выщербленными камнями. Бык понурил голову и словно уснул, а Конан,

отойдя на пару шагов от повозки, с изумлением стал осматриваться:

– Клянусь Кромом, такого я еще не видел! Ну и домина! Кто же здесь живет, хвост Нергала ему в глотку?!

Дом действительно поражал своей величиной и нелепостью. Казалось, его строили пьяные великаны, чтобы потом уйти и навсегда забыть о нем. Стены были сложены местами из грубо обтесанного камня, а где и просто из валунов. Узкие окна, расположенные как попало, зияли пустыми дырами, лишенные переплетов и ставень. Лишь три окна внизу были прикрыты трухлявыми ставнями, да входная дверь еще была цела, наверное, благодаря широким железным полосам, набитым крест-накрест. В левом крыле дома возвышалась квадратная башня, похожая на исполинскую голубятню. На уцелевших кое-где остатках черных стропил еще виднелась черепица, но ясно было, что ей уже недолго осталось украшать этот дом. Круглая башня, торчащая справа, сохранилась лучше. Узкие, как бойницы, окна, прорезавшие грубую складку стен, тоже не имели уже ни рам, ни ставень, зато крыша здесь была почти целой. Середина дома, длинная, как сарай, тоже лишь местами сохранила кровлю. Как раз там, где были закрыты ставнями окна, стропила были покрыты гнилой соломой, кое-где для верности придавленной камнями.

Да, время, ветер и дождь хорошо потрудились, превращая нелепый дом в груду развалин, и им осталось поработать совсем немного, чтобы довести дело до конца!

Конан запустил руку в мокрые волосы, еще раз удивленно оглядывая диковинный дом. Бык, подтащив повозку поближе к дверям, остановился и протяжно замычал. Внутри дома послышались тяжелые шаги, кряхтение, и дверь, чуть не слетев с петель, распахнулась от мощного пинка.

На крыльце, пригнув голову, чтобы не расшибить лоб, вышел великан, раза в полтора выше Конана. Глядя на него, киммериец опять, было, схватился за отсутствующий меч и шепотом выругался.

Потягиваясь и зевая, на него смотрело сонными бесцветными глазами огромное существо с телом, покрытым жесткой щетиной. Гнилые зубы торчали из разинутой пасти, громадные черные от въевшейся грязи руки скребли волосатую грудь. На нем были надеты лишь сильно потертые короткие штаны из грубой кожи, да на поясе болтался огромный нож. Босые черные ноги с мозолями, жесткими, как копыта, могли, наверное, ходить по самым острым камням.

Великан опустил глаза, увидел Конана, угрожающе сжавшего кулаки, и хрюпло расхохотался:

– Ох-хо-хо! Хо-хо-хо! Ты только посмотри, Хозяйка, кого притащил

сегодня этот бездельник! Да иди же скорей, мы сегодня с добычей! – Он, все еще булькая от хохота, подошел к быку и, наклонившись, принялся его распрягать.

– Эй, дохлятина, а где же солома?! Куда делась солома, я спрашиваю?! Ты посмел ее сожрать, мешок с костями? И так от тебя одно разорение, только и знаешь, что жрать! – И град ударов и пинков обрушился на несчастную скотину.

Бык, не пытаясь убежать или увернуться, покорно снес все пинки и понуро вошел в полуоткрытую дверь. Повозка осталась сиротливо стоять посреди двора, а великан снова завопил:

– Хозяйка, ну где ты там копаешься? Иди скорей сюда, да неси сеть – у нас богатая добыча!

Слушая эти вопли, Конан весь напрягся и начал потихоньку отступать к воротам. Но великан с неожиданным проворством опередил его и отрезал путь к отступлению.

– Да где ты там, в подпол, что ли, провалилась?! Тебе говорю – иди скорей, а то он улизнет!

На его крики из дома не спеша вышла такая же, как он, безобразная великанша. Юбка из давно потерявшей цвет толстой материи едва прикрывала колени, открывая могучие волосатые ноги с такими же черными мозолями, как и у ее мужа. Огромную трясущуюся грудь обтягивал кожаный жилет, туга зашнурованный в талии. Жесткие космы, собранные в пучок на макушке, были украшены жемчужным ожерельем и торчащими во все стороны драгоценными заколками. Сверкающие драгоценности выглядели так нелепо на ее уродливой голове, что Конан, засмотревшись, не сразу заметил перекинутую через плечо великанши сеть.

Когда он отпрянул в сторону, было уже поздно – брошенная ловкой рукой сеть накрыла его, и оба великаны захочтали, любуясь, как он яростно пытается освободиться. Замотав добычу потуже, они взвалили её на плечи и понесли в дом. Там, не церемонясь, вытряхнули из сети на пол и с грохотом опустили решетку.

Конан тут же вскочил на ноги и, рыча, бросился на прутья. Великаны стояли рядом и смеялись, скаля кривые желтые зубы.

– Глянь, глянь, Хозяйка, как кидается! Молодой, сильный! Ишь, ты, какую добычу Гоц сегодня отхватил! Если бы он по дороге не сожрал всю солому из повозки, я бы ему, пожалуй, подкинул охапку... Смотри, глазами-то, глазами как сверкает!

– Слыши, Хозяин, а может, нам его прямо так поджарить, а? Гляди,

какой крупный, и мяса на нем много... Я бы мигом приготовила... Правда, там еще с прошлого раза осталось, но так хочется свеженького!

– Еще чего! Прямо так! Да это нам на один раз! Нет уж, доедим, что есть, а этого надо откормить. Фу, я что-то устал его тащить. Где там у нас вино? Быстро неси сюда кувшин и все, что осталось!

Он, развалившись, сел на лавку у громадного стола из кое-как обструганных брусьев, а Хозяйка, бросив на Конана жадный взгляд и облизнувшись, грузно пошла внутрь дома.

Вскоре она вернулась с охапкой полусгнивших дров и, бросив их на пол у громадного почерневшего очага, проворчала:

– Дрова кончаются... Слышишь, Хозяин, скоро дичь не на чем будет жарить! Съезди завтра на Гору за дровами! Да ты уснул, что ли?! – И она угрожающе замахнулась поленом.

– Ну, ну, потише, не видишь, я устал! Вот отдохну денек-другой, тогда съезжу!

– А этого на чем жарить будем? – Она кивнула в сторону Конана. – Ты же знаешь, я сырого не ем! Я тебе не какая-нибудь дикарка! Я из приличной семьи! – Ее голос перешел на пронзительный визг, и полено уже было готово опуститься на всклокоченную голову Хозяина.

– Да успокойся, моя красавица! Так и быть, я завтра поднимусь в башню, наломаю ставень. Там еще много осталось. А потом, когда отдохну, тогда и съезжу... А сейчас давай, клади полено в очаг и разводи огонь, ужинать пора!

Поворчав еще немного, Хозяйка побросала дрова на решетку очага и разожгла огонь. Ярко вспыхнувшее пламя осветило все углы огромной, не меньше пиршественного зала, комнаты, посреди которой сидел за столом, клюя носом, великан.

Конан, убедившись, что тот не обращает на пленника никакого внимания, осторожно подошел к решетке и огляделся.

Пламя жадно пожирало трухлявые дрова, его отблески играли на грубой кладке стен и, черных от копоти, балках потолка, отбрасывая шевелящиеся тени. Кроме стола, двух лавок и громадного топчана в дальнем углу, в комнате ничего не было. А Конан был посажен в небольшую нишу без окон, отделенную от комнаты крепкой железной решеткой. Напротив него, в такой же нише, только без решетки, понуро стоял бык и жевал губами, наверно, вспоминая давешнюю солому.

Конан оглядел комнату еще раз и в углу, противоположном тому, где стоял топчан, увидел лежавшую на полу приставную лестницу из толстых брусьев. Он поднял глаза и под самым потолком заметил небольшую, на

удивление добротную дверь. Когда-то к ней вела лестница, но сейчас только обгорелые концы ступеней, торчащие из стены, напоминали об ее существовании. Эта маленькая крепкая дверь с блестящими коваными накладками и большой замочной скважиной невольно привлекала внимание: снова и снова разглядывая комнату, киммериец все время поднимал глаза в тот угол.

Послышались тяжелые шаги и приглушенное ворчание. Кособокая дверь, ведущая куда-то внутрь дома, с жалобным скрипом распахнулась, и вошла Хозяйка с двумя кувшинами вина. С размаху бухнув их на стол и поглядев на сонного Хозяина испепеляющим взглядом, она достала с полки около очага большое блюдо и два кубка. Плеснув в один из них вина, жадно стала его пить. Не открывая глаз, Хозяин потянул к себе кувшин. Хозяйка сердито хлопнула его по рукам:

— Сколько раз тебе говорить, пей из кубка! Вечно ты норовишь присосаться к кувшину! Нет, не зря меня матушка отговаривала, когда я решила стать твоей Хозяйкой! Права она была, когда предупреждала: «Он совсем дикий, настоящего обхождения не знает!»

— Ну, что заладила: не знает, не знает! Так чего ж пошла за меня?

Великанша вдруг поставила на стол недопитый кубок, опустила глаза и, разглаживая волосатыми ручищами складки на юбке, сказала:

— Да уж больно ты был хорош... Хоть и не знал настоящего обхождения, и сейчас не знаешь, но такого красавца, как ты, в наших краях больше нет... И дом твой — тоже настоящий дворец! Вот и пошла за тебя...

— Ну, так и не ворчи! Вот готовишься ужин, так и быть, слазаю для тебя на чердак... Я ведь тоже долго выбирал, а пригоже тебя не сыскал. Достану тебе ожерелье из красных камешков, хочешь?

Она чуть не подпрыгнула от радости:

— Ой, какой ты смелый! Правда, принесешь ожерелье? Только будь осторожен, чтобы Родраг не проснулся!

— Ничего, два раза уже ходил, а он не проснулся! Я и ключ, и замок смазал маслом, дверь не скрипит, и половицы там крепкие. — Великан достал из кармана огромный ключ и повертел им в воздухе. Потом налил себе вина в кубок и положил ключ на край стола.

Хозяйка, оскалив зубы в безобразной ухмылке, допила вино и быстро вышла из комнаты. Хозяин, довольно крякнув, уставился на огонь и пробормотал:

— Ох, уж эти женщины! Пока не скажешь, что она самая прекрасная, не пошевелится, чтобы мужу обед готовить!

Он снова замер, глядя на огонь и изредка прикладываясь к кувшину,

опасливо косясь на дверь.

Конан, стараясь не шуметь, попытался приподнять решетку, но толстые железные прутья даже не дрогнули, как он ни старался. Решетка не была частой, он свободно мог высунуть наружу голову, но, упервшись могучими плечами в холодный неподвижный металл, понял, что силой здесь не возьмешь. Надо было ждать! Не может быть, чтобы он сюда попал только на ужин этим волосатым! Нет, он не боров и не теленок, так просто сожрать его не удастся!

В комнату ввалилась Хозяйка с огромной лоханью, наполненной кусками мяса, и Конан благоразумно отступил в тень, чтобы не привлекать ее внимания. Хозяин встрепенулся, взял длинный толстый вертел, прислоненный к очагу, и стал насаживать на него куски мяса. Хозяйка подбросила в очаг еще дров, огонь затрещал, и Хозяин, пристроив вертел, стал его медленно поворачивать. Потом ему это надоело, и он толкнул великаншу под столом ногой:

– Давай-ка теперь ты поверти, а я намешаю ему еды. – Он кивнул в сторону клетки, где, притаившись, сидел Конан. – Ему не мешает хорошо раздобреть, а то уж сильно жилистый!

– Нет уж, верти сам, а то опять зелье просыпешь, как в прошлый раз. Смотри, и кувшин почти пустой! Один все вылакал! Сиди и верти, я сама все сделаю.

Она сняла с полки большую глиняную миску, налила в нее вина из своего кувшина и, достав спрятанный за очагом небольшой мешочек, стала полными горстями сыпать из него в вино какой-то порошок. По всей комнате разнесся дивный аромат пряностей, заглушив запах горелого мяса.

Конану показалось, что он попал на кухню своего дворца в Тарантии, где повара готовят праздничный обед. У него подвело живот, и рот наполнился слюной. Перед глазами вставали видения жареных ягнят, запеченной дичи, огромных пирогов на оловянных противнях. Он даже заскрипел зубами от невыносимого желания вцепиться зубами в жареную баранью ножку, посыпанную душистыми травами. А Хозяйка, тем временем, большущей деревянной ложкой размешивала порошок в вине. Вскоре он загустел и стал похож на крутое тесто, горой поднявшееся над краями миски.

– Ну, вот и готово! И вина еще много осталось. Пусть он помечется, понюхает, а мы сначала поедим. А потом и ему дадим – да, миленький? Как там наше мясо, готово?

– Готово, готово! Плесни-ка мне в кубок, а то во рту пересохло от такой работы! Вертишь, вертишь, а оно все еще сырое...

— Знаю я тебя, ты бы и так все сожрал! Ну, нет, пока я жива, ты будешь пить вино из кубка, и есть жареное мясо, как моя матушка учила. Давай клади его сюда!

Она подвинула блюдо к краю стола, и ключ с негромким стуком упал на пол. Великан, поднявшись, чтобы снять с огня вертел, затолкал его заскорузлой пяткой под стол, ничего не заметив. Конан, изо всех сил борясь с муками невыносимого голода и отгоняя соблазнительные видения, заметил, куда упал ключ, уверенный, что ему это скоро пригодится.

Хозяин, сняв с пояса нож, спихивал на блюдо подгоревшие куски мяса, а Хозяйка, сидя на лавке напротив него, уже нетерпеливо облизывалась:

— Ну, скорее же, чего копаешься? Руки дрожат? Конечно, кувшин осушил, так будут дрожать! Дай, я сама.

— Женщина, не встревай! Я сам все могу! Вот, погляди! — и он кое-как спихнул с вертала последние куски мяса. — Что мне один кувшин! Сходи-ка принеси еще парочку, у меня сегодня и аппетит хороший, и жажда разыгралась! А то не полезу завтра на чердак!

— Иду, иду, я и сама хотела еще выпить! Сейчас принесу! А, правда, я стану еще красивее в ожерелье из красных камешков?

— Из красных, как твои глазки, как твой носик, дорогая! Быстро тащи вина! — И Хозяин с размаху хлопнул ее ручищей по широкому заду.

Великанша, радостно взвигнув, помчалась за вином, а он принялся за мясо, жадно отдирая огромные куски острыми зубами. Но не успел он дожевать первый кусок, как Хозяйка уже вернулась, неся еще два кувшина.

— Ну вот, это уже лучше! Лей, да не через край. А то всухомятку кусок в горло не идет! Ну, женушка, выпьем!

Бульканье вливающегося в глотки вина сменилось чавканьем и сопением, а потом кубки снова наполнялись, и все повторялось сначала. Наконец, великан, пыхтя, откинулся на спинку скамьи и принялся ковырять в зубах.

— Ужин сегодня удался на славу! Такой Хозяйки, как ты, и за Дальней Горой не сыщешь!

Хозяйка, дожевывая последний кусок и распустив тугую шнурковку на кожаной жилетке, довольная, ответила:

— Да, не зря меня матушка учила готовить! Когда я их откармливаю своим снадобьем, мясо у них получается нежней, чем у молодого барашка! Ох, дорогой, мы же про него забыли! Как бы он там с голоду не подох! — И она проворно вскочила из-за стола, но тут же покачнулась и чуть не упала.

— Ого, я уже напилась и наелась! Доброе у нас вино, тоже матушка делать научила! Нет, мне не донести миску, давай-ка ты!

– Уж, ладно, я-то покрепче тебя, донесу! – Великан взял посудину, наполненную ароматным тестом, запах которого сводил Конана с ума.

Пошатываясь, он подошел к клетке и протолкнул ее между прутьями решетки. В нос киммерийцу ударили запах, от которого у него закружилась голова, а рот наполнился слюной.

– На, ешь, да скорей поправляйся! – Хозяин побрел обратно к столу, а Конан присел на корточки перед миской, жадно вдыхая аромат и собираясь уже запустить руки прямо в пышную, желтоватую массу.

Но тут бык, до этого тихо стоявший в своем углу, вдруг жалобно замычал, вытянув морду в его сторону, а обруч на шее Конана резко сжался, пронзив холодом все его тело. Король отпрянул в сторону, упав на солому в нескольких шагах от миски. Наваждение исчезло. Запах желтого месива больше не вызывал голода, не манил и не соблазнял. Он отполз подальше в свой угол и стал смотреть, что будет дальше.

Хозяйка расшнуровала и сбросила свою жилетку и стала кокетливо вынимать заколки из волос. Драгоценные камни и жемчуг теперь валялись на столе среди обглоданных костей и разлитого вина. Хозяин, урча от вожделения, потащил ее за юбку к топчану, и в следующее мгновение они с грохотом повалились на груду тряпья и кожаных подушек.

…Когда стоны и возня в углу затихли, сменившись оглушительным двухголосым храпом, Конан подошел к решетке и осторожно просунул в нее голову. Последние отблески огня уже не могли разогнать темноту, и он с трудом различал предметы. Напротив него в нише зашевелился бык, негромко топая копытами по каменному полу.

Вот он не спеша вышел на середину комнаты и подошел к Конану. Ноздри его жадно вздрагивали, с губ капала слюна, глаза умоляюще глядели на миску с желтым тестом. Конан, не раздумывая, вытолкнул посудину из своей клетки, и бык, мыкнув от наслаждения, уткнулся в нее мордой. В мгновение ока миска оказалась пуста, а бык жадно, как собака, облизывал ее края, громыхая по полу. Потом он, удовлетворенно вздохнув, положил голову на поперечный прут решетки и прикрыл глаза. Конан похлопал его по морде, безрадостно усмехнувшись:

– Хоть ты поел, голодная скотинка! Тебя, наверное, год надо кормить, чтобы ребра не торчали! – И он перевел взгляд на бока животного, ожидая увидеть торчащие кости и впалый живот. Ничуть не бывало!

Перед ним стоял здоровенный бычина с широченной грудью и сильными ногами. Огромная голова с широкой мордой была увенчана острыми синевато-синими рогами.

– О-го-го, так вот что это за снадобье! Да, я бы тут у них враз оброс

мясом и жиром! Ну, а теперь-то что мне делать, может, ты подскажешь? – Он погладил крутой бычий лоб.

Бык отошел в сторону и изо всех сил уперся головой в камень рядом с решеткой.

Решетка вздрогнула, бык уперся еще сильнее, скользя по камням задними ногами и напрягая шею. Наконец, со скрипом и скрежетом железная преграда поползла вверх, и Конан мгновенно выскользнул наружу, облегченно вздохнув. Бык потихоньку попятился от камня, и решетка опустилась на место. Клетка была пуста.

Мощный храп, сопение и причмокивание спящих великанов заглушали их шаги. Бык, обнюхав и полизав лужицы вина на столе, пошел в дальний угол и остановился около лестницы, лежавшей на полу.

Конан пошарил под столом и в тусклом свете догорающих углей с трудом нашел ключ. Он еще раз осмотрелся и увидел рядом с запасными вертелами несколько заготовленных впрок факелов. Зажег один из них и подошел к лестнице.

Бык стоял рядом и смотрел на маленькую таинственную дверь. Конан приставил лестницу к стене и хотел, было, уже подняться наверх, как вдруг влажная морда ткнулась ему в плечо. Он обернулся. Бык подошел к тайнику и высыпал весь порошок. Конан побежал, собрал снадобье в миску, добавил остатки вина из брошенного на полу кувшина, кое-как размешал все это и, стараясь не вдыхать аромат пряностей, отнес посудину к входной двери и выставил на улицу:

– На, ешь лучше тут, а то тебя, пожалуй, разнесет так, что и в дверь не пролезешь.

Он вернулся в дом, а бык вышел на крыльцо и уткнулся мордой в миску. Подобрав на полу обрывки веревки, Конан обмотал ее вокруг пояса и заткнул за нее пару запасных факелов. Постояв немного и послушав непрекращающийся храп, он, зажав в руке горящий факел, тихо поднялся вверх по приставленной лестнице. Стоя на последней ступени, достал ключ, вставил в скважину и осторожно повернул. Прав был Хозяин – ключ повернулся легко, без единого звука, и дверь открылась сразу, от легкого толчка руки.

Конан вошел на чердак, укрепил факел в груде наваленных возле двери старых кувшинов, плошек и мисок, втащил наверх лестницу, прикрыл дверь и осмотрелся.

Чердак был огромный, и один-единственный факел не мог разогнать темноту, прятавшуюся во всех углах за кучками всевозможного хлама. Хотя не все, что было здесь навалено, можно было назвать хламом. Совсем

недалеко от двери лежал большой мешок – из дыры, прогрызенной вездесущими мышами, рассыпались по полу золотые монеты. Чуть дальше грудой лежала золотая и серебряная посуда.

Конан зажег второй факел и двинулся дальше, с удивлением рассматривая эту сокровищницу.

Да, этот чердак, хоть и заваленный кое-где битой и погнутой посудой, полуистлевшими тряпками и обрывками кожи, смело можно было назвать сокровищницей. Сделав два-три шага, Конан увидел огромный резной сундук, окованный фигурными накладками. Откинув крышку, он тихо прошептал:

«О-го-го, вот вам и красные камешки!»

Как видно, к этому сундуку и наведывался смелый Хозяин, чтобы ублажать свою несравненную женушку. Блики огня играли на роскошных ожерельях из крупных рубинов, сапфиров, изумрудов. Такие камни сделали бы честь даже его королевской сокровищнице в Тарантии. А снизу, заваленные этим ворохом ожерелий, выглядывали драгоценные браслеты, пряжки, диадемы, украшенные крупным жемчугом...

Конан уже протянул, было, руку, чтобы посмотреть, какие еще сокровища хранит этот громадный сундук, но тонкие ледяные иголки, вдруг пронзившие его шею, сразу напомнили, зачем он сюда поднялся. Он ищет что-то важное для колдуна, но здесь, в сундуке, этого нет. Может быть, это тот страшный Родраг, разбудить которого так боялись великаны? И Конан медленно пошел дальше, осматриваясь на каждом шагу.

Его внимание привлекла груда доспехов и оружия, заблестевшего в свете факела. Доспехи, хоть и позолоченные и украшенные драгоценными камнями и богатым орнаментом, были погнуты и местами поломаны. Зато мечи, сияя холодной сталью, сразу завладели его вниманием. Он хотел было взять один из них, чтобы не чувствовать себя совсем безоружным, но снова холод сотнями игл пронзил его тело и заставил идти дальше.

Киммериец натыкался на мешки и слитки золота, на ларцы с украшениями, которые всю жизнь снились бы женщинам, хоть раз их увидевшим. Изысканная посуда, достойная королевского стола, лежала сваленная в кучи. Конан шел, рассматривая все эти диковины, и удивлялся, как все это оказалось в старом, прогнившем доме, у прожорливых чудовищ, которые даже понятия не имеют, что с этим делать.

Засмотревшись на груду боевых щитов, сверкающих алмазами, Конан чуть не упал, наткнувшись на что-то мягкое. Повернувшись, он увидел, что стоит перед неким подобием ложа, сделанного из множества кожаных подушек, расшитых золотыми и серебряными нитями. На этом необычном

ложе покоился небольшой вытянутый предмет, напоминавший длинный ларец, прикрытый плотной черной тканью с вышитыми на ней мелкими звездочками. Конан осторожно потянул к себе черную ткань, под ней действительно оказался ларец из драгоценного сандалового дерева.

Опустившись на одно колено, король разглядывал находку. Не обнаружив замка, осторожно поднял крышку, готовый в любое мгновение отскочить в сторону и схватить любой из валявшихся поблизости мечей.

Сначала ему показалось, что перед ним на зеленой атласной подушке лежит, свернувшись в клубок, змея. Присмотревшись, киммериец понял, что это свернутый бич, но такой странный, каких он до сих пор не видел. Костяная рукоять была богато украшена золотыми колечками и мелкими сияющими алмазами, а сам бич искусно сплетен из множества узких полосок кожи, с прикрепленными к ней мелкими зеленоватыми колючками. На конце бича повис сморщеный темно-зеленый плод, сплошь покрытый такими же колючками. Конан осторожно прикоснулся к одной из них – она была совсем не острая и прогибалась под надавившим пальцем. Но не успел Конан убрать руку, как заметил, что лежащий перед ним хлыст начал меняться. Колючки, вплетенные между полосками кожи, стали светлеть и наливаться холодным белым сиянием. Плод, висящий на конце, вздрогнул и тоже мягко засветился. Теперь уже Конан не рискнул бы прикоснуться ни к одной из этих колючек – перед ним лежала проснувшаяся Смерть, тот самый Родраг, которого так боялись великаны и за которым он сюда пришел.

Пока он стоял и разглядывал странный бич, лежащий на подушке в драгоценном ларце, словно величайшее сокровище, снизу послышались грохот, возня и крикливые голоса. Великаны проснулись и, похоже, заметили исчезновение пленника.

Конан решительно взялся за рукоять, и она удобно легла в его ладонь. Живой трепет пробежал по всей длине бича – от костяной рукояти, плотно зажатой в могучей руке киммерийца, до самого конца, где был подведен колючий светящийся плод.

Страясь не шуметь, Конан двинулся к двери. Голоса становились все громче, и вдруг истощный визг Хозяйки разнесся по дому, вспугнув, наверное, всех ворон и летучих мышей, поселившихся под его дырявой крышей.

– Лестница! Смотри, он залез на чердак! Хозяин, что нам делать, он на чердаке!

– Замолчи! Как он мог туда залезть, когда ключ-то у меня! Вот здесь, в этом кармане! Или нет, в этом! Тоже нет... Посмотри, не выпал ли ключ на

постель когда мы...

– Да нет тут никакого ключа! Говорю тебе, он на чердаке, осталоп! Где же тогда лестница?

– Клянусь рогами Голодного Демона, если он там, я его оттуда сейчас достану и съем живьем! – зарычал великан.

Слышно было, как он двигает стол к стене и что-то водружает сверху. Потом раздались проклятия. Хозяин попытался достать до двери, но ему все еще было не дотянуться. Конан, прижав створку изнутри плечом, прислушивался к перебранке великанов, не в силах удержаться от злорадной ухмылки. Рукоять подрагивала в его руках, бич зашевелился, просясь в бой со своими врагами, но король все еще медлил и не открывал дверь.

Через замочную скважину было видно, как Хозяйка откуда-то приволокла огромный пустой сундук, и великаны, пыхтя, взгромоздили его на лавки, стоявшие на столе. Хозяин оглушительно захохотал, хлопая себя по ляжкам:

– Ну, если Родгар еще не спустил с него шкуру там, на чердаке, то сейчас это сделаю я! Хозяйка, зажги-ка, мне факел, кто его знает, в какой он угол забился!

Великанша затопала к очагу и завопила:

– Хозяин, здесь остался всего один! Этот негодяй, кость недоеденная, прихватил все факелы!

– Ну, все равно давай! Я его немного подпалю, чтобы не есть совсем сырым! – И он снова захохотал.

Хозяин неуклюже полез наверх, стол и скамьи затрещали под его тяжестью. Конан не стал дожидаться, когда дверь распахнется под ударом громадного кулака, и распахнул ее сам.

Стола, двух лавок и сундука все же было маловато, чтобы великани, как по лестнице, мог добраться до двери. И, когда дверь неожиданно для него распахнулась, он изумленно вытаращился на Конана снизу вверх, а тот, пригнув голову под косяком низкой двери, поглядел вниз с жестокой усмешкой. Великан, наконец, опомнился и завопил, ухватившись черными ручищами за порог и собираясь лезть дальше:

– Да ты глянь, Хозяйка, он еще и улыбается! Шальной какой-то нам в этот раз попался! Ну, я его сейчас достану! – И, ничего не видя от бешенства, пеленой застилавшего глаза, он задрал ногу и полез, было, на чердак.

Рукоять бича в руке Конана задергалась, стала почти горячей, раздалось шипение, как будто сзади подбиралась змея, посыпались на пол

сваленные в кучу доспехи, и Конан поспешил отошел от двери. Ему не пришлось даже поднимать руку для удара – бич ожил и сам рвался в атаку.

Великан, как гигантская распластанная жаба, лежал на животе, заползая на чердак и громко ругаясь. Снизу его подбадривала Хозяйка:

– Давай, давай, муженек, достань его оттуда! Так и быть, ешь его живьем! И я тоже тебе помогу! Ой, что это ты? Хозяин, Хозяин, что с тобой?

Ноги Хозяина, торчащие из проема, задергались, оглушительный вопль потряс стены дома, и великан мешком свалился на сундук, а оттуда – на пол. Едва дыша, он скорчился на боку, а со спины его лоскутьями свисала окровавленная кожа. С трудом ворочая заплетающимся языком, он прохрипел:

– Родраг! У него в руках Родраг. И он ему служит! Помоги мне встать, хватай Гоца, и бежим отсюда! Надо, пока он еще там, привалить дверь камнями, чтобы не догнал! – Он со стоном встал на четвереньки и пополз к нише, где еще недавно стоял бык. Хозяйка, быстро смекнув, в чем дело, первой добежала до стойла.

– И скотины нет! Он что, и быка затащил на чердак?

– Дура, на улице посмотри!

Великан тяжело поднялся на ноги и, шатаясь, двинулся за Хозяйкой, помчавшейся к двери. Ее топот и вопли, вдруг донесшиеся со двора, прибавили ему сил, и он почти бегом выскочил за дверь.

Конан смотрел сверху, поигрывая рвущимся из рук бичом. Он догадывался, что их ждет во дворе. Гоц, сожравший все их снадобье, тоже, наверно, захочет поквитаться. Так пусть же и скотина получит свое удовольствие! Развеселившийся варвар спрыгнул на сундук, по лавкам – на стол, а потом на пол. Выйдя на середину комнаты, тускло освещенной серым утренним светом, он стоял и ждал, с улыбкой прислушиваясь к топоту, стенам и глухим ударам падающих тел, доносившимся со двора.

Наконец Хозяйке удалось заскочить в дверь, и она, ничего вокруг не видя, пыхтя, побежала прямо навстречу киммерийцу. Бич, до этого тихонько шипевший на полу, молниеносно взвился, сверкнув колючками, и полоснул ее по руке, спустив кожу от плеча до кисти. Вытаращив от ужаса глаза, великанша, вопя, шарахнулась к двери, но ей навстречу в дом влетел Хозяин, с проклятиями придерживая окровавленные клочья штанов. Следом за ним в дом, ломая створки, с трудом просунулась громадная бычья голова с бешеными фиолетовыми глазами.

Конан, не выдержав, захохотал, щелкнув бичом по полу.

– Ну, Гоц, молодец, старина! Хозяйский корм тебе на пользу! Ты

потешился – теперь моя очередь! Моя и славного Родрага! Давай, приятель, повеселись, раз уж проснулся! – И бич снова с шипением взвился в воздух.

Великаны, ободранные и какие-то съежившиеся, метались по комнате, опрокидывая все на своем пути.

Конан, стоя на середине, гонял их из угла в угол, время от времени, делая несколько быстрых шагов в нужную сторону. Да, этот Родраг, маленький колючий демон, с шипением кидавшийся на врагов, хорошо знал свое дело! По торчащим обломкам стола и скамей, по острым черепкам битой посуды перед Конаном, завывая и визжа, носились два здоровенных куска мяса, с ужасом сверкая залитыми кровью глазами! Конан хохотал, а бич в его руке, казалось, совсем обезумел, опьянев от гнева. Бело-зеленая светящаяся точка со свистом и шипением металась от Хозяина к Хозяйке, хотя уже трудно было понять, кто из них кто.

Из последних сил великаны, падая и снова вскакивая под могучими ударами Родрага, кинулись к двери, забыв, что их ждет во дворе. Но бешеные глаза Гоца внимательно следили за схваткой, и вместо спасения у порога их ждали огромные рога. Первой добежала Хозяйка и, ничего не видя и не слыша, кроме шипящего зеленого демона, то справа, то слева впивавшегося в ее растерзанное тело, с размаху налетела на один из выставленных рогов, Он проткнул ее насеквость, и ее предсмертный вопль слился с торжествующим бычьим ревом.

Хозяин остановился, не зная, где искать спасения. Бык тряхнул головой, и Хозяйка, обливаясь кровью, рухнула на пол. Родраг рвался из руки, и Конан подбежал поближе к растерянному великому, давая бичу возможность добить свою жертву.

– Вот славный кусок мяса! – взревел варвар. – Жаль, здесь нет твоих родственников с Дальней Горы! Они бы тебя сырьим сожрали! Ну, Родраг, давай, спусти с него остатки штанов и последнюю шкуру! Вот тебе, отродье Нергала! Еще! И еще немного! – Конан теперь сам наотмашь хлестал хрипящего великана, который, как крыса, метался вдоль решетки, за которой еще недавно сидел его пленник.

Наконец он рухнул на колени, а потом и совсем распластался на полу. Его тело все еще вздрагивало под ударами, пальцы судорожно скребли каменный пол. Но вот великан дернулся последний раз, застонал и затих. Родраг взвился для удара, замер в воздухе и с тихим стуком упал к ногам Конана. Мерцающий свет постепенно тускнел, и смертоносный колючий шар снова превращался в зеленый сморщеный плод.

Внезапно Конан почувствовал, что его рука, только что державшая рукоятку бича, сжимает пустоту. Он разжал руку – в ней ничего не было, да

и сам бич, как будто, таял в воздухе. Еще мгновение – и от него ничего не осталось, кроме небольшого плода с мягкими колючками.

Конан бережно поднял его с пола и положил на ладонь. Надо же, такой невзрачный – кто бы мог подумать, что в нем таится такая сила! Он с отвращением покосился на две бесформенные туши. Киммерийцу захотелось выйти отсюда на воздух, пусть даже и под проливной дождь, но не успел он сделать и двух шагов, как вдруг стена дома дрогнула от сильного удара.

Раздался страшный рев взбесенного зверя, и еще один мощный толчок сотряс ветхую стену. Посыпались мелкие камешки, где-то наверху треснула балка. За окном мелькнуло тело быка, разбегавшегося для нового удара.

Конан невольно содрогнулся, увидев, во что превратился тощий Гоц, подкрепившийся хозяйственным снадобьем. Он был теперь не меньше слона и, как разъярившийся демон, сметал все на своем пути.

Конан едва успел отскочить к внутренней стене, как во все стороны полетели камни, и наружная стена обвалилась, увлекая за собой потолочные балки и гнилые стропила. Еще удар – и крыша обрушилась, пыль поднялась столбом, скрыв от глаз внутреннюю дверь, в которую Конан хотел проскочить. Что-то, падая сверху, крепко ударило по голове, и киммериец упал, оглушенный, однако его руки продолжали крепко сжимать колючий плод.

* * *

В голове гудело, перед глазами плыли красные круги, и Конан не сразу понял, что сидит на полу в медной башне, привалившись спиной к одной из стен. Где-то в тумане смутно виднелась неподвижная, как изваяние, фигура Рагон Сатха. Маг что-то говорил королю, и сквозь звон, раздававшийся в ушах, тот с трудом расслышал слова:

– Крепкая же у тебя голова, киммериец! Не зря о тебе трубила молва по всему свету! О твоих подвигах кое-где уже сложены легенды! Теперь я вижу, что сделал правильный выбор. Давай сюда свою добычу и отправляйся спать, да пусть твой лекарь приложит примочку к голове – балка переломилась, а тебе хоть бы что! Ха-ха-ха! – От его смеха дрогнули стены башни.

Конан, сжав зубы и преодолевая слабость в ногах, бросил колдуна

плод и услышал знакомое грозное шипение. Маг, поймав плод на лету, поспешил произнести какое-то заклинание, и в жадных руках засверкал четвертый кусок талисмана. Рагон Сатх тут же присоединил его к трем остальным и, нежно поглаживая, ласкал получившуюся фигуру.

Наконец он махнул рукой в сторону Конана, и красные круги с новой силой замелькали перед глазами киммерийца, скрыв и колдуна, и башню.

Глава девятая

Боль пульсировала в затылке, но мысли проносились ясные и четкие. Он прошел испытание, добыл Рагон Сатху еще один кусок золотого талисмана. Значит, сейчас он у себя. Надо открыть глаза... Но как это трудно...

Ему не сразу удалось, превозмогая тупую боль, разлепить веки. Да, все правильно, он у себя в спальне, кругом тишина, солнце еще не играет золотыми лучами на стене, утро только начинается...

Конан, пошатываясь на непослушных ногах, добрел до двери и отодвинул засов. Потом вернулся к ложу и с облегчением рухнул на мягкие подушки...

Когда он снова пришел в себя, солнце уже заливало ярким светом всю спальню. Все случившееся ушло куда-то далеко, как прошлогоднее воспоминание, и голова больше не болела. Король почувствовал, как что-то прохладное легло ему на затылок, и, скосив глаза, увидел Имму. Она опускала в серебряную чашу с каким-то снадобьем сложенный в несколько раз кусок полотна. Рядом, держа его руку, сидел Дамунк и внимательно всматривался в лицо короля. Когда Конан открыл глаза, лекарь с облегчением вздохнул и сказал девушке:

– Опасность миновала! Беги, вели принести кувшин вина, и прихвати тот маленький красный флакончик, про который я тебе вчера говорил... Торопись, девочка, а я пока сменю примочку! – И он стал вынимать полотно из серебряной чаши.

Снова Конан ощущал прохладное прикосновение и прикрыл глаза, погружаясь в приятную дремоту. Он проснулся на несколько мгновений, чтобы выпить кубок вина, в которое Дамунк налил немного жидкости из красного флакончика. Как будто живительный огонь побежал по телу, и Конан снова уснул, чтобы проснуться уже к вечеру здоровым и полным сил. Теперь около ложа сидела королева, с тревогой ожидая его пробуждения. Ошейник, с которого она не сводила глаз, вызывал у Зенобии какие-то смутные воспоминания, от которых сердце сжалось в испуганный комок. Но, когда Конан, проснувшись, улыбнулся своей обычной улыбкой, ее тревога сразу рассеялась. Она, ни о чем, не спрашивая, ласково провела рукой по его волосам, стараясь не глядеть на страшный обруч. Конан сел, скав в ладонях руки жены, и посмотрел в окно:

– Как, уже вечер? Значит, я весь день проспал? Со мной что-нибудь случилось?

Зенобия молчала, и королю ответил Дамунк, приблизившийся к ложу с новым кубком вина:

– Да, мой повелитель! Живительные сон и мое лекарство восстановили твои силы. Прошлая ночь оказалась очень трудной, но сейчас все в порядке. Вот еще один кубок с лекарством, прими его!

Конан одним духом выпил терпкое вино и вновь почувствовал, как жар волной расходится по телу. Он был по-прежнему силен и бодр, и осталось всего две ночи! Две ночи рабства у проклятого колдуна – и он снова будет свободен! Свободен! Сладостное для него слово, как глоток холодной воды для умирающего от жажды путника в горячей пустыне!

Король еще раз с досадой взглянул в окно, прощаясь с заходящим солнцем, и поднялся с ложа. Зенобия прильнула к его груди и прошептала:

– Знаю, ночью тебе грозит смертельная опасность. Мое сердце изнывает от страха и тоски. Но все будет хорошо, и когда-нибудь это кончится, правда, милый?

– Правда. Через две ночи все завершится. И я уверен, что все будет хорошо. А пока иди и ничего не бойся... – Он прильнул губами к ее губам, пытаясь поцеловать прогнать страхи.

Вчерашнее чувство спокойной уверенности не покидало Конана, и он с улыбкой проводил Зенобию до дверей. Дамунк вышел следом, а Имма немного помедлила у порога, глядя на короля ясными глазами.

– Ну, девочка, что мне понадобится завтра? Примочка, питье или чудесный эликсир Дамунка? – Он, улыбаясь, ждал ответа.

Она тоже улыбнулась и тряхнула кудрявой головкой:

– Ничего не понадобится! Мне кажется, кувшина вина в изголовье будет достаточно, и чтобы наготове был плотный завтрак!

Конан захотел, довольный таким ответом.

– Ты молодец, и я рад это слышать! Ну, так позаботься, чтобы все это было под рукой!

Девушка выскользнула из спальни и тут же вернулась с полным кувшином вина. Поставив его в изголовье, она собиралась уже, было, уйти, но Конан остановил ее и, нежно проведя рукой по щеке, сказал:

– Спасибо тебе, ты славная моя! Ну, а теперь иди: смотри, уже совсем стемнело!

Задвинув засов, он задумчиво подошел к окну, посмотрел, как гаснет золотистый край неба, послушал перекличку часовых на стенах и отправился обратно к ложу.

Надев заранее приготовленный широкий пояс, пристегнул меч и кинжал, накинул плащ и присел на край, вспоминая случившееся прошлой ночью. Вскоре он, мягко повалившись набок, уже спал.

* * *

– Я познакомлюсь с твоим лекарем поближе, когда выберусь отсюда! – Рагон Сатх встретил его, криво усмехаясь. – Его настойки и эликсиры, похоже, мертвого поднимут на ноги! Кажется, что ты и забыл, какая тяжесть вчера обрушилась на твою голову! И все это сделали несколько капель его снадобья!

Конан молчал, не желая вступать в разговор, и спокойно смотрел колдуну прямо в глаза. Тот, нахмурившись, привстал на троне и протянул руку к полотнищам:

– Ну, раз ты полон сил и уверен в себе, так выбирай, в какую дверь ты войдешь сегодня!

Выбор у него остался небольшой – всего две двери, две темные неподвижные завесы. Про какую-то из них колдун вчера говорил, что за ней королю понадобится вся его храбрость? Да она ему нужна за каждой дверью! Одно из полотнищ слегка колыхнулось, и Конан, не задумываясь, устремился туда, снова погрузившись в зыбкий туман.

Сделав несколько шагов, он остановился. Кругом ничего не было видно, однако ноги уверенно стояли на чем-то твердом. Его не кружили вихри, и он никуда не проваливался. Немного выждав, Конан стал различать смутные контуры каких-то предметов и движущиеся тени.

Вдруг, совсем рядом, раздался многоголосый женский визг и быстрый топот легких ног. Конан уже видел, что стоит посредине зала, где находилась роскошная купальня, а обнаженные девушки испуганной стайкой уже подбегали к дверям и выскакивали наружу. Наконец, когда последняя девушка, подхватив платье и туфли, исчезла за дверью, снаружи послышался звук запираемого засова.

Ну вот, его опять поймали и заперли! Конан невольно улыбнулся, сравнив этот зал со своей тюрьмой в доме великанов. Здесь, по крайней мере, не пахнет навозом. Киммериец отвел взгляд от резной двери и стал с интересом осматриваться.

Похоже, он попал в царский дворец, так богато был отделан этот зал, а

купальни, подобной этой, Конан не видел нигде. Сделанная, казалось, из цельного бледно-зеленого камня, она имела вид громадной чашечки цветка. А края, в форме загнутых лепестков, загибались наружу, и на них стояли вазы со всевозможными фруктами и тонкогорлые сосуды с вином. Между каменных лепестков изгибались золотые фигуры, из их раскрытых пастей в купальню с журчанием лилась душистая вода. Мягкие белые ковры с тонким узором из зеленых листьев окружали купальню со всех сторон. Множество разбросанных парчовых подушек говорило о том, что обитательницы дворца любят проводить здесь время. Все в этом зале навевало покой и негу – узкие высокие окна были распахнуты, и утренний ветер доносил из сада аромат роз, стены, радуя глаз, сияли драгоценными камнями и позолотой. С высокого сводчатого потолка свешивались ажурные светильники, в них, казалось, мелькали маленькие фигурки играющих огненных змеек.

Разглядывая прихотливые узоры, Конан в то же время чутко прислушивался к тому, что творилось за дверью. Внезапно тишина сменилась возбужденными женскими голосами. Они быстро приближались, загремел засов, и дверь распахнулась.

В зал вошли и неподвижно застыли две прекрасные девушки в доспехах, с обнаженными мечами в руках. Их лица были суровы и решительны, и Конан, едва взглянув, понял, что это – настоящие воины, а не просто слабые женщины, нарядившиеся в боевые одежды.

Он потянулся к мечу, но тут в дверях показались еще две юные девушки в легких полупрозрачных туниках. Они несли небольшие мягкие кресла и низкие столики. Испуганно поглядывая на киммерийца, прислужницы поставили ношу на мраморный пол и поспешили удалились. Следом вбежали столь же прекрасные создания с блюдами и кувшинами. Запах жареной дичи и острых приправ защекотал ноздри киммерийца, и он решил, что сражения пока не будет.

Девушки, принесшие яства, упорхнули, и в зал медленно вошли и встали по обе стороны дверей безмолвные женские фигуры, с ног до головы скрытые легкими вуалями. Они склонились в почтительном поклоне, и Конан увидел приближающуюся из глубины коридора женщину в золотисто-зеленом мерцающем одеянии. Она шла, почти не касаясь ногами пола, и в тишине было слышно, как звенят многочисленные браслеты на ее руках и щиколотках. Решительные синие глаза киммерийца встретились с загадочной глубиной немигающих зеленых глаз. Они сияли на бледном прекрасном лице, как два темных изумруда. Коралловые губы слегка изогнулись в усмешке. Подойдя к Конану совсем близко, так, что в

ноздри варвара хлынул исходящий от незнакомки аромат благовоний, женщина принялась молча его разглядывать, а киммериец стоял, как будто окаменев, не в силах пошевелиться.

– Так вот кто испугал моих девушек! – Голос ее, глубокий и волнующий, прозвучал для Конана чарующей музыкой. – Они могут не бояться, ты не причинишь нам зла! – Она загадочно улыбнулась и прикоснулась пальцем к его губам.

Словно молния пронзила все его тело, и очарованный варвар почувствовал, что эта женщина может приказать все, что угодно, а он с радостью будет выполнять любую ее прихоть.

– Сядь сюда и расскажи мне, кто ты и как сюда попал. – Она опустилась на одну из низких скамеек, обитых золотистым бархатом, и показала Конану на разбросанные по полу подушки.

Он послушно пристроился у ее ног, жадно охватывая взглядом гибкую фигуру неведомой повелительницы.

Ее пышные темно-рыжие волосы, убранные в высокую прическу с золотой диадемой, украшенной сверкающими камешками, сзади спускались на шею крутыми локонами. Узкое платье из тяжелой зеленой ткани, отливавшей золотом, удивительно шло к ее белоснежной коже и медным волосам. Открытые до плеч руки, низкий вырез, позволявший видеть манящую ложбинку груди, и высокие разрезы на юбке, сквозь которые виднелись стройные ноги, волновали Конана, помрачая разум. Но какая-то частица его души понимала все же, что это – очередной обман, колдовское наваждение, и два этих противоречивых чувства вели сейчас в душе киммерийца жестокую борьбу.

– Эй, Зафра, налей нам вина! И почему так тихо? Где музыкантши?

Девушки, как легкие птицы, бросились выполнять ее приказания. У Конана в руке оказался большой кубок, наполненный душистым вином. Расположившись на подушках по другую сторону купальни, музыкантши подобрали брошенные в попыхах инструменты и принялись наигрывать негромкую мелодию.

Рыжеволосая женщина, не сводя с Конана глаз, отпила глоток вина из своего кубка и снова спросила:

– Ну, так кто ты такой и как попал в мой дворец? Я жду ответа, говори!

Конану вдруг захотелось рассказать все с самого начала – и про Рагон Сатха, сидящего в своей заколдованный башне, и про свои ночные приключения, и про чудесный талисман, но та частица, которая сопротивлялась властным чарам этой женщины, и ошейник, вдруг сдавивший на миг шею, заставили его немного опомниться. Простодушно

глядя в зеленые глаза женщины, он сказал:

– Ты приказываешь – я с радостью подчиняюсь! Но только я мало что могу тебе рассказать. Я – король обширной страны, имя мое – Конан. Я уснул ночью в своем дворце, а проснулся уже здесь, у тебя. Значит, ты – мое сновидение! – Конан пригубил вино из кубка и, довольный своей хитростью, добавил – Конечно, это сон! В жизни я такого вина никогда не пил! И такой прекрасной женщины, как ты, тоже никогда не видел! – Тут он уже не лукавил и говорил с искренним восхищением, откровенно ею любуясь.

Она, как видно, удовольствовалась таким ответом, взмахнула рукой, и служанки поставили перед ними низкий столик с кушаньями. Отпивая мелкими глотками ароматное вино, женщина с улыбкой сказала:

– Ну, раз это сон, то пусть все в нем будет так, как я хочу! Я царица страны, в которую ты попал. И на сегодняшний день ты – мой слуга. Я буду приказывать, а ты подчиняться. Зато ночью... Ночью ты будешь приказывать, а я – подчиняться... А потом... потом ты проснешься!

Она странно улыбнулась, быстро проведя узким языком по ярким губам, и Конан невольно вздрогнул, почувствовав опасность в ее последних словах. Но все же она так манила, была так желанна!

Осушив кубок, он ответил:

– Я согласен, прекрасная царица! Приказывай – я буду верно служить тебе весь день! А потом я проснусь с надеждой, что ты мне снова приснишься! – И он с удовольствием принялся за дичь.

Музыка заиграла громче, из дверей на середину зала выбежало десятка полтора девушек. Их гибкие тела были едва прикрыты небольшими кусочками ткани, сплошь расшитыми золотом и сверкающими от обилия драгоценных камней. Недостаток одежды уравновешивался множеством ожерелий, запястий, колец, головных украшений и ножных браслетов. Они встали полукругом и замерли, не сводя глаз с Конана и царицы.

Повинуясь легкому наклону головы своей повелительницы, девушки начали танцевать. Сходясь и расходясь в причудливых фигурах танца, звеня браслетами и плавно изгинаясь, они напоминали Конану змеек, в изобилии украшавших пол и стены этого зала. Странная тягучая музыка и мелькание гибких смуглых тел завораживали, и он уже забыл и про дичь, и про вино.

Лишь царица все время владела его вниманием. Изредка взглядывая на танцующих девушек, киммериец вновь переводил глаза на их повелительницу. Она же, поднося к губам кубок и отвечая ему загадочным взглядом, быстро проводила по губам розовым языком.

Конан не заметил, сколько уже прошло времени. Музыка давно

смолкла, девушки куда-то исчезли. В огромном зале сидели только он и рыжеволосая повелительница, да у двери стояли, замерев, две прекрасные стражницы с обнаженными мечами.

Допив вино из забытого кубка, он спросил:

– А как твое имя, моя повелительница? Как мне тебя называть этой ночью?

Она засмеялась, сверкнув глазами:

– Для тебя это имеет значение?! Ну, если хочешь знать, то меня зовут Фриния. А сейчас, мой слуга, слушай приказ своей царицы: ты пойдешь с моими девушками в город и будешь их охранять. Я хочу свежих фруктов, а горожанам запрещено подходить к моему дворцу. Ты силен и смел, для тебя это будет не служба, а удовольствие! – Она снова засмеялась и хлопнула в ладоши.

Дверь распахнулась, и в зал вбежали служанки, неся светлые роскошные одеяжды, ларцы с драгоценностями, флаконы и кувшинчики. Две из них подошли к Конану и поманили его за собой. Прежде чем за ними закрылась дверь, он оглянулся и увидел, как девушки помогают царице снять платье, готовя ее к купанию.

Он потряс закрутившейся головой и нехотя пошел за служанками, увлекавшими его на галерею, ведущую во двор.

Широкий мощеный двор с невысокими стенами, почти скрытыми выющимися розами и плющом, со звонко журчащим фонтаном в центре, был, скорее, похож на небольшой сад. Здесь Конана уже дожидались три служанки с большими корзинами и две юные воительницы в кольчугах, с мечами у пояса.

Служанки, которые пришли вместе с Конаном, велели открыть ворота. Пять девушек шли впереди, а он вместе со стражницами следовал за ними, замыкая маленькую процессию.

Дворец Фринии утопал в пышных садах и небольших рощицах. К городским улицам вела широкая дорога, обсаженная высокими стройными деревьями. Когда они отошли от дворца довольно далеко, Конан оглянулся и залюбовался его красотой. Даже в Шаиссе, поражавшей разум своими дворцами-башнями, он не видел такого великолепия.

Над темно-зеленой листвой садов возвышались легкие причудливые постройки из белого камня, с многочисленными башнями и башенками, ажурными переходами и галереями. Зеленая черепица крыш с золотыми шпилями и фигурными водостоками ярко выделялась на фоне ослепительно-синего неба с редкими пушистыми облачками. Его стены не были изукрашены мозаикой и драгоценными камнями, но сам дворец

казался редкостной драгоценностью в оправе зелени и небес.

Идя следом за негромко переговаривавшимися служанками, Конан то и дело оглядывался, любуясь тем, что увидел. Но вдруг холодная острыя мысль пронеслась в голове, заставив на миг сжаться сердце:

«Зачем я здесь? Чтобы любоваться дворцом и небесами, а ночью спать с царицей? Проклятое колдовство! Так я опять буду плутать, как в Шаиссе!»

Он стиснул зубы и отвернулся, ничего уже не видя перед собой, кроме злобно-насмешливых глаз Рагон Сатха. Он, могучий король, Конан, опять попался на женские чары. Конечно, она тоже колдунья, эта Фриния, и кто знает, чем кончится для него эта ночь любви...

Ему уже не хотелось, чтобы зашло солнце, он мрачно шагал рядом с суровыми стражницами, ощущая себя прежним Конаном, способным противостоять любому колдовству.

Сады внезапно кончились, и по бокам дороги стали попадаться дома горожан. Они проходили по улицам красивого чистого города, и всюду Конан видел испуганные взгляды и закрывавшиеся двери лавок, когда люди замечали приближение небольшого отряда. Прохожие старались свернуть в боковые улочки, лишь бы не попадаться им навстречу. А служанки шли, не обращая на горожан никакого внимания и весело переговариваясь.

Наконец они вышли к базарной площади. Конан сразу почувствовал что-то неладное. Не было слышно веселой переклички голосов, гомона толпы, на дверях многих лавок висели большие ржавые замки. Мальчики-зазывалы не расхваливали звонкими голосами свой товар, не приглашали покупателей зайти в лавку. У дверей сидели старики или пожилые женщины, равнодушно или испуганно глядя на проходивших мимо служанок. А они, уверенно миновав несколько рядов небогатых лавок, остановились у невзрачного входа в одну из них.

Женщина, сидевшая у порога, испуганно вскрикнула и хотела скрыться за дверью, но стражницы встали рядом с ней, и она замерла, пригвожденная страхом. Одна из девушек обернулась к Конану и, одарив его ослепительной улыбкой, сказала:

– Ты должен охранять вход в лавку, и, пока мы оттуда не выйдем, никого туда не пускать. Таков приказ нашей госпожи. Ведь ты понял? – И она опять игриво ему улыбнулась, скользя глазами по его могучей фигуре.

Он положил руку на пояс, где висел его верный меч, и, нахмурившись, кивнул. Стражницы вошли в лавку следом за служанками, втолкнув туда плачущую женщину. Конан замер у дверей, ничего не понимая, но, по-прежнему не убирая руку с меча. Чем-то ему все это не нравилось, но чем

— он не мог понять. Хозяева лавок, расположенных поблизости, опасливо выглядывали из-за дверей, готовые в любое мгновение задвинуть изнутри засовы и затаиться.

Царица пожелала свежих фруктов, а весь город перепугался, как будто на него напала чума. Пять хорошеных служанок и две хмурые девчонки в кольчугах — да на любом базаре их бы даже не заметили. Подумаешь, царский выход! У любого богатого купца в Тарантии слуги выглядят куда внушительней!

Так он размышлял, невесело поглядывая на солнце, которое явно спешило к закату, чтобы отдохнуть там, за краем Земли. Вдруг он увидел, что из одной лавки неподалеку вышел невысокий седой купец и медленно направился в его сторону. Конан стоял неподвижно, краем глаза наблюдая за незнакомцем. Тот подошел совсем близко и склонился в почтительном поклоне:

— Приветствую тебя, чужеземец! Ты — новый слуга нашей прекрасной царицы?

— Да, почтенный купец, сегодня я — ее слуга. А почему ты решил, что я — чужеземец? — Конан повернулся к нему, желая поговорить.

— Твой меч и пряжка на плаще — не нашей работы, да и сам ты мало похож на жителей нашей страны. Наши мужчины — невысокие и стройные, среди них нет таких могучих воинов, как ты.

— Что-то я не видел ваших мужчин, одни старики да старухи! А где же все мальчики и юноши? Где молодые мужчины? Или у вас тут мор на мужчин напал?

Старый купец немного помолчал, прикрыв глаза, потом быстро проговорил:

— Как прекрасна наша царица, несравненная Фриния! Какое счастье служить ей днем и получать награду ночью! — Он замолчал, ожидая, что ответит Конан.

— Она что, всем вам голову заморочила, ваша прекрасная царица? — грубо спросил киммериец, начиная терять терпение.

Солнце спускалось к вершинам деревьев, приближалась ночь, сулившая непонятную опасность, ничего похожего на талисман еще не встретилось на его пути, а тут еще этот полоумный купец, влюбленный в свою царицу!

Неожиданно старик воздел руки к небесам и негромко, оглядываясь на дверь лавки, воскликнул:

— Хвала Пресветлым Богам, наконец-то мои мольбы услышаны! Пришел человек, стряхнувший проклятые чары! На, возьми эту шкатулку, и

спрячь, а я пока все тебе расскажу. – Купец быстро сунул в руку Конану крошечную коробочку, и тот спрятал ее в потайном кармашке пояса. Потом снова замер, глядя на старика, который торопливо заговорил:

– Еще совсем недавно наш город был совсем не таким... Жизнь здесь бурлила, люди жили богато и счастливо, прославляя Пресветлых Богов и мудрого царя. Но даже великие мудрецы совершают роковые ошибки, когда дело касается женщин! Наш славный правитель был вдовец, и после смерти царицы долго не мог утешиться. Но вот однажды, – старый купец опасливо покосился на дверь лавки, но там все было тихо, – однажды в наш город неизвестно откуда прибыл богатый караван, который сопровождали прекрасные девушки-воины. Во главе каравана, в роскошной колеснице, ехала женщина дивной красоты. Ее сопровождали многочисленные служанки, и ни одного мужчины не было в ее свите.

Эта женщина остановилась на самом лучшем постоялом дворе и послала царю дорогие подарки. На следующий день он пригласил ее во дворец... Вот тут-то все и началось! Наш повелитель сразу потерял голову, и от его мудрости и рассудительности не осталось и следа! Вскоре эта женщина – ты, конечно, понял, о ком я говорю, – стала женой нашего царя. Недолго длилось его счастье! Через три дня после свадьбы он умер. Новая царица прогнала из дворца всех прежних служанок, а слуги-мужчины сгинули неизвестно куда. В городе поселился страх. Каждый день прислужницы царицы Фринии выходили в город и уводили во дворец двоих юношей или молодых мужчин. Больше они не возвращались. – Купец снова оглянулся по сторонам и перешел на шепот: – Я тоже лишился единственного сына... А покинуть город невозможно, ее чары держат нас здесь, как в тюрьме... Когда она изведет всех молодых мужчин, тогда только мы освободимся от этого чудовища. Я скажу тебе, кто она! Фриния – царица змей! И все ее прислужницы – тоже змеи! Они проводят с юношами ночь, а потом их жалят! И тебе грозит то же самое, если не воспользуешься тем, что я тебе дал. Змеи как огня боятся красных тканей. В этой коробочке спрятано тончайшее красное покрывало. Когда тебе будет грозить опасность, набрось его на царицу и убей ее! Убей, ради моего погубленного сына! Ради двоих сыновей этой женщины, которых сейчас поведут на смерть! Слышишь, они их нашли! Прощай, чужеземец, да помогут тебе Пресветлые Боги! – И купец побежал к дверям своей лавки.

За спиной короля действительно раздались крики, плач, звон разбитой посуды, звуки ударов и смех. Дверь распахнулась, и на улицу вышли три улыбающиеся служанки с корзинами, полными фруктов. Следом за ними шли два красивых юноши, обнимая двух девушек, прислужниц царицы.

Стражницы, угрожая мечами, удерживали на пороге обезумевшую мать, пока она, рыдая, не повалилась на землю. Ее сыновья, ничего не замечая, кроме прекрасных дев, беспечно улыбались, навсегда покидая свой дом.

Конан, едва сдерживаясь, чтобы не пустить в дело свой добрый меч, скав зубы, двинулся за ними следом. Краем глаза он увидел купца, с мольбой глядящего на него из-за приоткрытой двери своей лавки, и кивнул ему головой. Когда они шли обратно по дороге, обсаженной высокими деревьями, дворец, залитый розовым закатным светом, казался еще прекраснее, чем днем. Но в нем, как в румянном спелом яблоке, гнездились отвратительные черви, высосавшие сок из целого города. Юноши, которые шли сейчас перед ним, еще утром знали, чем грозит им дворец царицы змей, а сейчас, забыв обо всем на свете, кроме лукавых чар женской любви, направлялись прямо к смерти в пасть.

Несколько раз за время недолгого пути Конан прикасался рукой к потайному карману, словно проверяя, здесь ли чудесная коробочка. Он знал, что ему снова придется испытать на себе волшебное очарование царицы, и был готов к борьбе. Но проклятый талисман...

Проделки Нергала! Где он может быть? Что здесь самое важное? Может быть, эта крошечная шкатулка? Нет, только не она! Его душа не встрепенулась, его рука не ощущила волшебного тепла. С ее помощью он победит царицу – и только... Но это – лишь полдела. Надо искать талисман!

Они подошли к дворцовой стене, и перед ними тут же распахнулись ворота. Во дворе, увитом розами, с журчащим фонтаном посередине, их уже ждал целый отряд вооруженных девушек. Двоих пленников, с восторгом смотревших на прекрасных стражниц,вели в одну сторону, а Конана повели в другую. Он поднимался вслед за прислужницами по лестницам из розового в прожилках мрамора, его вели по галереям, с которых был виден раскинувшийся внизу город.

Наконец, они остановились перед дверью, словно чешуей покрытой тонкими пластинками зеленоватого камня. Из-за двери доносилась приглушенная музыка, теплыми волнами убаюкивающая разум. Конан сжал руки, напрягая всю свою волю, чтобы не поддаться чарам. Лицо его оставалось бесстрастным, но внутри бушевал гнев, как всегда, когда он сталкивался со Злом, обладавшим колдовским могуществом.

Дверь неслышно раскрылась, и глазам Конана предстала комната, залитая алыми отблесками заката. Через широкие распахнутые окна, выходившие на большую террасу, вливался прохладный вечерний воздух, напоенный ароматом роз. Волнующая музыка, кружащиеся в танце фигуры

девушек на какое-то мгновение опять заставили его забыть, зачем он здесь, но, прикоснувшись рукой к поясу, в котором была спрятана шкатулка, Конан сразу обо всем вспомнил. Стارаясь, чтобы блаженная улыбка, появившаяся на его лице, когда он вошел в комнату, не сменилась хмурой гримасой, он подошел к Фринии, сидевшей поодаль и не сводившей с него глаз.

Странно, но сейчас она не казалась ему такой прекрасной, как утром. Рыжие волосы, густыми локонами рассыпавшиеся по плечам, лишь подчеркивали хищное выражение ее лица, а язык, жадно облизывающий алые губы, напоминал киммерийцу смертоносное жало змеи.

На этот раз царица была одета в легкую тунику цвета слоновой кости с широкой золотой каймой. Едва доходившая до середины икр, она оставляла открытыми красивые ноги с тонкими лодыжками. Конана, как и в первый раз, поразило обилие браслетов, украшавших ее руки и ноги. Они мелодично звенели при малейшем движении, снова и снова приковывая взгляд ее прелестям.

Танцовщицы кружились и изгибались перед ними. Конан, сидя рядом с царицей, видел в них только танцующих змей, несущих гибель. Отвернувшись от девушек, он заглянул в зовущие зеленые глаза царицы и сказал:

– Если ты довольна тем пустяком, который назвала службой, прекрасная Фриния, то я напомню тебе, что приближается ночь! А то я боюсь проснуться, не досмотрев этот сон до конца!

Она засмеялась, и браслеты тихонько зазвенели.

– Ночь уже близко, ты прав, король Конан! Но, пока солнце еще золотит небеса, мы побудем здесь, и я любуюсь тобой, таким могучим! Мне очень нравится, как ты выглядишь, опоясанный широким поясом, мечом и кинжалом – дикий воин из дикой страны. Мы, изнеженные женщины, так любим мужскую силу. Сейчас нам принесут вина, мы еще немного поговорим, а потом... – И ее язык снова скользнул по губам.

Опять перед ними появились столики с ароматными кушаньями и пряным вином. Как видно, Фриния ни на мгновение не усомнилась в силе своих чар, разрешив Конану сидеть рядом, не расставаясь с оружием. Он был ее законной добычей, ее игрушкой, и зеленые глаза бесстыдно скользили по его плечам, груди, бедрам...

Сидя у ее ног, Конан пил вино, опустошал блюда с дичью и отвечал ей не менее откровенными взглядами. Ему даже не надо было мысленно раздевать ее – гибкое тело соблазнительно просвечивало сквозь тонкую ткань. Она, жмурясь от удовольствия, изящным движением вытянув вперед

сначала одну ногу с крошечными розовыми пальчиками, потом другую. Среди звякнувших браслетов вдруг мелькнуло что-то смутно знакомое, узкая полоска черных знаков на светлом металле.

Сердце Конана гулко забилось, и он поспешил поднести к губам полный кубок, чтобы скрыть свое изумление. Скосив глаза, он всматривался в звенящие кольца браслетов на правой ноге царицы.

Ну, конечно, вот он талисман! Браслет со знакомым узором тут охватывал лодыжку, а остальные, свободно болтаясь и бренча, блеском драгоценных камней и золота скрывали его от глаз. Да и кто станет разглядывать браслеты, когда перед глазами покачивается стройная ножка, обнаженная до самого бедра!

Выпив вино, как воду, Конан окинул Фринию властным взглядом. Ей, привыкшей к обожанию и поклонению своих жертв, как видно, пришлась по вкусу новая игра. Она кокетливо поправила волосы и сказала:

— Мне нравится, как ты на меня смотришь! Сядь поближе, я хочу сама налить вина в твой кубок!

Конан придинулся, и голая нога коснулась его плеча. Огонь желаний, сдерживаемый гневом, снова вспыхнул в крови, но беглый взгляд, брошенный на невзрачный браслет, разом охладил варвара. Царица, сама уже охваченная страстью, ничего не заметила. Она соскользнула с кресла и села на подушки рядом с варваром. Налив вина из серебряного кувшина с узким горлышком, она отпила несколько глотков и протянула ему кубок.

Розовые сумерки уступили место ночной темноте. В комнату неслышно вошли девушки с факелами и стали зажигать светильники. Поднявшись с колен, Фриния скользящей походкой направилась к небольшой двери в глубине комнаты. Толкнув ее, она оглянулась, и Конан, поняв все без слов, вскочил и пошел за волшебницей. Следом вошли служанки и зажгли несколько маленьких золотых светильников. Не успели они выйти, как в спальню впорхнули пять или шесть полуобнаженных танцовщиц и сели на полу около роскошного ложа.

Конан нахмурился, отошел в сторону и сказал, указывая на них:

— Днем приказывала ты, а ночью приказываю я — ведь это твои слова, царица? Пусть служанки выйдут, я хочу остаться только с тобой!

Фриния засмеялась, пряча свое недовольство.

— Ты первый, варвар, кому не нравится их присутствие! Мне кажется, ты сам себя обкрадываешь! Но пусть будет по-твоему — мы останемся вдвоем. — И она повелительным жестом махнула в сторону двери.

Девушки, не скрывая разочарования, удалились, а Конан задвинул фигурный засов. Откинувшись на атласные вышитые подушки, Фриния с

любопытством следила за его действиями.

– Ты что, боишься соперника? Но во дворце больше нет мужчин, кроме тех двоих, которые пришли из города вместе с тобой... А им сейчас не до нас, они уже счастливы. Ну, теперь скажи мне еще раз, как я прекрасна! – И она выскользнула из туники, как змея из старой кожи. Ее тело светилось в полумраке перламутровой белизной, она была подобна жемчужине на темном атласе ложа.

– Такие сны снятся раз в жизни! – воскликнул Конан, не двигаясь с места, – ты прекрасна, и слова бессильны описать мое восхищение! Лучше я докажу его делом. – И он положил руку на пряжку пояса, как бы собираясь его снять.

Фриния, не отводя от глаз киммерийца своего завораживающего взора, не заметила, как он вытащил из потайного кармашка в поясе крошечную коробочку и откинул крышку. Пальцы тут же ощутили прохладное прикосновение шелка. Конан потянул материю из шкатулки и услышал пронзительный вопль царицы:

– Нет! Нет, только не это! Убери, не подходи ко мне! – Она метнулась к окну, но оно было закрыто.

Дрожащие пальцы не слушались ее, соскальзывая с тугих задвижек.

В руках у Конана было уже огромное красное полотнище, а ткань все вылезала и вылезала из коробочки. Казалось, она заполнит всю комнату шуршащими огненными волнами. Киммериец шагнул к Фринии, оцепеневшей от ужаса, и схватил ее за руку. Придя в себя, она бешено забилась, и Конан вдруг ощутил, что держит не руку, а что-то скользкое и холодное. Не глядя, он швырнул ее на ложе, придавил коленом и набросил на извивающееся тело легкое красное покрывало. На мгновение крики смолкли, она замерла под тканью, и Конан успел выхватить меч. Но вот под покрывалом как будто заходили волны, не осталось ничего похожего на очертания человеческого тела, визг и вопли сменились угрожающим шипением. Неожиданно из красных складок, судорожно вздрогивая и звеня браслетами, высунулась прекрасная женская нога.

Конан увидел мелькнувший узор талисмана, схватил тонкую лодыжку и изо всей силы ударил мечом. Ему показалось, что весь дворец сотрясся от его удара, пламя в светильниках взметнулось до самого потолка, шипение перешло в оглушительный свист, и тело огромной змеи стало, бешено извиваясь, выкатываться из-под волшебного покрывала. Меч с размаху опустился на чешуйчатые кольца. Конан рубил и рубил, ключья покрывала летели во все стороны, на полу корчились обрубки змеиного тела, а тварь все еще была жива.

Наконец, из-под легкой ткани показалась огромная змеиная голова с женским лицом, увенчанная золотой короной. Ни следа колдовской красоты уже не было в нем, выпущенные зеленые глаза горели огнем ненависти, с оскаленных красных губ капала ядовитая слюна, яростно дрожал длинный раздвоенный язык.

— Ты умреш-ш-шь! Ты все равно умреш-ш-шь. Уж-ж-жалю! — И она в последнем отчаянном броске метнулась к Конану.

Но меч, уже позеленевший от скользкой змеиной крови, мощным ударом разрубил ее надвое. Ложе превратилось в сплошное месиво из распоротых подушек, обрывков красного шелка и все еще шевелящихся чешуйчатых кусков, поверх которых лежала разрубленная голова.

Конан, тяжело дыша, перевел взгляд с мертвый гадины на то, что так крепко сжимала левая рука. Его передернуло от отвращения — он держал чешуйчатый змеиный хвост с впившимся в него колдовским браслетом. Нечего было и думать, чтобы снять его. Приходилось нести прямо так, с хвостом.

Конан отодвинул засов, еще раз с омерзением взглянул на ложе и вышел в соседнюю комнату. На одном из кресел лежал его плащ. Он завернул в него змеиный хвост, крепко завязал и перекинул сверток через плечо. Потом, не оглядываясь, быстро вышел на галерею, вспоминая, какой дорогой его сюда привели.

Вытерев меч о первую попавшуюся завесу, он неслышными шагами двинулся вперед. Вокруг слышались какие-то шорохи, шуршание, в лунном свете мелькали быстрые змеиные тела. Прислужницы царицы спешили покинуть дворец.

Вдруг Конан увидел луч света, пробивавшийся в щель под одной из дверей. Распахнув ее мощным пинком, он увидел то, что искал, — двоих юношей, лежащих на полу среди подушек и с ужасом смотревших остановившимися глазами на целый клубок шипящих, раскачивающихся змей.

— Получайте, гнусные отродья! Получайте! — Меч снова засвистел в воздухе, и змеиные тела с отрубленными головами забились на полу у его ног.

Те, кто не успел уползти в щели, остались лежать, разрубленные на куски. Вскоре в комнате не осталось никого, кроме Конана и перепуганных юношей, которые, обнявшись и дрожа, сидели, не в силах вымолвить ни слова.

— Быстрее одевайтесь — и прочь отсюда! — резко сказал Конан, бросая им одежду.

Все еще вздрагивая, они кое-как натянули ее на себя и, едва поспевая за своим спасителем, быстро пошли по темным переходам, разыскивая выход.

Еще пару раз Конану пришлось поработать мечом, когда разъяренные змеи попытались преградить им дорогу. Наверное, это были те стражницы, которые охраняли покой своей царицы. Мелкие змейки в страхе расползались в разные стороны и забивались в темные углы, прячась от его сверкающего клинка.

Во дворе, куда они, наконец, вышли, никого не было. Юноши бросились открывать ворота, а Конан с обнаженным мечом в руках настороженно смотрел по сторонам, ожидая появления какой-нибудь гадины. Но путь был свободен.

Ворота распахнулись, и они почти бегом кинулись к городу по широкой, ярко белевшей в лунном свете дороге. Деревья негромко шелестели под порывами прохладного ночного ветра. Конан шагал, с удовольствием подставляя свежим порывам разгоряченное лицо.

Спутники шли, почти не разговаривая, и вскоре добрались до первых домов. У юношей словно прибавилось сил, и они ускорили шаг. Вот уже показались первые ряды лавок с плотно закрытыми на ночь окнами. Замерший в лунном свете город казался мертвым.

Ни одного прохожего, ни одной кошки, собаки или хотя бы крысы, с писком перебегающей дорогу, не было видно его тихих улицах. Дойдя до дверей своей лавки, юноши переглянулись и громко забарабанили в дверь, словно собирались перебудить весь квартал. На их стук долго никто не отвечал, но, когда они уже начали кричать во весь голос, дверь немного приоткрылась, потом распахнулась настежь. Седая женщина с распущенными волосами и лицом, мокрым от слез, с криком радости бросилась обнимать сыновей. Двери лавок стали осторожно открываться, и вот уже несколько соседей, не веря своим ушам, внимали сбивчивому рассказу юношей.

Конан потихоньку отошел в сторону и остановился у закрытых дверей лавки, откуда вчера вышел седой купец. Негромко постучал, подождал и постучал еще раз, погромче. За дверью раздались тихие шаги и скрип отодвигаемого засова. Дверь приоткрылась, и Конан проскользнул внутрь.

* * *

Пройдя несколько шагов в полной темноте, он нашупал рукой шелковый полог, откинулся на него и, шагнув в комнату, неожиданно оказался перед лицом Рагон Сатха. Вокруг него, матово поблескивая, сходились высоко вверху стены башни. Конан оглянулся – за его спиной тоже была гладкая стена. Всего, одно полотнище висело напротив, напоминая, что опасный путь еще не пройден до конца.

Рагон Сатх разглядывал его, как невиданного зверя, – с удивлением и восхищением, но Конан этого не видел – он развязывал тяжелый сверток, который снял с плеча. Развязав последний узел, он вытряхнул на пол змеиный хвост с впившимся в него браслетом. На его глазах хвост стал уменьшаться, делаться тощее, и, превратившись в золотистую змею, выплыл из браслета.

Угрожающе зашипев, змея быстро поползла в сторону Рагон Сатха. Колдун вздрогнул и протянул в ее сторону дрожащую руку. Из его ладони вырвался маленький белый сгусток огня и, разбрасывая искры, упал вниз. Когда Конан снова взглянул на то место, где только что была змея, там уже не было ничего, кроме темного пятна на ковре.

– Впервые вижу такого героя, как ты! – Голос колдуна звучал вкрадчиво, но в нем чувствовалась затаенная зависть и ненависть. – Из этой двери еще никто живым не возвращался. А ты и сам вернулся, да еще и эту дрянь сюда принес. Не выношу змей, в этом моя слабость! Ну, дай же мне скорее этот браслет, и тебе останется единственная дверь! Всего одна ночь – и мы оба свободны! – Он принял браслет из протянутой руки Конана и с радостной гримасой смотрел, как часть талисмана превращается в золотой треугольник.

Теперь талисману, чтобы стать цельным диском, не хватало одного кусочка, и колдун все никак не мог отвести глаз от него. Наконец Конан не вытерпел:

– Ты на него еще наглядишься, а мне тут делать больше нечего! У меня от этой работы в горле пересохло, а в спальне ждет кувшин вина!

– Ах, да, кувшин вина! Заботливая маленькая Имма! Ну, отправляйся, король, пей свое вино, отдыхай, веселись… – Последние слова мага потонули в реве вихря, рванувшего на Конана одежду, вздыбившего волосы и повалившего киммерийца на пол.

Покружив над ним еще немного, шальной ветер успокоился, и все стихло.

Глава десятая

Конан лежал в полной тишине, закрыв глаза, и не торопился их открывать. Он знал, что сейчас увидит – подушку, полог и резную стену...

Глаза чуть-чуть приоткрылись, и он засмеялся – перед ним из-под щеки торчал кусок подушки, мирно висел парчовый полог, первые лучи солнца освещали резную панель стены... И совсем рядом на столике стоял большой кувшин вина...

Конан веселился, а маленькая Имма весь день не находила себе места. То она убегала в глубину сада, чтобы не слышать музыки и смеха, то, прячась за деревьями, старалась разглядеть короля в пестрой толпе придворных. Ближе к вечеру ее беспокойство перешло в твердую уверенность. Наконец девушка поняла, что нужно делать. Теперь уже не было места колебаниям – ее повелителю грозила смертельная опасность, и только от нее зависела этой ночью его жизнь.

Она незаметно проскользнула в спальню Конана и замерла, прислушиваясь. Никого. Господа развлекались, а слуги, как всегда, потихоньку глазели, позабыв про свои дела. Около ложа девушка задержалась на мгновение, ласково провела рукой по шелковому покрывалу и поспешила в дальний угол, где стоял огромный сундук. С трудом откинув тяжелую крышку, Имма вытащила целую охапку кожаных тисненных поясов, ремешков для королевских сандалий, украшенных золотыми и серебряными бляшками, и еще множество богато отделанных предметов, о назначении которых она даже не догадывалась. Быстро, опасаясь быть застигнутой в королевской спальне, девушка спрятала все это в маленькой смежной комнатке, где хранились любимое оружие короля и его старые доспехи. Сюда заходили редко, и ворох всякой всячины в углу, старательно прикрытый небольшим ковром, выглядел совершенно естественно. Она вернулась к сундуку, помедлила немного, оглядываясь вокруг и как бы прощаясь с каждым предметом.

День за окном угасал, окрасив небеса торжественным пурпуром. Алье тучи начали покрываться по краям серыми тенями, и ночь, ненавистная, страшная ночь, торопливо приближалась, намереваясь отнять жизнь у Конана, ее короля. За дверью раздались шаги и громкие голоса. Девушка вздрогнула, очнувшись от размышлений, и поспешно спряталась в сундук, неслышно опустив тяжелую крышку. Она подложила под край один из оставшихся ремешков и в маленькую щель могла видеть центр спальни и

королевское ложе. Стремительно вошел Конан, на ходу разговаривая с Дамунком:

– Ну, и куда же она делась, как ты думаешь?

– Не знаю, о, мой король! Имма вообще очень странная девушка, непохожая на других. Она может исчезнуть на несколько дней, а потом появляется с целой корзиной редких трав и кореньев и говорит, что именно в эти дни их надо было собирать. У нее врожденное знание, она никогда ничего не читала, хотя я и обучил ее грамоте – все это ей не нужно. Я говорю – и она тут же все запоминает. У меня были ученики-мальчики, но ни одному из них, я так и не смог передать свое знание. А эта девочка – она со временем превзойдет меня...

– А где ты достал это сокровище? Она, что, сама к тебе пришла или ее тебе привели?

– Нет, мой король, все получилось совершенно случайно – и все же очень необычно. Я сам до сих пор не знаю, верить или не верить тому, что мне рассказали.

– День еще не угас, ты успеешь мне рассказать историю про маленькую Имму. У тебя славная ученица, только что же в ней необычного? Рассказывай, не медли, смотри, облака уже темнеют, а я хочу услышать все сейчас!

– Это было довольно давно, зим десять назад. Звезды и Луна говорили, что настает лучшее время для сбора редких целебных трав, и я, как и каждый год в это время, направился в места, где они растут, прячась от посторонних глаз. Я странствовал несколько дней и собрал все, что мне было нужно, только корень нилги мне в тот раз никак не удавалось найти. Обошел все места, где любит расти нилга, но так и не увидел ни одного цветочка, ни одной белой звездочки на высоком стебле. Я напрасно читал заклинания, призывающие чудодейственную нилгу не прятаться, а отдать свой драгоценный корень в мои руки, – ничего не помогало. Измученный и разочарованный, я вернулся в деревню, где останавливался на ночлег. В моей комнате лежали пучки трав и корзинки с кореньями, но самого главного, того, что придает особую силу снадобьям, что возвращает даже старцу частицу ушедшей молодости, – корней волшебной нилги у меня не было. Утром я собирался в обратный путь, потому что сорванные целебные растения теряли силу, и тратить время на поиски не имело смысла.

Грустно задумавшись, сидел я на низкой скамье у порога дома, как вдруг передо мной, как из-под земли, выросла хрупкая смуглая девочка с огромными желтыми, как мед, глазами и непослушными кудряшками волос. Она с робкой улыбкой протянула мне корзинку, доверху

наполненную какими-то кореньями.

«Возьми! – сказала она. – Ведь ты это ищешь уже три дня? Возьми, здесь много растет этих цветов с целебным корнем, они тебя зовут, но ты их почему-то не слышишь!»

Ее голосок звенел в тишине, как колокольчик. Она подошла ближе и поставила корзинку мне на колени. Я погладил ее по кудрявой головке, с горечью подумав, что вот уже и маленький ребенок меня пожалел, и взглянул в корзинку, боясь ее обидеть. Я чуть не рассыпал все коренья, когда понял, что это действительно то, что я искал! Корзина была доверху полна чудесными кореньями нилги! Ни разу, даже в самые удачные годы, мне не доводилось найти их так много, а тут крошечная девочка дарит мне целую корзину! Дрожащими руками поставил я драгоценный подарок на землю, усадил девочку рядом с собой и спросил:

«Кто ты, малышка? И откуда ты знаешь целебные травы? И как ты поняла, что я ищу?»

«Я – Имма, живу вон в том маленьком домике на краю деревни, – она вытянула свою тоненькую ручонку, очень довольная, что я принял ее дар, – у моих родителей еще трое детей, и, когда они болеют, я сама лечу мальшай. Ведь все травы и деревья и даже камни умеют разговаривать, только их почему-то никто не слышит. Они мне всегда говорят, что они умеют делать и когда их надо собирать. А ты очень громко звал этот цветок, а сам почему-то шел от него в другую сторону. Разве ты не слышал, как он отзывался?»

«Нет, девочка, не слышал. Спасибо тебе, я этими кореньями вылечу много людей, а через год снова приду сюда. Ты мне поможешь, когда я вернусь?»

Но она нахмурила бровки и опустила головку, пытаясь что-то прошептать и, никак не решаясь. Я снова погладил ее по головке, наклонился к самым губам и расслышал:

«Возьми меня с собой... Я буду помогать тебе готовить лекарства и лечить людей. Буду подметать, и мыть твою комнату, стирать твою одежду! Я все умею, возьми меня собой!»

И она горько расплакалась, уткнувшись в колени. Я не умею утешать детей, но тогда был готов пообещать ей все, что угодно, лишь бы она успокоилась. Как только у меня вырвались слова, что да, я возьму ее с собой, она сразу повеселела, вскочила и побежала к маленькому домику, крикнув на ходу:

«Утром буду ждать тебя здесь, у порога!»

Она исчезла, а я сидел, посматривал то на корзину с кореньями, то на

видневшийся вдалеке маленький покосившийся домик и думал: что я буду делать в городе с маленькой девочкой?

Я и не сразу заметил, как из дома во двор вышел хозяин и тихонько сел на скамью рядом со мной. Он несмело покашлял, явно желая что-то сказать, и наконец решился:

«Это Имма... Она немножко чудная, господин! Да и то сказать, как она у нас появилась – это тоже вроде, как чудо. Сначала старухи шипели на Кларса и его жену – зачем, мол, взяли найденыша, девчонка нам всем беду принесет, а потом ничего, замолчали. Она добрая, ласковая, только дикая какая-то, целыми днями в лесу бегает, только ночью домой приходит, как звереныш какой».

«А как она у вас появилась?»

Мое любопытство разгорелось, как костер из сухих веток, а хозяин охотно рассказывал, хотя и медленно, и бестолково.

«Да была тут у нас зим шесть назад страшная гроза, всю ночь полыхали молнии, гремело так, что несколько коров с перепугу отелились, куры нестись перестали, а младенцы к утру посинели от крика. Когда гроза прошла, и мы стали потихоньку выходить на улицу, от них вот, вон оттуда, – он показал в сторону домика, к которому побежала Имма, – раздался визг. Мы подумали, что кто-то помер, и побежали туда. Это визжала толстуха Рикла, жена Кларса. Она тоже вышла из дома, чтобы посмотреть, что наделала гроза, и наткнулась на огромный зеленый шар или яйцо – кто его знает, что это такое было? И оттуда, из этого шара, слышался плач младенца».

Рассказ хозяина меня очень заинтересовал, а он, видя, как я внимательно слушаю, продолжал таинственным шепотом:

«Да, господин, плач младенца! Вся деревня собралась около их дома, мы стояли и не знали, что делать, пока сам Кларс не решился. Он поднял с земли тяжелый острый камень и изо всех сил ударил по шару. Рикла завизжала так, что мы все попятились, а Кларс все стучал и стучал своим камнем. Наконец шар треснул и раскололся. И, правда, там был младенец – посреди блестящих зеленых осколков лежало дитя, завернутое в желтую ткань. Когда Рикла увидела ребенка, она как будто сошла с ума. У них-то с Кларсом детей не было, вот она и решила, что это ей дар богов. Она схватила девочку и унесла в дом со словами, что это ее сокровище и больше ничье. Ну, а мы потихоньку разошлись – дел-то хватало. Кларс, не будь дураком, сгреб осколки того шара, а потом показал их купцам в городе. Оказалось – драгоценный камень. Ну, они и стали жить без забот».

«Говоришь, у них не было детей, а девочка сказала, что у нее трое

братьев и сестер. Они что, тоже с неба свалились?» – спросил я.

«Да нет, после того, как они взяли Имму, Рикла вдруг стала рожать, да таких крепышей... Теперь, когда у нее свои появились, она на девчонку и смотреть не хочет, говорит, хоть бы в лесу и осталась. И детишки в деревне тоже ее не любят, она ведь не играет с ними, а все шепчет, шепчет что-то. В общем, чудная, и все тут».

Он встал и позвал меня ужинать, а я все вспоминал доверчивую мордашку Иммы и уже твердо знал, что возьму ее с собой. Так она и стала моей ученицей, вернее, помощницей. Все, что я ей говорил, она запоминала с первого раза, не то, что эти лоботрясы-мальчишки! Я их просто разогнал, не было ни в одном из них ни любви, ни прилежания».

Дамунк хотел еще что-то добавить, но, заметив, что король отчаянно борется со сном, и уже не может сказать ни слова, оставил его одного и на цыпочках вышел из спальни.

Конан проводил его затуманившимся взглядом, с трудом поднялся с массивного резного кресла и, пошатываясь, подошел к двери, нашупывая засов. Он не желал, чтобы его видели беззащитным, во власти колдовского сна, будь то даже преданнейший из слуг или сама королева Зенобия. А если сюда проникнет кто-то из врагов, разнюхавший про роковую тайну, и решит покончить с могучим королем одним ударом меча? Нет, дверь, мощная дубовая дверь, окованная фигурными бронзовыми полосами, должна быть заперта на тяжелый засов и охранять главную крепость королевства – опочивальню короля.

Сон манил, ласкал, убаюкивал, но Конан налег всем телом на засов, со стоном задвигая его, – движение, которое он делал всегда легко, не задумываясь, сейчас давалось с неимоверным трудом. Он так и не смог, отойдя от двери, преодолеть расстояние в несколько шагов, отделявшее его от ложа, и, как подкошенный, упал на ковер, уносясь плененной душой в мрачную башню Рагон Сатха.

* * *

Он мчался в кружащемся вихре стонущих и визжащих полос, скручивающихся и расплетающихся вокруг, и не чувствовал, что там, где-то неимоверно далеко, в опочивальне королевского дворца, к нему прильнуло трепещущее девичье тело, кудрявая головка опустилась на широкую грудь

варвара, а руки прижались к ледяному обручу на шее.

Но именно в этот момент мучительное кружение вихрей сменилось мягким покачиванием, как будто он плыл по невидимым волнам неявленного моря. Тихие шорохи звучали нежно и сладострастно, как слова любви, и он отдался этому блаженному ощущению, совершенно забыв и про башню, и про Рагон Сатха, и про последнюю, самую опасную дверь.

Вдруг задремавшие волны закачались сильнее, одна из них подхватила Конана, подбросила вверх и резко опустила на темно-красный ковер. Он снова был здесь, в этой ненавистной клетке, и снова рука в бесполезной ярости сжимала меч, который не может ни пронзить, ни ранить проклятого мага. А тот сидел на своем сверкающем троне, вцепившись хищными пальцами в золотой диск, и всматривался в лицо варвара, как будто видел его впервые. Его облик снова и снова неуловимо менялся, пока, наконец, не принял окончательной формы. На этот раз на Конана смотрело кроваво-красными глазами существо с вытянутым вперед изогнутым клювом, его горло вздрагивало от рвущихся наружу гневных слов, глаза метали красные молнии. Конан спокойно встретил пронзающий, злобный взгляд. Казалось, две яростные силы с ненавистью глядят друг на друга, и ни одна из них не может уничтожить другую.

Наконец колдун разразился издевательским хохотом и, с трудом выталкивая из горла клокочущие гневом слова, заговорил:

– А ее ты зачем сюда притащил? Думаешь весело провести время? Или до сих пор тебе было слишком легко? Мне нужен ты, а не твои девчонки! А ты, маленькая дрянь, как ты сюда попала?! Я, Рагон Сатх, силой и властью своей вызывал его, и только его, но как ты здесь оказалась? Отвечай, или я сожгу тебя, как сухой тростник!

Конан слушал яростные слова взвешенного мага, ничего не понимая. Девчонки?! Какие еще девчонки?

Вдруг он почувствовал сзади, под плащом, какое-то прикосновение. Кто-то стоял там и держался руками за широкий кожаный пояс, стараясь укрыться от огненных глаз обозленного чудовища. Отпустив рукоять меча, он нашупал тоненькую руку и вытащил из-за своей спины упирающуюся девушку.

– Имма! Ты! Зачем ты здесь?! Что я с тобой буду делать?! Колдун, это все твои штучки! Верни девчонку обратно! Или я умру здесь, в этой проклятой башне, а к твоей последней двери и шагу не сделаю! Мне плевать на все твое могущество, ты, кажется, меня уже немного знаешь! Или делай, как я сказал, или тебе не видать свободы! Жди, пока родится

другой, похожий на меня, или поищи кого-нибудь в Кхитае или Вендии, там народ мелкий, но много чего может! Ну, я сказал, а ты слышал – отправь ее обратно, и чтобы я в этом убедился! – Он встал впереди Иммы, закрывая ее от сверкающих рубиново-красных глаз, ожидая ответа.

Похоже, его слова озадачили мага, он молчал и явно был в замешательстве. Гнетущую тишину внезапно разорвал звонкий голосок, слегка дрожащий от испуга:

– О, мой повелитель, я сама осмелилась последовать за тобой! Его чары тут ни при чем, это лишь мое желание – и больше ничего! Я и сама не знаю, как мне это удалось, но я буду с тобой на этом пути, и отправить меня назад не в его власти! – Имма уже справилась с первым испугом, и голос ее звучал почти торжествующе.

Рагон Сатх нахмурил лохматые брови, почти скрыв тлеющие уголья глаз, и прохрипел:

– Или умирайте тут оба – а смерть я обещаю вам самую долгую, самую мучительную, неплохое развлечение взамен несбывшихся надежд, – или идите и достаньте последний талисман, тогда, счастливая парочка, я верну вас в Тарантию – живите и радуйтесь! – Он зловеще захихикал и поднялся с трона, указывая трясущейся рукой в сторону последней двери.

Имма выскользнула из-за спины Конана и побежала к неподвижному пологу. Он висел, не колыхаясь, и, блестя узорами в ослепительном свете белого шара, напоминал раскрашенный стальной лист.

Девушка отогнула край полотнища, с улыбкой обернулась к Конану и призывающе протянула к нему руку. Конан с проклятиями устремился к ней, пытаясь оттолкнуть ее от смертельной двери, но неведомая сила уже ввлекла их вперед, не давая даже оглянуться. Вслед неслась обрывки слов и яростных воплей Рагон Сатха, давшего волю своему гневу, но они уже парили, взявшись за руки, в густом молочно-белом тумане, с трудом различая друг друга. Глаза Иммы сияли, губы приоткрылись в лиющей улыбке – можно было подумать, что это счастливейший миг в ее жизни.

– Что ты натворила, девчонка! Ты и представления не имеешь, куда попала! Ох, эти женщины! – Еще не остыv от гнева, Конан принял громко отчитывать Имму, но гулкое эхо, со всех сторон подхватившее слова, заставило его перейти на шепот. – Ваша любовь иногда связывает воина по рукам и ногам! Ты думаешь, если ты здесь, то мне уже ничего не грозит? Нет, девочка, здесь мужское дело, и ты мне будешь только обузой!

Имма с улыбкой слушала его слова, словно давно уже знала, что может сказать разгневанный король. Она покрепче уцепилась тонкими пальчиками за руки Конана, как ни в чем, ни бывало, тряхнула кудряшками

и прошептала, боясь потревожить эхо:

– Ты ничего не знаешь обо мне, о, мой повелитель! Дамунк ведь рассказал тебе мою историю, но ты, конечно, уже все забыл. Я должна быть сейчас с тобой, только я могу тебе помочь, иначе ты погибнешь! Я люблю тебя, мой повелитель, но моя любовь тут ни при чем. Я знаю, что должна быть здесь, и это для меня самое главное. Мое знание никогда не обманывает!

Ее глаза по-прежнему улыбались, но в их золотом блеске Конану почудилось что-то не по-детски мудрое, такое же древнее и колдовское, как в огненных глазах Рагон Сатха. Только эти глаза смотрели на него нежно и снисходительно, как будто ребенком был он сам, могучий король Конан.

Он действительно едва мог вспомнить, что говорил ему Дамунк – все казалось таким далеким, как будто происходило год назад. Что-то насчет каменного яйца. Или шара...

Имма, внимательно вглядываясь в хмурое лицо короля, вдруг засмеялась, и ее смех раздался сверху и снизу, с боков, спереди и сзади. Казалось, они не одни в этом тумане, а со всех сторон их окружают смеющиеся девушки. Хмурая складка между черных бровей разгладилась, и Конан невольно усмехнулся.

– Ну, вот ты и вспомнил, о, мой господин! Не знаю, кто я и зачем пришла в этот мир. Единственное, что я умею, – лечить людей и поступать так, как велит мне сердце. Оно никогда не обманывает, поверь мне! Не гневайся на меня, делай свое дело и ни о чем не зaborься! Забудь, что я женщина! – Она хотела еще что-то сказать, но тут оба почувствовали, что стремительно летят куда-то вниз, и еще крепче ухватились друг за друга.

Ноги коснулись чего-то твердого, и Конан, схватившись за меч, попытался сделать шаг вперед. Туман то редел, то становился плотнее, и не было надежды, что эта пелена когда-нибудь рассеется. Но Имма уцепилась сзади за его плащ, так, что золотая пряжка острым краем впилась ему в горло, и пронзительно закричала:

– Нет! Не ходи! Остановись!

Конан резко оглянулся, чтобы отругать дерзкую девчонку, но слова застряли у него в горле. Хлопья молочного тумана стали таять, и перед его глазами постепенно стали появляться контуры далеких гор, острыми зубцами устремившихся в зеленоватое небо.

Перед ним была отвесная скала, уходящая далеко вниз. Еще шаг – и он, кувыркаясь и ударяясь об острые, как ножи, грани торчащих камней, полетел бы туда, в страшную глубину, где, подобно облакам, ходили клочья тумана, то скрывая от глаз, то открывая взору скалы и пропасти, узкие

ущелья и громадные валуны. Сзади раздался тихий стон, и застежка плаща снова впилась ему в горло. Отступив от края, он обернулся. Имма стояла на коленях, крепко уцепившись за край плаща, и крупные слезы градом катились по ее щекам.

Конан встал на колени рядом с ней, погладил по плечу и прижал голову к своей груди:

– Прости меня, девочка! Ты и, правда, знаешь, что делать! Но куда это нас занесло?!

Он поднялся и стал внимательно осматриваться.

Туман уже совершенно рассеялся, и дикая горная страна раскинулась перед ними. Она не была похожа ни на один из горных кряжей, где доводилось бывать Конану. На такие скалы не смог бы забраться ни один смертный. Даже киммериец. Больше всего они напоминали громадные, окаменевшие наконечники копий, сросшиеся чудовищными гроздьями. Одни, самые огромные, остриями устремлялись в небо, а подножия их щерились зубьями скал поменьше, делая склоны совершенно неприступными. Гладкие грани скал сверкали в лучах белесого солнца разными цветами, густо-синими, серо-лиловыми, багровыми и черными, создавая картину устрашающей, демонической красоты.

Та скала, на уступе которой они очутились, подобно остальным, ощетинилась внизу множеством каменных лезвий, а сам уступ, шириной шага в два, начинался как раз на том месте, где они стояли, и уходил наклонно вверх, огибая скалистый край. Надо было идти вперед, туда, куда вела эта неверная тропа, другого пути не было...

Конан решительно двинулся вперед, прошел несколько шагов и оглянулся на Имму. Она шла следом, все еще всхлипывая. Но вдруг его взгляд упал на уступ позади девушки, на то место, где они только что находились. Каменная тропа с тихим шуршанием оседала вниз и сыпалась в пропасть, подбираясь к ногам Иммы. Конан схватил ее за руку и с криком:

«Вперед! Пошевеливайся!» – устремился вверх.

Он почти бежал по уступу, таща за собой еле поспевающую девушку. А когда почувствовал, что Имма совсем задыхается, прислонился спиной к скале и оглянулся назад. Та часть уступа, которая была видна, еще не обрушилась, но звук мелких сыплющихся камней раздавался совсем недалеко. Конан не стал ждать, когда тропа начнет уходить из-под ног: подхватил Имму и, перекинув через плечо, устремился вперед, задевая рукой острые выступы уходящей ввысь скалы. Девушка, тоненькая и легкая, была для него пустячной ношей, но на такой узкой тропе, змеей огибающей

неровности огромной скалы, приходилось быть очень осторожным.

Он старался идти как можно быстрее, чтобы не дать предательскому оползню наступить себе на пятки, и вскоре остановился передохнуть, больше не слыша ж, спиной шороха обрушающихся камней.

Король отвоевал себе совсем небольшую передышку – тропа позади покрылась мелкими трещинками и стала рассыпаться на глазах, как будто была сделана из затвердевшего песка. Небольшие камешки с края начали отваливаться, запрыгали вниз, потом стали обрушиваться целые пласти, и вот уже крупный кусок тропы обвалился, обнажив гладкую поверхность скалы. Она блестела серыми гранями, и невозможно было представить, что еще несколько мгновений назад здесь проходила тропа, на вид такая надежная, несокрушимая.

Конан покрепче ухватил девушку и поспешил двинуться дальше. Тропа то огибалась скальные выступы, то почти ровной дорожкой вела вперед. Они ползли, как два муравья, затерянные среди скал, упорно продвигаясь вверх, к неведомой цели.

За очередным поворотом тропа стала шире. Конан опустил Имму на землю и, тяжело дыша, оглянулся назад. Оползень неутомимо пожирал уже пройденный путь, но, приблизившись к месту, где тропа расширялась, внезапно остановился. Последние камни с шорохом покатились вниз, и все стихло. Конан слышал только, как кровь гулко стучит в висках и дыхание с хрипом вырывается из груди.

Капли едкого пота застилали глаза, и он вытер лицо полой плаща. Потом оглянулся, ища Имму, и гневный рев сотряс скалы, гулко повторяясь и замирая вдали:

– Кр-р-ром! Куда ты подевалась, упрямая девчонка?! Неужели сорвалась?!

Теперь, когда ее не было рядом, он остро почувствовал враждебность этих скал, ненависть, исходящую отовсюду, почувствовал присутствие силы, готовой уничтожить его в любое мгновение. Киммериец лег на землю и свесил голову вниз, надеясь увидеть желтое пятно платья Иммы. Но нет – везде лишь скалы, черные провалы и узкое ущелье где-то в неимоверной глубине. Внезапно в наступившей тишине раздался звонкий голосок:

– Ты звал меня, мой повелитель? Я здесь! Иди сюда, наверное, мы у цели, то, что ты ищешь, должно быть где-то рядом!

Конан вскочил на ноги и хотел, было, как следует отчитать своевольную девчонку, но от радости, что она жива, все гневные слова куда-то исчезли. Он молча подошел к девушке, вынырнувшей из-за выступа

скалы.

Имма, оглядываясь, пошла вперед, и он последовал за ней, схватившись за меч и ожидая за поворотом всего, чего угодно. Но ничего особенного Конан там не увидел. Большая площадка, с трех сторон окруженная скалой, крутым наклонным желобом уходящей ввысь. Остальная часть площадки была обнесена невысокой каменной стеной в половину человеческого роста, а в самом центре ограда прерывалась, и каменистый уступ круто обрывался в бездонную пропасть. Конан подошел к этой неогороженной части и осторожно заглянул вниз.

Имма оказалась рядом и тоже склонилась над пропастью, придерживаясь рукой за край стены.

Глубоко-глубоко под ними, так глубоко, что можно было десять раз умереть, пока упадешь туда, черной дырой зиял бездонный провал, окруженный венцом из острых зазубренных скал. Чем дальше Конан смотрел вниз, тем ближе, казалось, поднимается к нему из глубины эта черная чаша, маня и пугая. Он чувствовал странное желание сделать шаг вперед, всего один шаг, а там, дальше – полет и блаженство...

Из оцепенения его вывел стон, раздавшийся рядом. Имма, изо всех сил вцепившись руками за камни стены, удерживалась, чтобы не броситься вниз. Видно было, что и ее влекла туда, в черноту, коварная колдовская сила.

Конан, не раздумывая, подхватил ее на руки и отбежал подальше от края, с тревогой глядя в бледное запрокинутое лицо девушки. Из-под сомкнутых век текли ручейки слез, губы шептали непонятные слова. Наклонившись, он разобрал:

– Конан, отпусти меня! Я наконец-то пришлась Мне надо туда, вниз! Там мой дом, ты слышишь, они зовут меня!

Она впервые назвала его по имени. Здесь, в этой колдовской стране, не было ни короля, ни ученицы лекаря – были только Конан и маленькая Имма, и он не понимал ее счастливых слез и сияющего взгляда, обращенного туда, к краю площадки.

Конан осторожно посадил ее у стены, подальше от края, и сел рядом, крепко держа за маленькую руку. Постепенно она пришла в себя, вытерла слезы и внимательно поглядела в глаза киммерийца:

– Не держи меня, я не прыгну. Еще не время вернуться домой, еще надо подождать...

– Чего подождать? Имма, этот провал и мне закружил голову, я тоже чуть не прыгнул в пропасть. Сиди здесь и не вздумай даже шаг сделать в ту сторону? Я порву плащ и свяжу тебе руки и ноги, тогда узнаешь, где твой

дом! – Он сказал это полуслыша, но девушка поняла, что именно так он и сделает, если ей вздумается еще раз подойти к краю.

Они долго сидели, молча прислонившись к нагретой солнцем скале. Конан думал, что вот-вот начнется что-то невообразимое и ему придется одновременно искать талисман для Рагон Сатха и стеречь шальную девчонку, чтобы она не кинулась в пропасть. Может, и правда, лучше сразу связать ее, чтобы потом не беспокоиться?!

Он уже хотел было разорвать плащ на полоски, как вдруг Имма прикоснулась к его руке и вытянула шею, напряженно к чему-то прислушиваясь. Конан тоже стал вслушиваться, но ничего не услышал, скорее, наоборот, уши как будто заложило, он видел, что Имма что-то ему сказала, но не разобрал ни звука.

И вдруг страшный удар грома разорвал напряженную тишину, горы вокруг них содрогнулись, и Конан упал на девушку, прикрывая ее своим телом от неведомой опасности.

Эхо, многократно повторив страшный грохот, наконец, затихло, только вдалеке еще раздавались слабые отголоски. Конан приподнял голову, оглядываясь вокруг. Ему казалось, что все скалы должны были обрушиться от такого грома, но вокруг все было по-прежнему. Опять наступила тишина.

Имма поднялась на ноги и стала всматриваться вверх, как будто чего-то ожидая. Конан тоже посмотрел туда, куда наклонным желобом уходили окружавшие площадку скалы. Плоские вершины резко кончались далеко вверху, как будто срезанные гигантским ножом. И оттуда, с небес, раздался вдруг негромкий странный звук, как будто кто-тосыпал из мешка орехи. Звук нарастал, становился громче, и вот по желобу вниз покатилось что-то круглое, блестя на солнце, еще и еще. Имма радостно вскрикнула, изо всех сил ухватившись за его руку. Прямо на них катились множество шаров, стукаясь, и перескакивая друг через друга. Они лавиной выкатывались на площадку, стремясь к ее краю, но стена не пускала их, и только некоторым удавалось через проем соскользнуть вниз, в пропасть.

Шары, самых разных цветов и размеров, раскатывались по площадке, теснились у края стены, а сверху все сыпались и сыпались новые. Самые большие, как колесо от повозки, неторопливо катились в стороны, а маленькие, не больше граната, падали сверху, заполняя все свободное место.

Обхватив Имму, Конан прижался к стене, чувствуя, что еще немного – и они будут раздавлены и погребены под каменными шарами, занявшими уже почти всю площадку. Вдруг Имма, которая напряженно всматривалась

в это беспорядочное движение, и все время к чему-то чутко прислушивалась, сильно оттолкнула Конана и рванулась вперед, в самую гущу скачущих шаров. Конан хотел было ее остановить, но огромный шар подкатился к самым ногам, и, пока он его огибал, Имма была уже далеко.

Она ловко уворачивалась, перепрыгивала с шара на шар и вдруг исчезла в самой середине. Конан хрюпло застонал, не в силах ничем ей помочь. Боги, и зачем – только эта неразумная девчонка за ним увязалась?! Правда, она спасла его от смерти – там, на краю уступа, но что толку? Сейчас эти круглые камни превратят ее тело в лепешку, а потом и он, король Конан, будет раздавлен странными шарами, прежде чем поймет, зачем он сюда попал.

В порыве безудержного гнева он выхватил меч и размахнулся, чтобы хоть так выместить свою ярость. Пусть это бездушные камни, пусть сейчас они обрушатся на него, но умирать он будет, как воин – с мечом в руке и ненавистью в сердце!

Лавина каменных шаров на мгновение замерла, сдерживаемая невысокой стеной, и он увидел Имму, уверенно стоявшую на одном из них. Как желтый цветок, она возникла из этого хаоса и протягивала к нему руки с небольшим бледно-зеленым шаром.

– Конан! Брось меч, скорей лови! Это то, что ты ищешь! Не выпускай его из рук, даже если это будет грозить тебе смертью! Не выпускай его из рук!

Уронив меч, Конан поймал шар, брошенный ему девушкой, и в тот же миг она спрыгнула вниз и затерялась среди хаоса. Сверху катились все новые и новые шары, невысокая стенка не выдержала и стала обрушиваться, и вот вся лавина с торжествующим гулом понеслась в черную пропасть.

Конан стоял, не в силах пошевелиться, и с ужасом глядел на скачущие вниз шары, унесшие Имму. Но в невообразимом гуле и грохоте он вдруг услышал ликий звонкий голос:

– Я вернулась! Я дома! Прощай, Конан! Не выпускай его из рук! Не выпускай!..

Еще долго продолжалось это чудовищное низвержение, но, наконец, последние шары скатились вниз, площадка вновь была пуста, и только обломки стены напоминали о том, что здесь только что произошло.

Держа в одной руке шар, Конан поднял меч и вложил его в ножны. Меч – самый верный и самый надежный друг, и негоже его оставлять в этой колдовской стране. Конан переложил шар из руки в руку и снова почувствовал то непонятное, что ощущал, прикасаясь ко всем частям

талисмана. Ни клюв Черного Оффы, ни алое сердце подземного цветка, ни кубок Шаиссы, ни браслет женщины-змеи, ни кнут людоедов, ни этот зеленый шар не хотели расставаться с его руками. Только теперь, добыв последнюю часть талисмана, Конан до конца это понял. Если бы все эти вещи могли говорить, они бы, наверное, прокричали то же, что он только что услышал от Иммы:

«Не выпускай из рук! Не выпускай!»

Конану вдруг нестерпимо захотелось еще раз взглянуть вниз, туда, куда ушла Имма, и он медленно пошел к краю площадки. Крепко прижимая к груди шар, ухватившись одной рукой за обломок стены, он склонился над бездонной, мысленно прощаясь с девушкой. Внизу опять клубились клочья белого тумана, за которым уже ничего не было видно – ни гор, ни ущелья, ни черной пропасти.

Конан поднялся с колен и хотел, было уже отойти от края, как вдруг заметил, что туман медленно ползет вверх, образуя смутное подобие гигантской человеческой фигуры. Она становилась все более отчетливой, и вот уже перед Конаном, уходя ногами в бездонную пропасть, а головой поднимаясь к вершинам гор, стоял величественный старец с ослепительно белыми волосами. Над его головой разливалось чистое золотое сияние, а по длинным одеждам, сотканным из клубящихся облаков, временами пробегали быстрые беззвучные молнии.

Конан невольно снова опустился на колени и нагнулся голову, не в силах взглянуть в бездонные синие глаза старца. И вдруг загремел голос, от которого задрожала площадка, и эхом отзывались скалы:

– Киммериец, не рассчитывай на благодарность заточенного в башне! Тот, кто ждет тебя там, сейчас готовится совершить свое самое гнусное злодеяние! Я пришел предупредить и спасти тебя!

Вскочив с колен и зажмутившись от нестерпимого блеска, Конан хотел было что-то спросить, но голос загремел снова:

– Молчи, король, и слушай! Этому гнусному червию понравилось твое тело, твое королевство и твоя королева. Когда ты отдаешь ему этот шар: он станет королем Конаном, а ты займешь его место! Но в башне будет уже двенадцать дверей! А его жизнь на Земле продлится столько, сколько твое заточение!

Не в силах сдержать ярость, захлестнувшую все его существо, Конан взревел и изо всей силы ударил кулаком по обломку стены, торчащему рядом. Злорадное эхо тут же подхватило его вопль и долго перебрасывало его от скалы к скале. Но острыя боль и кровь, брызнувшая из раны, прояснили его разум, и он вновь услышал голос сияющего старца:

– Карающие боги не терпят несправедливости! Виновный да будет наказан! Тысячелетия не изменили его предательской сути, и его жизни положен предел! Слушай, король. Через считанные мгновения, вновь оказавшись перед этим порождением бездны, ты должен будешь, не отдавая ему шар, произнести заклинание. Это – кара богов, и ты ее совершишь! Ты повторишь заклинание шесть раз, запомни это! Слушай, слушай!

Хафита сахо! Хафита сахо! Хафита сахо!.. - эхо повторяло загадочные слова на все лады, а голос постепенно затихал, и сами очертания фигуры теряли резкость.

Вскоре огромное золотистое облако медленно плыло в вышине, ничем уже не напоминая величественного посланника.

Конан отошел от края пропасти, подошел к скале, на которую уже начали наползать снизу клочья тумана, и сел на землю, положив шар на колени. Вдруг резкий порыв ветра ударил ему прямо в лицо, и он невольно зажмурился. Ветер дул все сильнее, бросая в глаза пригоршни песка. Конан прикрыл лицо рукой и пригнулся голову к коленям. Ветер яростно завывал и крутился, трепал волосы, рвал одежду, а потом стих так же внезапно, как и налетел.

* * *

Конан поднял голову и увидел устремленные на него горящие глаза Рагон Сатха. Поднявшись с ковра, Конан сделал шаг назад и уперся спиной в медную стену башни. Теперь здесь не было никаких дверей, только тускло блестевший металл.

Колдун сидел на своем троне, одной рукой прижимая к груди диск, в котором не хватало последнего звена, а другую жадно протягивая к Конану:

– Скорее дай мне его, и я верну тебе свободу! Скорее, что же ты медлишь?

Шар в руках Конана был неподвижен, но ему казалось, что в нем бьется живое сердце. Может быть, сердце Иммы? Прижав его к груди так же крепко, как колдун прижимал свою часть талисмана, Конан сказал:

– Нет, так не пойдет! Сначала ты снимешь с меня этот ошейник и вернешь домой! Только тогда ты получишь этот шар!

Колдун, не веря своим ушам, поднялся с трона и, возвышаясь над Конаном, гневно прошипел:

– Так ты мне не веришь, смертный?! Ты, который жив только потому, что я этого хочу, еще смеешь ставить свои условия?! Если ты не сгинул там, за дверями, думаешь, что и против меня сможешь устоять?! Кто ты и кто я! Давай талисман!

Он сделал шаг в сторону Конана, протягивая к талисману трясущуюся руку. Конан выхватил меч, но он тут же рассыпался серебристой пылью. Колдун все ближе протягивал руку, на концах крючковатых пальцев потрескивали искры, когти вытягивались вперед, как стальные кинжалы.

Холодные синие глаза Конана встретились с пылающими злобой глазами колдуна, и с дрогнувших в зловещей усмешке губ киммерийца негромко слетели два таинственных слова:

– *Хафита сахо!*

Колдун вдруг оцепенел, не сводя горящих глаз с того, что было в руках у Конана. Шар исчез, вместо него киммериец держал золотой треугольник, тот самый, которого не хватало колдуну, чтобы вырваться из башни.

Дикий вой злобы и ярости, потрясший ее стены, смешался с грохотом, внезапно раздавшимся за спиной у Конана. Он молниеносно отскочил в сторону и увидел, что в стене вновь появилась дверь, а за ней чудовищным потоком сыплются и сыплются с небес каменные шары. Отступив к противоположной стене, колдун взмахнул рукой, и огненная стрела метнулась в сторону Конана.

– *Хафита сахо!* – она ударила в стену рядом с ним, распахнув еще одну дверь.

Опираясь на окровавленный хвост, оттуда на колдуна с безумной радостью, алчно скаля ядовитые зубы, глядела царица змей. От диска, который колдун судорожно прижимал к груди, с легким треском отделился кусок и, сверкая, подлетел к Конану. Поймав его на лету, Конан приложил его к треугольнику, который держал в руке. Куски талисмана тут же срослись. Теперь колдун понял все. Он в ужасе вскричал:

– Остановись! Молчи! Пощади меня! Я верну тебя домой, дарую несметные богатства, каких нет у земных королей, ты будешь непобедим и могуч! Не говори больше ни слова, отдан талисман, и я сделаю все, что ты захочешь!

Хохот киммерийца заглушил его последние слова, и, как раскат грома, по башне пронеслось:

– *Хафита сахо!*

С грохотом распахнулась еще одна дверь, в башню просунулись

чудовищные рога и мелькнул налитый кровью глаз Гоца. Башня содрогнулась, казалось, что он готов ее разнести так же, как разнес недавно каменный дом.

Колдун, подывая, попытался спрятаться за сияющим троном, но третий кусок талисмана, вырвавшись из его рук, оставил от трона груду радужных осколков.

Теперь Конан держал половину диска и с торжеством смотрел на колдуна, повалившегося на пол, цепляясь за то, что у него еще осталось.

– *Хафита сахо!*

Башня заходила ходуном, и в четвертой двери, распахнувшейся прямо за спиной Рагон Сатха, с визгом и хохотом замелькали гнусные морды демонов Шаиссы.

Они протягивали к колдуну руки, хоботы, щупальца, и он еле успел отскочить в сторону, с трудом вырвав из чьей-то цепкой лапы край своего одеяния. Отбиваясь от чудовищ, колдун чуть не выпустил из рук раскололшийся талисман и со стоном упал на колени, сжимая два оставшихся куска:

– Пощади, о, могучий король! Я буду служить тебе, как верный раб! Любое твое желание тут же будет исполняться! Молчи, не говори больше ничего! А-а-а-а!..

– *Хафита сахо!* Получай, отродье Нергала! Мое желание уже исполняется, и больше мне ничего не надо! Ого, вот и гости из пещеры! Ну, колдун, теперь они тебя пощиплют, берегись!

В распахнувшуюся дверь влетело несколько зубастых тварей, отвратительно визжа и кидаясь на скорчившегося Рагон Сатха. А в башню уже пыталось пролезть огромное существо с бездонной глоткой и зубастыми щелкающими челюстями.

Колдун, вздрагивая, пополз, было, к последней стене, ища спасения и вцепившись в остаток еще недавно почти целого талисмана. Как он ни сжимал его в посиневших от напряжения пальцах, золотой треугольник вырвался из его рук и метнулся к Конану, тут же соединившись с остальными четырьмя кусками.

– Ну, вот и кончилось твое бессмертие, могучий колдун! Так и быть, я подарю тебе еще несколько мгновений жизни, а потом... Осмотрись, ведь все они ждут моего последнего слова, чтобы броситься на тебя! Но это удовольствие я приберегу себе!

– *Хафита сахо!* – и тут же обруч на шее Конана со звоном лопнул.

Колдун, прижавшись к последней стене, едва не вывалился наружу, но тут же с воплем отскочил обратно – Черный Оффа, с бесформенной

оскаленной пастью и зловещими красными глазами лез прямо на него, проталкивая громадными крыльями свое неуклюжее тело.

Руки колдуна вдруг разжались, выпустив золотой треугольник, и он с хрипом покатился по острым осколкам, бешено царапая шею. Конан наклонился и увидел, что теперь Рагон Сатха украшают уже два стальных ошейника.

Демоны, беснуясь в дверях, не смели ворваться в башню, со страхом глядя на Конана, сжимавшего сияющий диск. Колдун, съежившийся и сморщеный, визжал и корчился на полу у его ног. С сожалением взглянув на пустые ножны, Конан воскликнул:

– Эх, мне бы сейчас добрый меч! Так не хочется руки марать! Но смерть ты все равно примешь от меня, гнусная тварь! Ползай, ползай, все равно никуда не денешься!

Вдруг золотой диск стал вытягиваться, принимая знакомые очертания. Рука привычным движением ухватилась за рукоять, и вот уже в его руке засиял золотым блеском тяжелый боевой меч со странными знаками вдоль острия.

Колдун, как крыса, с воем заметался от двери к двери, но везде его встречали оскаленные пасти, острые рога или бешеная лавина каменных шаров. Конан, с хохотом погоняв еще немного, наконец взмахнул мечом и с размаху опустил ему на голову. Ворох огненных искр брызнул во все стороны, и тело Рагон Сатха на глазах стало превращаться в черную головешку. Языки белого пламени бешено плясали, пожирая то, что было когда-то могучим магом.

Вдруг стены башни дрогнули и, раскрыввшись, как лепестки небывалого цветка, обрушились вниз. Конан остался стоять на шестиугольной площадке, среди осколков и черных горелых хлопьев, сжимая в руках теплый шестиугольный талисман. Над ним мягко светилось утреннее небо. Солнце из-за горизонта слегка подкрасило легкие облака, и свежий утренний ветер приятно обдувал лицо. Конан подошел к краю, осторожно глянул вниз и тут же отшатнулся обратно. Проклятый колдун, отродье Нергала, даже после смерти оставил его в этой ловушке!

Земля была еле видна далеко внизу. Даже птицы сюда, похоже, не долетали. Видит Кром, как бы ему сейчас пригодились клылатые сандалии из Шаиссы! А вместо них он сжимал в руках какой-то кусок металла. Если для колдуна он значил так много, то какой толк от него ему, Конану?!

Только он так подумал, как талисман вдруг потяжелел и стал расти. Из последних сил удерживая его в руках, Конан громко ругался, поминая всех

магов и колдунов, живых и мертвых. Но это не прибавило ему сил, и руки сами собой разжались.

Диск, выросший до величины пиршественного стола, повис над полом на уровне колен и легонько толкнул его. Киммериец сразу понял и быстро вскочил на его середину. Золотой диск медленно поплыл в сторону, и Конан увидел огромный витой столб, поднимавшийся снизу, из сердца диких серых гор. Как раз на вершине этого столба и находилась медная клетка – тюрьма Рагон Сатха.

На глазах Конана столб таял, словно свитый из дыма и утренний ветер уносил прочь серые лоскутья. Вдруг диск под его ногами дрогнул, закачался, и Конан почувствовал, что падает вниз. Он попытался ухватиться за его край, но вместо твердого металла рука сжала шелковую ткань.

Глава одиннадцатая

Он лежал лицом вниз на чем-то мягким и все пытался нашупать край диска, но руки его скользили по шелку. Подняв голову, он смотрел вокруг на смутно знакомые вещи. Наконец, как после долгого тяжелого сна, он пришел в себя. Все. Он в Тарантии, во дворце, в своей спальне. Он свободен. Рука потянулась к горлу и, не найдя проклятого ошейника, облегченно упала на покрывало.

Король перевернулся на спину и полежал немного, закрыв глаза и с наслаждением прислушиваясь к гомуону птиц за окном. Еще одним мерзким колдуном на Земле стало меньше! Кром даровал ему, Конану, силы, чтобы избавить мир еще от одного чудовища! Да, сил у него еще много, но пора, давно пора позаботиться о том, чтобы передать их дальше. От этой мысли ему стало радостно, он засмеялся и вскочил с измятого ложа.

Когда дверь королевской опочивальни распахнулась, Дамунк с радостным возгласом устремился навстречу своему королю. Глаза старика покраснели от бессонных ночей, но в них светилась радость, сменившая тревогу ожидания. Увидев, что на шее Конана больше нет ошейника, лекарь воздел руки к небесам:

– Хвала Богам! Могучий король наконец-то свободен! Пришел конец всевластию проклятого Рагон Сатха!

– Да, лекарь, его больше нет, и даже пепел его развеялся по ветру. Мерзко же он вонял! Эй, кто-нибудь, живей принесите кувшин вина, терпкого красного вина, я хочу поскорее запить этот запах и забыть о дурных снах!

На его мощный веселый крик прибежали слуги, бодрствовавшие неподалеку, неся вино, фрукты, хлеб и жареное мясо. Конан предложил лекарю подкрепиться вместе с ним, прежде чем идти отдыхать. Слуги налили темное вино в золотые кубки и почтительно удалились. Король сел напротив Дамунка и, жадно осушив пару кубков, сказал:

– А своей помощницы ты больше не увидишь. Придется тебе все-таки поискать толкового ученика и передать ему свою премудрость!

– Что с ней?! Что с маленькой Иммой, мой король?! Ты знаешь, где она? Неужели Рагон Сатх...

– Нет, не Рагон Сатх, она сама... Я тебе потом все расскажу... – Конан, помрачнев, отошел к окну и распахнул створки.

В открытое окно ворвались молодые голоса и звон оружия. Конан некоторое время наблюдал за происходящим на улице, потом махнул рукой Дамунку, подзывая его к себе:

– Иди скорей! Это то, что тебе нужно! Смотри!

И они оба выглянули в окно. Там, во дворе, не замечая короля и придворного лекаря, мальчишки-пажи, разбившись попарно, в шутку сражались короткими мечами. Они копировали взрослых воинов, и перед Конаном и Дамунком разворачивался маленький рыцарский турнир. Не понимая, что в таком обычном занятии мальчиков привлекло внимание короля, лекарь стал вглядываться внимательнее, пока, наконец, не понял.

Один из них, Ордиг, выделялся из всех. Дамунк вспомнил, что он и раньше обращал внимание на этого мальчика с золотистыми волосами и задумчивыми серыми глазами. Мечтательный взгляд и легкая улыбка, не сходившая с юного лица, на котором еще даже не пробивался первый пушок, никак не вязались с его отвагой и ловкостью, с умением сражаться и редкостным хладнокровием. Другие мальчишки, вспотев и хохоча, уже давно без толку махали мечами, а Ордиг, улыбаясь и то и дело, взглядывая, на цветущее дерево в углу двора, удивительно точно парировал удары противника, хотя чувствовалось, что мысли его витали где-то вдали отсюда.

– Ты узнаешь этот взгляд, Дамунк? И эта улыбка... Я все думал раньше, кого он мне так напоминает, этот мальчишка? А теперь вижу...

– Да, государь, это ее взгляд и улыбка... Где были раньше мои глаза? Правда, тогда была Имма, и я не думал о других учениках... Но теперь... Теперь я вижу, что этому мальчику тоже многое дано. А кто он? Чей он сын?

– Конюха Марда. Для воина у него злости маловато – а для твоего ремесла в самый раз. Так что бери его в ученики.

Солнце уже пылало на западе огромным огненным шаром, когда король Конан и Дамунк вышли, наконец, на галерею. И сейчас оба молча стояли, слушая нежную музыку, доносившуюся из сада. Грустная мелодия показалась Конану смутно знакомой. Он прислушался внимательней: это была старинная киммерийская песня о девушки, которую покинул любимый, чтобы найти счастье в чужих краях...

Конан встрепенулся, глаза его озорно блеснули.

– Ну, лекарь, ты отдохтай, а у меня есть важное дело! Ух, как я сейчас разгоню этих плакальщиц! – И он, легко перепрыгнув через перила, оказался в саду.

Через некоторое время Дамунк услышал визг и хохот, и мимо галереи,

прижимая к груди флейты, промчались музыкантши и певицы, а среди деревьев мелькнула могучая фигура короля, бережно несущего на руках свою королеву.